

Институт экономики переходного периода

Научные труды № 126

**Л. М. Фрейнкман, В. В. Дашкеев,
М. Р. Муфтяхетдинова**

**Анализ институциональной динамики
в странах с переходной экономикой**

**Москва
ИЭПП
2009**

УДК 330.341.2(100)(066)
ББК 65.9(2Рос)-218я54+65.7(2Рос)-218я54

Ф86 Фрейнкман, Лев Маркович.

Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой / Л. М. Фрейнкман, В. В. Дашкеев, М. Р. Муфтяхетдинова – М.: ИЭПП, 2009. – 252 с.: ил. — (Научные труды / Ин-т экономики переход. периода; № 126). — ISBN 978-5-93255-273-5.

I. Дашкеев, Владимир Владимирович.

II. Муфтяхетдинова, Маргарита Рашитовна.

Агентство СІР РГБ

Работа посвящена анализу динамики российской институциональной системы в контексте фундаментальных взаимосвязей между институциональным и экономическим развитием. Описаны авторитетные международные индикаторы институционального развития и с их помощью проведен анализ текущих тенденций в развитии российских институтов. Сопоставляется российская ситуация с тенденциями институционального развития в странах СНГ, Восточной Европы и отдельных странах ОЭСР. Представлена оригинальная многофакторная статистическая модель, предназначенная для объяснения фундаментальных межстрановых институциональных различий на основе ограниченного набора экономических, географических и культурно-исторических факторов.

L. Freinkman, V. Dashkeev, M. Muftiahetdinova

Analysis of Institutional Dynamics in the Economies in Transition

The paper analyzes the changes in the Russian institutional system in the framework of fundamental interdependence between institutional and economic development. It reviews a number of established international indicators of institutional development. These indicators are used to study the current trends in the development of Russian economic institutions. The authors compare the Russia's situation with the tendencies in institutional development of the CIS, Eastern European and selected OECD countries. This paper also contains an original multifactor statistical model aimed to explain the fundamental cross-country institutional differences with a limited set of economic, geographical, cultural and historic factors.

JEL Classification: O43, O57, P27, P36.

Настоящее издание подготовлено по материалам исследовательского проекта Института экономики переходного периода, выполненного в рамках гранта, предоставленного Агентством международного развития США.

УДК 330.341.2(100)(066)
ББК 65.9(2Рос)-218я54+65.7(2Рос)-218я54

ISBN 978-5-93255-273-5

© Институт экономики переходного периода, 2009

Оглавление

Введение	5
1. Анализ и систематизация основных подходов и индикаторов к измерению институциональных характеристик экономического развития	7
1.1. Обзор современных исследований взаимосвязи между качеством институтов и темпами экономического роста.....	7
1.2. Влияние институциональных факторов на экономический рост в переходных экономиках	24
1.3. Основные группы институтов и их измерение	35
2. Измерение, описание и анализ текущего состояния институционального климата в России в сопоставлении с другими странами мира	40
2.1. Оценки уровня институционального развития России на основе международных индикаторов.....	41
2.2. Взаимосвязи динамики индикаторов экономического и институционального развития: опыт России в контексте мирового развития	60
2.3. Некоторые выводы о характере современной институциональной динамики в России	76
3. Применение модифицированной гравитационной модели для исследования сравнительной институциональной динамики	80
4. Эконометрический анализ институциональной динамики в России в 1996–2006 гг.	102

5. Временные горизонты для сокращения институционального отставания России с учетом прецедентов резкого ускорения институциональных преобразований.....	113
6. Некоторые приоритетные направления институционального развития	126
Библиография	151
Приложение 1.	
Оценки уровня институционального развития России на основе международных индикаторов	158
А. Индекс экономических свобод (Heritage Foundation Economic Freedom of the World).....	159
Б. Рейтинг экономических свобод Fraser Institute	163
В. Международный справочник страновых рисков (International country risk guide, ICRG)	166
Г. Индикаторы экономической трансформации (EBRD Transition indicators)	180
Д. Качество среды для экономического роста (GS GES)	188
Е. Индекс экономики знаний (World Bank KEI).....	194
Ж. Индекс условий для ведения бизнеса (World Bank Doing Business)	197
З. Индекс ограничений для прямых иностранных инвестиций (ОЭСР)	200
И. Глобальный индекс размещения услуг (A. T. Kearney GSLI)	203
К. Индекс общественной честности (The Public Integrity Index).....	205
Л. Индекс политического устройства Полити (Polity IV)	214
М. Свобода в мире (Freedom House. Freedom in the World)	221
Н. Доля кредитов частному сектору в ВВП.....	230
Приложение 2.	
Коды стран, включенных в модельные расчеты	232
Приложение 3.	
Результаты оценки модели по данным за отдельные годы	239

Введение

Настоящая работа посвящена анализу динамики российской институциональной системы в контексте фундаментальных взаимосвязей между институциональным и экономическим развитием. В работе сделана попытка учесть и приложить к изучению постсоциалистических экономик выводы и рекомендации из двух быстро развивающихся областей социально-экономических исследований – институционального подхода к анализу источников и факторов долгосрочного экономического роста и количественного подхода к измерению межстрановых различий в качестве важнейших рыночных и государственных институтов.

В работе в систематическом виде представлено описание наиболее авторитетных индикаторов институционального развития, и с их помощью выполнен анализ текущих тенденций в развитии российских институтов, а также проведен широкий набор сопоставлений российской ситуации с тенденциями институционального развития в странах СНГ, Восточной Европы и отдельных странах ОЭСР. При этом основное внимание уделено измерению качества институтов защиты частной собственности, эффективности государственного управления и качества регуляционной среды. Проведенный анализ качества институтов используется в работе для оценки перспектив средне- и долгосрочного развития России, а также для идентификации потенциальных рисков для замедления темпов экономического развития, связанных с отставанием в институциональном развитии. Большое внимание уделяется описанию возникшего в России эффекта «институционального отставания», связанного с разрывом между быстрыми темпами экономического роста в 2000–2007 гг., резко выросшего уровня среднедушевых доходов и относительно низких значений ключевых институциональных показателей.

В работе также представлена оригинальная многофакторная статистическая модель, предназначенная для объяснения фундаментальных межстрановых институциональных различий на основе ограниченного набора экономических, географических и культурно-исторических факторов. Для моделирования была использована мо-

дифицированная гравитационная модель внешней торговли. Проведенные статистические расчеты дают возможность более точно оценить величину институционального отставания для России и его динамику в 1996–2006 гг.

В заключении работы с учетом накопленного международного опыта делается вывод о возможности и необходимости ускорения институциональных реформ в России.

Авторы выражают благодарность за помощь в работе и полезные комментарии В. Стародубровскому, В. Фаминскому, К. Рогову, А. Кнобелю, И. Мазаеву.

1. Анализ и систематизация основных подходов и индикаторов к измерению институциональных характеристик экономического развития

Данный раздел посвящен краткому обзору современного этапа в институциональном развитии России, а также выделению и систематизации основных подходов к исследованию взаимосвязей между качеством национальной институциональной среды и экономическим развитием. На основе анализа ключевых результатов исследований в области институциональной экономики, полученных за последние тридцать–сорок лет, в разделе указывается на существенность влияния, оказываемого различными элементами институциональной среды (такими как тип судебной системы, обеспечение прав собственности, инфорсмент, обеспечение правопорядка, степень развития финансового рынка, качество институтов человеческого капитала и др.) на экономический рост. Отдельно обсуждаются результаты исследований о влиянии различных видов институтов на экономический рост в переходных экономиках. В заключении раздела предлагается набор показателей для измерения качества институтов для четырех основных институциональных групп: правовые институты, регулирующие институты, институты человеческого капитала, институты экономической координации и распределения рисков.

1.1. Обзор современных исследований взаимосвязи между качеством институтов и темпами экономического роста

Внимание к институтам как фактору экономического роста стало уделяться благодаря развитию неинституциональной теории или так называемой новой институциональной экономики, основы которой были заложены Дугласом Нортом. В работе Д. Норта и Р. Томаса (*North, Thomas (1973)*), был представлен критический ана-

лиз доминировавшего в то время взгляда на институты как на побочный эндогенный продукт процесса экономического роста и на инвестиции в основной капитал как на фундаментальный фактор роста («перечисленные факторы (инновации, эффект масштаба, образование, инвестиции и т.д.) являются не факторами роста, а самим ростом»¹) и выдвигалась альтернативная гипотеза, согласно которой межстрановые различия в темпах роста объясняются институциональными различиями.

За прошедший с момента публикации работы Норта и Томаса период их гипотеза подвергалась проверке со стороны целого ряда известных исследователей экономического роста. После чего институциональный подход был признан неотъемлемой частью экономической теории, о чем, в частности, свидетельствует присуждение Дугласу Норту в 1993 г. Нобелевской премии по экономике за достижения в области институционального анализа.

Современная экономическая теория больше не подвергает сомнению значимость институтов для экономического развития. Общепризнанным является тот факт, что их стабильность и эффективность являются базовыми условиями для инвестиций и развития предпринимательства. Например, Манкур Олсон совместно с коллегами² указывал на роль модернизации формальных и неформальных институтов послевоенной Германии и Японии в ускорении роста этих стран. Так, новые экономические системы, выстроенные в этих странах в соответствии с принципом свободной конкуренции и заменившие существовавшие в довоенный период монополистические структуры, способствовали их быстрому восстановлению и дальнейшему развитию.

В то время как классическая и неоклассическая теории экономического роста традиционно отдают первенство в качестве факторов роста инвестициям в основной и человеческий капитал, развитию

¹ North, Thomas (1973), стр. 2.

² Анализ неинституционального подхода и анализ институциональных сдвигов в Германии и Японии представлены в работе M. Olson «The New Institutional Economics: The Collective Choice Approach to Economic Development» in C. Clague et al. (1997), а также в работе Keefer, Knack (1997).

знаний и инноваций, институциональный подход рассматривает инвестиции как следствие формирования, закрепления (стабилизации) и повышения эффективности функционирования институтов. Например, неэффективная защита прав собственности ведет к более низкой доле инвестиций в ВВП по сравнению с аналогичной экономической системой с обеспеченными правами собственности. В случае их незащищенности, фирмы выбирают неоптимальные, с точки зрения перспектив роста, направления и масштабы вложения капитала³. Собственники факторов производства готовы адекватно инвестировать в развитие своих факторов только при уверенности в обеспечении своих прав на эти факторы.

Точное определение прав собственности и их надежная защита, тем самым, является одним из детерминантов успешного экономического развития. И, соответственно, низкое качество механизмов защиты собственности и институциональной среды в целом относится к основным препятствиям экономическому росту, особенно для развивающихся стран⁴.

Одновременно в современных эмпирических исследованиях отмечается, что страны с более развитыми институтами обладают большей устойчивостью к внешним шокам. Дени Родрик (*Rodrik (1999)*), продемонстрировал этот эффект в исследовании связи между качеством институтов и успешностью преодоления странами последствий «нефтяного шока» 1970-х годов. Согласно его результатам, наиболее успешно противостоять шоку и реализовать эффективную антикризисную стратегию удалось странам с эффективными институтами и сплочёнными обществами. И, наоборот, неразвитые институты и наличие внутренних социальных конфликтов осложняли преодоление экономического кризиса.

На низкую стабильность стран со слабыми институтами указывает также коллектив Эйсмоглу, Джонсон, Робинсон и Тейчерен (*Acemoglu, Johnson, Robinson, Thaicharoen (2003)*). В частности, негативные эффекты дестабилизирующей макроэкономической политики оказываются менее выраженными в экономиках стран, обла-

³ Этот тезис иллюстрируется, например, моделью *I. Lindner, H. Strulik (1999)*.

⁴ См., например, *Ch. Clague (Ed.) (1997)*.

дающих более устойчивыми институтами. Схожий результат о важности социальной сплочённости общества для преодоления последствий экономических кризисов содержит работа У. Истерли, Д. Ритцена и М. Вулкока (*Easterly, Ritzan, Woolcock (2006)*).

В целом, критичность качества институциональной среды для экономического развития (в первую очередь, таких её составляющих как эффективность защиты прав собственности и контрактных прав, системы правоприменения (инфорсмент), качества и независимости судебной системы, качества бюрократического аппарата и глубины финансовых рынков) стала общепризнанным фактом. Чрезвычайно авторитетной в этом отношении оказалась работа Д. Родрика с соавторами «Институты главенствуют» (*Institutions Rule*) (*Rodrik, Subramanian, Trebbi (2002)*), в которой показано, что в межстрановых регрессиях, построенных на длительных временных интервалах, фактор качества институтов (прежде всего мера качества защиты прав собственности и правовой системы) существенно лучше объясняет различия в долгосрочных темпах роста, чем другие фундаментальные факторы. Улучшение качества институтов в выборке на одно стандартное отклонение соответствует различию в уровне душевого дохода между странами в 6,4 раза, что эквивалентно фактическим различиям в доходах между Боливией и Южной Кореей.

Инвестиции при таком подходе выступают одним из передаточных механизмов, связывающих институциональные факторы и экономический рост. Рост неопределенности, как макроэкономической, так и институциональной, негативно сказывается на инвестиционных процессах. Наличие устойчивой отрицательной связи между уровнем инвестиций в ВВП и институциональными переменными, характеризующими уровень защиты прав собственности, находит подтверждение в ряде эмпирических исследований (см., например, *Clague (1997)*, с. 73–80).

Вместе с тем важно подчеркнуть, что институциональные факторы существенны, прежде всего, для объяснения долгосрочных темпов роста, т. е. межстрановых различий в современных уровнях душевого дохода. Попытки объяснить различия в темпах роста на коротких интервалах с помощью институциональных переменных да-

ют результаты, *которые статистически не столь значимы и менее устойчивы (Hausmann, Pritchett, Rodrik (2005))*. Такие результаты, впрочем, находятся в полном соответствии с выводами, полученными из изучения конкретных периодов ускорения экономического роста в отдельных странах: для такого ускорения очень часто не требуется фундаментальных улучшений местных институтов. Рост может начаться и без этого, если удастся ослабить действие каких-либо других, неинституциональных ограничений в экономике. Недавними примерами успешного роста, начавшегося до проведения серьезных институциональных преобразований, является опыт Китая и Индии. Эти страны инициировали масштабные институциональные реформы после того, как их экономики на протяжении нескольких лет демонстрировали высокие темпы роста.

Но на длительном временном интервале роль институциональных факторов представляется решающей – без улучшения институтов рост оказывается нестабильным, т. е. начавшееся ускорение развития не удастся сделать устойчивым. В этом, в частности, фундаментальная слабость модели роста в авторитарных и нерыночных системах. Последние вполне способны генерировать впечатляющий краткосрочный рост за счет внутренней мобилизации ресурсов, но, как правило, не в состоянии поддерживать этот темп на сколько-нибудь длительном отрезке времени.

Особое место в литературе, посвященной изучению роли институтов в экономическом росте, отводится двум группам факторов: *качеству правовой системы и степени развития финансовой системы*. В 1997–1998 гг. вышла серия работ А. Шляйфера с коллегами (*Shleifer, La Porta, Lopez-de-Silanes, Vishny (1997, 1998)*), посвящённая эмпирическому исследованию связи между качеством национальных правовых институтов и экономическим ростом. Авторы указывали, что тип такой системы (англо-саксонская система прецедентного права или французская система гражданского права) способствовал или, соответственно, препятствовал более эффективной защите прав частной собственности и, тем самым, сказывался положительно или негативно на интенсивности развития финансовых рынков, частных инвестициях и динамике экономического роста.

Было показано, что адаптация норм французской правовой модели создает риски для избыточного административного регулирования экономики, а в правовой сфере – для чрезмерного правового формализма, большей громоздкости и длительности судебных процессов, и соответственно для относительного роста издержек правоприменения.

Р. Барро в своей известной работе «Детерминанты экономического роста: межстрановое эмпирическое исследование» (*Barro (1996)*) использует такие институциональные индексы ICRG (International Country Risk Guide) как уровень защиты прав собственности и качество правового порядка⁵ в качестве ключевых детерминантов развития. Кифер и Кнак (*Keefe, Knack (1995)*) показали устойчивое негативное влияние, оказываемое незащищенностью прав собственности на экономический рост.

Результаты А. Шляйфера и др. были дополнены в 2001 г. Бекон, Демигюч-Кантом, Левином и Максимовичем (*Beck, Demirguc-Kunt, Levine, Maksimovic (2001)*), которые показали, что тип правовой системы оказывает влияние на экономический рост не непосредственно, а через степень развития финансовых рынков. Таким образом, роль услуг, предоставляемых финансовой системой, является критической для успешного осуществления инвестиционной деятельности и обеспечения устойчивого экономического роста⁶. Например, для стран с более развитыми финансовыми рынками при прочих равных условиях характерны большие объёмы инвестиций в основной капитал по сравнению со странами, обладающими слабыми финансовыми институтами. Этот эффект более существенен в более технологически сложных отраслях (*Wurgler (2000)*), которые в большей степени выигрывают от доступности кредита и инвестиций в экономике.

Это исследование стало продолжением более ранних работ Кинга и Левина (*King, Levine (1993a, 1993b)*), в которых на данных по 80-ти странам была подтверждена тесная взаимосвязь между глубиной национальной финансовой системы и долгосрочными темпами роста, темпами накопления основного капитала и темпами улучшения

⁵ Rule of Law Index – качество правового порядка или законность.

⁶ См., в частности, *A. Demirguc-Kunt, R. Levine (2001); Beck, Levine (2004)*.

эффективности использования накопленных инвестиций. Более того, достигнутый уровень развитости финансового сектора (измеренный такими показателями как отношение банковских активов к ВВП или уровень кредитования частного сектора в процентах к ВВП) устойчиво коррелирует с будущими темпами экономического роста. По мнению авторов, это подтверждает теоретические взгляды таких экономистов как Шумпетер, что финансовая система играет ключевую роль в оценке перспективности новых предприятий и в перераспределении сбережений от менее перспективных к более перспективным и инновационным фирмам. Она также позволяет диверсифицировать риски, связанные с инновациями. Более развитые финансовые системы увеличивают вероятность успешного осуществления эффективных инноваций и тем самым ускоряют экономический рост.

Различия в качестве национальных финансовых систем также обуславливают эффективность использования иностранных инвестиций. Данный вывод сделали Э. Прасад, Р. Раджан и А. Сабраманиан (*Prasad, Rajan, Subramanian (2006)*) по итогам сравнительного исследования связи между притоком капитала и темпами роста в развивающихся и развитых странах. Слабые финансовые институты и недостатки в системе защиты прав собственности в развивающихся странах уменьшают отдачу иностранных инвестиций, тогда как в развитых странах «глубокие» финансовые рынки и стабильные правовые институты обеспечивают более эффективное использование инвестируемых средств. Данный факт помогает понять, почему в группе развивающихся странах отсутствует статистическая связь между объемом иностранных инвестиций и экономическим ростом.

Кроме того, развитие финансовых рынков благотворно сказывается на конкуренции. Так, Раджан и Зингалес (*Rajan, Zingales (1998)*) указывают на увеличение числа действующих фирм в секторах, имеющих благоприятный доступ к внешнему финансированию.

Исследования, выполненные в ИЭПП (*May и др. (2003)*) обращают специальное внимание на уровень развития наиболее базовых правовых институтов, обеспечивающих неприкосновенность лично-

сти и личного имущества, и влияние таких институтов на рост. Авторы подчеркивают особую роль таких базовых институтов как фундамента для построения более сложных структур и механизмов. Отмечается, что в отсутствие надежных гарантий жизни и неприкосновенности личности, общепризнанные гарантии права частной собственности во многом обесмысливаются. Эта точка зрения близка взглядам М. Олсона (*Olson (2000)*) на ограничения для экономического роста, связанные с рисками ареста, конфискации собственности при авторитарных режимах.

Эмпирическое подтверждение этой точки зрения было получено при анализе дифференциации темпов экономического роста в российских регионах во второй половине 90-х годов (*Mau, Yanovsky (2002)*). В частности, было показано, что переменные, связанные с гарантией базовых прав (личная безопасность, защита частной собственности и свободы слова), статистически более значимы в объяснении межрегиональных различий в росте, чем более традиционные переменные, такие как качество налоговой системы и политическая стабильность в регионе.

Р. Ролл и Дж. Талботт (*Roll, Talbott (2001)*) в своей модели рассматривают взаимосвязь между долгосрочным ростом, экономическими и политическими институтами и мерами экономической политики. Качество защиты прав частной собственности в их анализе оказалось переменной с наибольшей значимостью в объяснении межстрановых различий в уровне душевого богатства. Вместе с тем, по их оценкам, качество политических институтов, обеспечивающих свободу прессы, политические свободы и «гражданские свободы», также статистически значимо и они также положительно влияют на экономический рост.

Важную роль в реализации принципов частной собственности играет реальная независимость судебных органов. Расчеты Р. Ла Порты, Ф. Лопеса-де-Силанеса, Л. Поп-Илечеса и А. Шляйфера (*La Porta, Lopez-de-Silanes, Pop-Ilech, Shleifer (2004)*) свидетельствуют о том, что в тех странах, где судебные органы обладают сравнительно большей независимостью и полнее защищены права частной соб-

ственности обеспечиваются лучшие условия для интенсивного экономического роста.

В целом, на сегодняшний день мало кто ставит под сомнение наличие устойчивой и статистически значимой корреляции между качеством национальных институтов и уровнем экономического развития. В рамках современной экономической теории основные дискуссии посвящены не важности институтов как таковых, а уточнению природы соответствующих причинно-следственных связей или решению так называемой проблемы эндогенности: являются ли институты первопричиной роста или же их развитие и влияние само является результатом действия каких-то других, более глубинных факторов развития.

Пользуясь терминологией, представленной в работе Дени Родрика (*Rodrik (2003)*)⁷, можно сказать, что теория экономического роста относит факторы роста либо к группе непосредственных (*proximate*), либо к группе фундаментальных или глубинных (*fundamental or deep*) факторов. К непосредственным факторам чаще всего относят неоклассические детерминанты роста: труд, капитал, в том числе землю, а также производительность, причём производительность, обуславливаемую не только технической эффективностью производства, но и распределением ресурсов в экономике. К группе фундаментальных факторов Д. Родрик относит, во-первых, качество национальных институтов, во-вторых, уровень внешнеэкономической интеграции, измеряемый посредством размера национального рынка и степенью вовлечения страны в международную торговлю, и, в-третьих, географические характеристики страны (такие как наличие полезных ископаемых, климат, удалённость от экватора, доступ к морским торговым путям).

При этом из вышеперечисленных фундаментальных факторов роста лишь география является несомненным экзогенным фактором, тогда как институты и внешнеэкономическая интеграция складыва-

⁷ Оригинальная схема Д.Родрика не охватывает все потенциальные факторы роста, но мы используем его методологию для дальнейшего анализа из-за соответствия данной схемы современному пониманию процессов экономического роста.

ются в значительной мере под влиянием национальной экономической политики.

Отнесение к фундаментальным факторам роста институтов, внешнеэкономической интеграции и географии хорошо резюмирует современное понимание ключевых детерминантов роста. Такая классификация факторов отражает подход к анализу экономической динамики, который в том или ином виде использовался в ряде принципиально важных исследований по данной проблематике. С использованием значительного межстранового материала эти работы позволили уточнить понимание общих механизмов взаимодействия фундаментальных факторов в процессе экономического роста.

Например, в 2001 г. вышла в свет работа Дерена Эйсмоглу, Саймона Джонсона и Джеймса Робинсона (*Acemoglu, Johnson, Robinson (2001)*), в которой правовые институты называются в качестве фундаментального фактора роста. Авторы использовали данные о смертности европейских колонизаторов от заболевания малярией на осваивавшихся в период с XVII по XIX век территориях, т. е. в странах Африки, Азии, Америки и Австралии, а также данные о плотности местного населения в качестве прокси-переменных, отражающих долгосрочную траекторию институционального развития этих территорий. Различия в значениях этих переменных хорошо предсказывают (объясняют) значительную часть межстрановых различий в качестве защиты частной собственности, наблюдаемых в настоящее время. Так, в страны с низкой плотностью коренного населения и относительно умеренным климатом европейские колонизаторы мигрировали, что привело к воссозданию в них выработанных в Европе институциональных традиций и правовой системы. А в странах с губительным для европейцев климатом и высокой плотностью населения метрополия закрепляла систему централизованного колониального управления и использовала политику плантационного земледелия с жёсткой эксплуатацией местного населения. В этих странах происходил гораздо более ограниченный импорт институтов из метрополий.

Различия между двумя способами колонизации лишь усугублялись в течение столетий, в том числе и после обретения бывшими

колониями независимости, и, как показывают авторы, привели к началу XXI века к существенным различиям в качестве институциональной среды, измеренной с помощью показателя эффективности защиты прав собственности. В свою очередь, институциональные различия, по мнению авторов, являлись решающим фактором, определившим различия в темпах долгосрочного экономического роста этих стран и территорий.

Несмотря на изящность аргументации Д. Эйсмоглу и др. в пользу того, что тип правовой системы, принесённой поселенцами в колонию, определил последующее институциональное и экономическое развитие соответствующих территорий, А. Шляйфер и др. (*Shleifer, Glaeser, La Porta, Lopez-de-Silanes (2004)*) противопоставили их анализу своё собственное исследование, в котором приводились доводы в пользу того, что в основе различий в экономическом росте лежат не институты, а качество человеческого капитала. А. Шляйфер и др. отмечали, что кроме институтов поселенцы импортировали в колонию и человеческий капитал, при этом причинно-следственная связь направлена от человеческого капитала к правовым институтам и уже от них – к росту.

Джеффри Сакс с соавторами (*Gallup, Sachs, Mellinger (1999)*), напротив, использовали в своих исследованиях роста лишь географическую группу факторов и обосновывали тезис, что география оказала ключевое влияние на институты и рост. Д. Геллап, Д. Сакс и Э. Меллинджер, усовершенствовали теоретический подход таких исследователей как Ф. Бродель и Д. Даймонд (*Braudel (1972, 1981–1984), Diamond (1997)*), на основе результатов собственного эмпирического анализа сделали вывод, что географические условия являются фундаментальным фактором экономического роста, определяющим как последующее развитие человеческого капитала, так и качество институтов. Главенствующую роль географического фактора авторы обосновывали с помощью строгой экзогенности географии, т. е. независимости географических характеристик страны от проводимой ею политики. В своей работе авторы оперировали такими основными географическими характеристиками как принадлежность к северному или южному полушарию, удалённость от

морских торговых путей, тип климата. Согласно их результатам, наиболее благоприятным для долгосрочного роста является сочетание расположения страны в северном полушарии, умеренного климата и доступа к морским путям. При этом благоприятная география оказывает как прямое влияние на рост посредством снижения транспортных издержек, улучшения здоровья населения, урожайности сельскохозяйственных культур и плодovitости скота, наличия природных ресурсов и пониженных издержек их добычи, так и косвенное – посредством, например, возраста освоения территории и плотности населения, которые способствуют росту за счёт агломерационного эффекта.

Истерли и Левин (*Easterly, Levine (2003)*), а также Родрик, Сабраманиан и Требби (*Rodrik, Subramanian, Trebbi (2002)*) практически одновременно завершили исследования, в которых представили модели, включающие в себя все три фундаментальных фактора роста. У. Истерли и Р. Левин не нашли в своей работе статистически значимого влияния на рост со стороны ключевых переменных экономической политики (макроэкономической политики, интенсивности участия во внешней торговле и наличия ограничений на движение капитала). При этом институциональные переменные оказывали значимое и положительное влияние на рост.

Ключевую роль в исследовании У. Истерли и Р. Левина играет индекс институционального развития, построенный как сумма шести институциональных характеристик, предложенных в работах Кауфманна, Крея и Зойдо-Лобатона (*Kaufmann, Kraay, Zoido-Lobaton (1999a, b)*). Эти характеристики отражают межстрановые различия в качестве институтов для большой группы стран по следующим направлениям:

- Подотчетность – мера гражданских свобод, политических прав и независимости прессы;
- Политическая стабильность и насилие – индикатор вероятности того, что национальное правительство может быть заменено неконституционным путем;

- Эффективность правительства – мера качества предоставляемых общественных услуг, компетентности правительственных служащих и степени политизации гражданской службы;
- Регуляционное бремя – мера правительственного вмешательства в функционирование товарных рынков и банковской системы, степени административного контроля в сфере открытия нового бизнеса, контроля за операциями частного сектора и внешнеторговой деятельностью;
- Правопорядок – мера защищенности физических лиц и собственности от насилия и краж, независимости и эффективности судей, степени выполнения договоров;
- Коррупция – мера использования государственной власти в частных интересах.

Дени Родрик с коллегами провели концептуально схожее исследование, анализируя влияние институтов, географии и экономической интеграции. Так же как Истерли и Левин, Родрик и др. показали незначимость географических факторов и внешнеторговой интеграции после включения в модель институциональных переменных. Авторы пришли к выводу, что по сравнению с другими фундаментальными факторами именно институциональные переменные наилучшим образом объясняют межстрановые различия в уровнях экономического развития. Подчеркнём, что авторы не отрицают влияния географии на экономический рост, но приводят аргументы в пользу того, что такое влияние география оказывает не напрямую, а опосредованно через институты. В качестве меры качества национальных институтов Родрик и др. использовали в основном индекс правопорядка из того же набора Кауфманна, Крея и Зойдо-Лобатона, описанного выше.

Еще одним примером совместного изучения влияния институтов и внешнеторговой интеграции на экономический рост является работа Роберта Холла и Чарльза Джонса (*Hall, Jones (1999)*). В этой работе используется специальное понятие «качества социальной инфраструктуры» (*social infrastructure*), обобщающее влияние двух этих фундаментальных факторов. Для количественной оценки качества социальной инфраструктуры Р. Холл и Ч. Джонс использовали

среднее их двух переменных – а) институционального индекса, построенного на основе данных корпорации PRSC⁸, и б) меры открытости внешней торговли, предложенной Д. Саксом и Э. Уорнером (*Sachs, Warner (1995)*). Таким образом измеренное качество социальной инфраструктуры оказывается в авторской модели фактором, тесно коррелированным с уровнем экономического развития. Дополнительно в работе показано, что различия в качестве социальной инфраструктуры непосредственно коррелируют с межстрановыми различиями в накоплении физического и человеческого капитала, а также с межнациональными различиями в производительности факторов.

Чувствительность предложенных моделей к изменениям спецификации и выбранным способам измерения институциональных и географических факторов способствовала тому, что Джеффри Сакс (*Sachs (2003)*) получил результаты, несколько отличные от выводов Истерли и др. и Родрика и др. В его модель были включены как институциональные, так и географические переменные, но в его спецификации географические переменные остались значимыми. В результате, автор настаивает на правильности своих более ранних выводов, что институты не объясняют всех межстрановых различий в росте, и часть необъясненных остатков приходится на географические факторы.

В качестве еще одного фундаментального источника межстрановых различий в росте многие исследователи рассматривают базовые социальные характеристики общества. Например, Пауло Мауро (*Paulo Mauro (1995)*) указывал на важность социальной сплочённости общества для поддержания стабильности институтов. Этот автор основывал свои выводы на результатах модели, использующей по-

⁸ Political Risk Services Group; компания оценивает и публикует International Country Risk Guide (ICRG). Холл и Джонс строят свой институциональный индекс как среднее арифметическое из пяти показателей, публикуемых в рамках ICRG: правопорядка, качества бюрократии, коррупции, риска экспроприации и вероятности неисполнения государством контрактов.

казатель этнолингвистической фракционализации⁹ для объяснения степени охвата государства и общества коррупцией, т. е. степени «недоразвитости» национальных институтов. Согласно проведённому этим автором исследованию, страны с развитым чувством национальной идентичности (высокой сплочённостью) имеют при прочих равных условиях более развитые и устойчивые национальные институты, и, следовательно, лучшие перспективы для экономического роста.

Развивая свои более ранние исследования, У. Истерли позже несколько модифицировал свой подход к анализу факторов роста. В работе 2006 г. (*Easterly, Ritzan, Woolcock (2006)*) он с коллегами продолжает расценивать институты в качестве критического для роста фактора, но больше не считает его строго экзогенным. Вместо этого в качестве первопричины роста (опять же, действующей через институты) эти авторы называют степень социального единства или социальной сплочённости общества (*social cohesion*). Авторы пытаются доказать, что состояние общества в смысле степени его сплочённости «по крайней мере частично» определяет развитие национальных институтов. Там, где члены общества слабо доверяют друг другу, не занимают в среднем активной гражданской позиции и где сильно доходное и имущественное неравенство, формирование эффективных институтов, т. е. стабильных общепризнанных «правил игры», затруднено. И, напротив, в социально сплочённом обществе значительно легче проводить необходимые реформы: граждане доверяют правительству и, в частности, готовы согласиться с правительственными аргументами о необходимости перенести краткосрочные трудности реформирования из-за ожидаемых в будущем долгосрочных выгод. Дополнительной характеристикой социальной сплочённости в модели этих авторов выступает общность ценностных установок в обществе, связанная с единством его культурно-религиозных основ, а также с глубиной лингвистических различий.

⁹ Показатель рассчитывается как вероятность того, что два случайным образом выбранных гражданина одной страны принадлежат к одной этнолингвистической группе, и, следовательно, имеют общие культурные нормы и ценности.

Вышеприведённое определение социальной сплочённости общества в целом сходно с понятием социального капитала, введённым Робертом Патнемом (*Putnam, Helliwell (1995)*) для изучения общественных процессов на микроуровне. Он, в частности, использовал это понятие для анализа гражданского общества в различных регионах Италии и изучения взаимосвязи между различными социальными характеристиками и экономическим ростом. Используемый Р. Патнемом способ измерения социального капитала состоит в анализе участия граждан в решении проблем местного сообщества, участия в голосованиях, членства в политических партиях и различных добровольных общественных организациях. Р. Патнем совместно с Д. Хеллиуеллом утверждал, что причинно-следственная связь идёт в направлении от социального капитала и степени развития гражданского общества к качеству институтов и к экономическому росту.

Дополнительно следует отметить что, несмотря на прогресс в исследовании процессов экономического роста и достижение достаточно широкого консенсуса в отношении определяющей роли институтов, формирование универсальных «институциональных рецептов» роста, например, списка приоритетных для модернизации институтов крайне затруднительно (*Юдаева (2007)*). В академической среде продолжается интенсивная дискуссия по многим частным вопросам, включая конкретные механизмы институционального воздействия; эффективные стратегии институциональных реформ, учитывающие местные условия конкретных стран; условия, делающие импорт институтов эффективным; и т.п. Хотя не вызывает сомнений, что представления инвесторов о качестве национального институционального поля непосредственно коррелируют с размерами осуществляемых ими инвестиций, пока остаются до конца не выясненными механизмы и инструменты, обеспечивающие эффективное изменение инвестиционных представлений и ожиданий.

При этом проведение институциональных реформ является сложным и длительным процессом. За прошедшее столетие неоднократно предпринимались попытки трансплантации институтов развитых стран в развивающиеся экономики, но лишь в ограниченном

числе случаев они оказались успешными. Так, в работе Берковица и др. (*Berkowitz, Pistor, Richard (2003)*) анализировался опыт модернизации правовых систем на примере 39 стран. Авторы признают итоги реформирования удовлетворительными лишь в 6 случаях¹⁰ и отмечают, что главным фактором успеха институционального импорта являлась возможность адаптации вводимых норм к местным условиям и исторически сформировавшимся традициям, среди которых особое место занимает сложившаяся практика правоприменения (*Радыгин, Энтов, Межераунс (2003)*).

Д. Эйсмоглу (*Acemoglu (2003)*) отмечает сложность институциональных преобразований и, развивая взгляды Рональда Коуза, указывает на трудность реформирования распределительных отношений. Например, на активное противодействие чиновников, заинтересованных в поддержании status quo для сохранения неэффективных, с точки зрения бизнеса и остального населения страны, институтов, которые позволяют им извлекать ренту из своего официального положения. Таким образом, чем больше в обществе распространена коррупция, тем сложнее реформировать правовые и прочие критические для долгосрочного развития институты.

Современные институциональные исследования не предлагают (и видимо, не скоро смогут предложить) какие-то универсальные рецепты по масштабному ускорению институциональных реформ. Многие вопросы, по-видимому, всегда будут требовать тщательных поправок на уникальность местных условий. Более того, какие-то моменты институциональных реформ, особенно политикоэкономический аспект проблемы, требуют гораздо лучшего понимания общей институциональной динамики. Вместе с тем следует обратить внимание на сделанные Д. Родриком (*Rodrik (2006)*, *Rodrik, Subramanian, Trebbi (2002)*) следующие общие выводы в отношении стратегии институциональных преобразований:

- В большинстве случаев нет необходимости в универсальной и всеохватывающей реформе институтов. Стратегия реформ

¹⁰ Эти успешные страны – Япония, Италия, Голландия, Израиль, Аргентина и Чили.

должна быть сконцентрирована на ограниченном наборе ключевых институциональных ограничений (binding constraints);

- Одних и тех же целей можно добиться с помощью различных институциональных решений. Импорт институтов следует балансировать с их тщательной адаптацией к местным условиям;
- С учетом важности исходных условий и местных традиций, реформаторы должны быть готовы к институциональному экспериментированию, а также к корректировке своей политики на основе тщательного мониторинга и оценки фактических результатов проводимых реформ. Этим предъявляются весьма высокие требования к прозрачности и эффективности процесса принятия правительственных решений по стратегии и тактике реформ;
- Очень важно уделить адекватное внимание укреплению институтов, обеспечивающих устойчивость экономики к внешним шокам, таких как система социальной защиты и консультативные механизмы между правительством и основными социальными группами.

1.2. Влияние институциональных факторов на экономический рост в переходных экономиках¹¹

В настоящее время является общепризнанным тот факт, что в начальный период реформирования социалистических экономик роль институциональных факторов была существенно недооценена. Наиболее популярные рецепты перехода к рыночной экономике придавали основное значение более традиционным изменениям в области экономической либерализации, стабилизации и приватизации (*World Bank, 2002*). Именно поэтому на первых этапах анализа послереформенной экономической динамики внимание в основном уделялось вопросу относительной важности структурных факторов (начальные условия) и особенностей национальной экономической политики (структурные преобразования, стабилизация и либерализация). Вместе с тем относительно немного работ в этот период было

¹¹ При подготовке данного раздела использованы материалы, предоставленные А. Кнобелем.

посвящено влиянию качества институтов на возобновление и поддержание роста в переходных экономиках (о них будет подробнее сказано ниже).

Например, влияние экономической либерализации на экономический рост было изучено в работе *De Melo, Gelb (1997)*, в которой авторы использовали сконструированный ими индекс либерализации на основе трёх составляющих: степень либерализации внутренних рынков, степень либерализации внешней торговли, масштабы приватизации. Было показано, что данный индекс статистически значимо связан с темпами экономического роста в переходных экономиках в течение первой половины 90-х годов. В дальнейшем *Fischer, Sahay, Vegh (1996a)* использовали эти же индексы либерализации в своей панели для 20 стран с переходной экономикой и обнаружили, что экономический рост положительно и статистически значимо связан с размером профицита бюджета, уровнем иностранной помощи, глубиной экономической либерализации и отрицательно связан со средним темпом инфляции. В своей последующей работе те же авторы (*Fischer, Sahay, Vegh (1996b)*) расширили анализируемую выборку до 25 стран и пришли к выводу, что в дополнение к полученным ими ранее результатам на экономический рост отрицательно и статистически значимо влияют начальные условия, а положительно – выбор режима обменного курса (указывалось на благоприятствующий эффект плавающего режима).

В целом на протяжении 90-х годов большинство исследователей переходного процесса подчеркивали центральную роль переменных экономической политики в объяснении межстрановых различий в стабилизации уровня выпуска и выхода из рецессии. На это, в частности, указывалось в работах *Selowsky, Martin (1997)*; *Berg, Borenzstein, Sahay, Zettlemeyer (1999)* и *Havrylyshyn et al (1999)*. С другой стороны, *Popov (1999)* показал, среди прочего, что влияние фактора экономической либерализации становится незначительным, если в регрессиях осуществляется контроль различий в начальных условиях. Отрицательное влияние начальных условий на экономический рост в переходных экономиках обнаружил также *Denizer (1997)*.

Влияние различий в проводимой экономической политике (различия в темпах инфляции, дефиците государственного бюджета, доле налоговых сборов в ВВП и т.д.) на экономический рост в переходных экономиках дополнительно рассматривалось в работах *Castanheira, Popov (2000); Fidrmuc (2000); Roland (2000)*.

Начавшийся в конце 80-х годов процесс преобразований в странах Восточной Европы характеризовался не только переходом от командной к рыночной экономике (трансформация экономических институтов), но и переходом от авторитарных и тоталитарных политических режимов к демократическим (трансформация политических институтов). Экономическая теория не даёт ясного ответа на вопрос, способствует ли *политическая* либерализация экономическому развитию во время трансформационного периода.

В теоретической литературе приводится несколько аргументов в пользу того, что авторитарное правление может способствовать экономическим преобразованиям в первые годы трансформации. Во-первых, это может быть связано с трудностями одновременного осуществления экономических и политических реформ. Проблема состоит в том, что переход от авторитарной системы к демократической неизбежно приводит к ослаблению государственной власти в стране, в результате чего ослабляется контроль за собираемостью налогов и исполнением законов. В этом случае государство сталкивается с риском утери общего контроля над ситуацией и не может гарантировать соблюдения законов и правил, которые необходимы для функционирования новой экономической системы. Привлекательным вариантом было бы проведение трансформации законодательства (и институтов вообще) авторитарным правительством, установление новых *экономических* институтов в рамках старой политической системы и последующая передача власти демократическому правительству вместе с формированием новых *политических* институтов. Чили является хорошо известным примером страны, в которой радикальные экономические преобразования были осуществлены авторитарным режимом, который со временем передал власть демократическому правительству. То же самое можно сказать и про Корею, Тайвань, Сингапур. В Китае и Вьетнаме демократизации по-

ка не произошло, уровень экономического развития не высок, однако, некоторые экономические институты уже развиты достаточно сильно, чтобы ожидать продолжения экономического роста и последующих политических изменений.

Во-вторых, при демократическом режиме избиратели могут не поддержать экономические реформы, даже если они принесут долгосрочные выгоды для большинства голосующих. Неопределённость результатов реформ приводит к тому, что для отдельного избирателя риски настолько высоки, что он лично может предпочесть не поддерживать их проведение, хотя для большинства населения долгосрочный результат реформ будет положительным (в равновесии Нэша большинством *ex ante* будет принято решение голосовать против реформ, хотя *ex post* реформа была бы одобрена).

В целом, в бывших социалистических странах процессы экономической и политической трансформации происходили по-разному. Например, в Венгрии и Словении оба типа преобразований прошли относительно быстро и одновременно (Словения вообще считается самой успешной переходной экономикой), тогда как в современном Туркменистане степень демократизации не сильно отличается от ее уровня в советский период. В своей работе *Dethier, Ghanem, Zoli (1999)* сделали попытку установления связи между экономическими и политическими изменениями в 25 странах с переходной экономикой. В качестве индекса экономической либерализации авторы использовали тот же индекс, что и *De Melo et al. (1997)*. В качестве прокси для уровня развития гражданских свобод ими использовался индекс, публикуемый Freedom House. Для всех спецификаций и для различных разбиений стран на группы авторы получили, что уровень политических свобод способствовал углублению экономической либерализации. Однако в работе не исследуется влияние различных видов либерализации на экономический рост.

В более поздней работе *Pushak, Toingson, Varoudakis (2007)* была проанализирована модель, в которой экономический рост в переходных экономиках является функцией от начальных условий и от основных переменных экономической политики – финансовой стабилизации, либерализации и структурных реформ. В этой работе

устойчивое статистически значимое влияние на рост было выявлено только для темпов инфляции и дефицита государственного бюджета.

Однако с течением времени и по мере накопления опыта изучения переходных экономик, при анализе все большее внимание стало уделяться институциональной стороне рыночной трансформации. Доклад Всемирного банка (*World Bank, 2002*), посвященный итогам первой декады реформ, следующим образом сформулировал основные выводы по вопросам экономического роста в этот период:

- Различия в исходных условиях были основным фактором, объясняющим масштабы сокращения производства в начальный период (1990–1994) переходного процесса, в то время как интенсивность проводимых странами реформ хорошо объясняет различия в темпах роста в более позднее время;
- Ключевая роль в возобновлении экономического роста и увеличении занятости принадлежит новым предприятиям, в том числе малым и средним. Успешная политика поощрения роста базируется на поддержании баланса двух важных компонент: а) поощрения входа на рынок новых предприятий, и б) укрепления дисциплины (ужесточение бюджетных ограничений) среди существующих компаний;
- Тем самым в центре экономической политики оказываются две группы институциональных реформ. Это, во-первых, меры по улучшению инвестиционного климата (защита прав собственности, упрощение механизмов и процедур регулирования, создание для новых предприятий равных условий для конкуренции с традиционным сектором, и др.), обеспечивающие привлекательность входа на рынок для новых предпринимателей. Во-вторых, это законодательные и регуляционные изменения, направленные на создание эффективной системы корпоративного управления на предприятиях, прежде всего в традиционном секторе. Такая система должна включать в себя современные системы учета, аудита и раскрытия информации, защиту прав миноритарных акционеров, законодательство о банкротстве, инфорсмент и т.п.;
- Качество институтов и законодательства по защите прав инвесторов и контролю за менеджерами оказывается важнейшим

фактором развития национальных финансовых систем, расширения доступа частных предприятий к кредитованию и инвестициям, и, соответственно, к ускорению экономического роста.

Если в первой половине 90-х годов, необходимость укрепления рыночных институтов рассматривалась чаще всего в достаточно узких рамках¹², то в последние годы, институциональным факторам отводится центральная роль в объяснении успешного осуществления рыночной трансформации. *Estrin (2002)*, например, отмечает, что результативность различных мер экономической политики, включая приватизацию, сокращение субсидий и поощрение конкуренции, во многом зависит от качества институциональной среды, в которой проводится эта экономическая политика. В настоящее время имеется не очень большое, но быстро увеличивающееся число эмпирических исследований по влиянию институтов на экономический рост в странах с переходной экономикой. Практически во всех из них исследователям удается обнаружить положительную и статистически значимую взаимосвязь между качеством национальных институтов и темпами экономического роста.

Одной из первых работ в этом направлении можно считать работу *Brunetti, Kisunko, Weder (1997)*, в которой авторы изучали главным образом факторы, определяющие объёмы прямых иностранных инвестиций в 20-ти странах с переходной экономикой, но одновременно рассмотрели и влияние институтов на экономический рост. В качестве объясняющих институциональных переменных использовался ряд индексов, построенных на основе экспертных опросов:

- Predictability of rules – индекс, отражающий уровень предсказуемости принимаемых правил;
- Political stability – мера неопределённости относительно возможности смены курса исполнительной властью;

¹² Например, *Calvo, Coricelli (1993)* подчеркивали роль разрушения традиционных для дореформенных экономик хозяйственных связей и систем координации выпуска в качестве важного фактора падения выпуска в первый период реформ. Отсутствие фундаментальных рыночных институтов означало, что старые механизмы координации не могли быть быстро заменены новыми эффективно функционирующими механизмами.

- Property rights – индекс, отражающий степень защиты прав собственности;
- Judiciary reliability – индекс надежности и предсказуемости судебной системы;
- Lack of corruption – мера ограниченности (контроля) коррупции.

Оценка влияния на экономический рост производилась двумя способами: либо строилась отдельная регрессия на каждый из перечисленных индексов, с контролем на начальные экономические условия, открытость экономики, инфляцию (прокси для макроэкономической стабилизации) и уровень государственного потребления. Либо регрессии строились для каждого индекса без включения вышеперечисленных контрольных переменных, но с использованием метода инструментальных переменных, в котором данные переменные выступали в качестве инструментов. В обеих спецификациях все институциональные индексы оказывали положительное статистически значимое влияние на экономический рост.

Среди первых попыток анализа роли институциональных факторов на рост в переходных экономиках следует также отметить работу *Moers (1999)*. Им проводилась оценка для 25 стран за период 1990–1995 гг. Автор использовал в качестве объясняющих институциональных переменных два индекса ЕБРР (качество исполнения законов вообще и инвестиционных законов в частности), а также показатель страновых политических рисков, публикуемый «Euromoney». При этом, однако, в регрессии не осуществлялся контроль на макроэкономическую стабилизацию, глубину структурных преобразований и начальные условия. В результате Л. Моерс пришел к выводу, что институциональные факторы действительно оказывают положительное влияние на рост (причем наибольший эффект оказывает сокращение индекса страновых рисков), по крайней мере в течение рассматриваемого периода времени.

Havrylyshyn, van Rooden (2000) изучали факторы экономического роста на панельных данных за период 1991–1998 гг., включив в анализ ряд институциональных переменных. Всего было использовано 9 переменных институционального развития из пяти различных источников:

- Индекс экономической свободы (*Index of Economic Freedom*), публикуемый Heritage Foundation. Вообще говоря, этот индекс состоит из 10 компонент, но авторы использовали в своей модели только совокупный индекс экономической свободы (HERgen) и одну из его составляющих, индекс коррупции (HERleg);
- Индексы «*Nations in Transit*», публикуемые Freedom House, включая уровень развития демократии (FRdem); уровень экономической свободы (FRec); среднее значение индексов качества применения законодательства и государственного управления (rule of law; governance и public administration (FRleg)); индекс гражданских свобод (FRpol);
- Индекс правовой системы ЕБРР, показывающий эффективность правовой системы страны (EBRDleg);
- Среднее значение индексов институциональной среды, публикуемых Всемирным банком¹³;
- Компонента политических рисков в Индексе страновых рисков, публикуемом «Euromoney».

Базовое уравнение регрессии, которое использовали авторы в своей работе

$$Gr_{i,t} = \alpha_0 + \alpha_1 INFL_{i,t} + \beta_1 RI_{i,t} + \beta_2 RI_{i,t-1} + \beta_3 RI_{i,t-2} + \gamma_1 IC1_i + \gamma_2 IC2_i,$$

где INFL – уровень инфляции в соответствующий период,

RI – индекс структурных преобразований,

CI1 и CI2 – два «кластера» начальных условий, отвечающих, соответственно, за макроэкономические диспропорции и уровень социалистического развития и связанные с этим диспропорции.

Таким образом, контролировались три фактора развития переходных экономик: качество макроэкономической стабилизации, глубина структурных преобразований и либерализации, а также на-

¹³ Включает (i) предсказуемость законодательства и правительственной политики; (ii) защиту прав собственности; (iii) качество взаимодействия между правительством и бизнесом; (iv) административные ограничения на ведение бизнеса (bureaucratic red-tape); (v) эффективность государства в предоставлении услуг.

чальные условия. В это уравнение поочерёдно добавлялись различные индексы институционального развития, и тестировалось влияние этих индексов на экономический рост. Главным результатом исследования является тот факт, что институциональная среда действительно оказывает устойчивое и положительное влияние на рост (более подробное описание этих результатов представлено в *табл. 1.1*).

Ahrens, Meurers (2000) провели сходный анализ на данных по 25 странам с переходной экономикой за период 1993–1998 гг. В качестве показателей институционального развития были использованы различные индексы, публикуемые Всемирным банком в *World Development Report*, а также индекс коррупции *Transparency International*. Все эти институциональные переменные оказались статистически значимыми и положительно связанными с темпами экономического роста. Заметим, что при этом регрессия контролировалась на начальные условия и инфляцию (прокси для макроэкономической стабилизации).

В работе *Beck, Laeven (2005)* непосредственным предметом исследования также являлась связь между экономическим ростом и уровнем институционального развития в странах с переходной экономикой в течение первых десяти лет переходного периода (1992–2002 гг. для 24 стран Восточной Европы и бывшего СССР). Контролируя регрессию на влияние фактора природных ресурсов, уровня экономического развития в дореформенный период, и на продолжительность развития стран в условиях социализма, авторы показали значимость фактора институтов для объяснения межстрановых различий в экономическом росте.

Одновременно с этим авторы определили, что динамика институционального развития в переходных экономиках определяется, главным образом, их наделённостью природными ресурсами и особенностями их исторического опыта и построили соответствующие инструментальные регрессии для выбранных институциональных переменных. Таким образом, в их базовой модели была решена проблема эндогенности.

Оценки проводились для нескольких вариантов зависимой переменной и различных индикаторов качества институциональной среды. В качестве характеристики темпов экономического развития использовались либо рост ВВП в 1992–2002 гг., либо рост потребления за тот же период, либо рост потребления электричества на душу населения. Проанализированные показатели институциональной среды включали индексы ЕБРР за 1996 г. (институционального развития, правопорядка, коррупции и интенсивности реформ).

Наряду с формальными институтами (такими как качество правопорядка и защита прав собственности) на экономическую ситуацию оказывают влияние и неформальные институты, которые относятся к *общественному (социальному) капиталу*. Как отмечалось выше, социальный капитал определяется как культурное явление, показывающее степень вовлеченности граждан страны в политические и экономические процессы, наличие доверия между гражданами и доверия граждан своим государственным институтам (см., например, *Putnam (1993)*).

В своей работе *Raiser, Haerpfer, Nowotny, Wallace (2001)* оценивали влияние общественного капитала на рост с помощью простейшего регрессионного уравнения:

$$Growth = a + b * Civic\ engagement + c * Trust\ in\ Institutions + d * Reforms + e,$$

где в качестве показателя Civic engagement использовалась доля населения, которая принимает активное участие в работе общественных организаций, а в качестве Trust in Institutions – средний индекс доверия населения государственным институтам.

Таким образом, первые две переменные являлись прокси для качества общественного капитала в отдельных странах (были использованы данные по 19 странам за 1998 г.). Для показателя Reforms использовалось среднее значение индекса реформ ЕБРД за 1989–1998 гг.

Оценки производились в различных спецификациях, однако во всех случаях анализ показал, что на экономический рост в переход-

ных экономиках оказывает положительное влияние только степень вовлеченности граждан страны в политические и экономические процессы (Civic engagement), в то время как доверие государственным институтам оказывается статистически несвязанным с ростом.

Таблица 1.1 обобщает статистические результаты, полученные в рамках рассмотренных выше межстрановых эмпирических исследований. Еще раз отметим, что все проанализированные работы продемонстрировали наличие положительной статистически значимой взаимосвязи между качеством институтов и экономическим ростом в переходных экономиках.

Таблица 1.1

Результаты оценки влияния институциональных факторов на экономический рост в переходных экономиках

Объясняющая институциональная переменная	Результаты проверки гипотезы в работах	Источник используемых данных об уровнях развития национальных институтов
1	2	3
Совокупный индекс экономической свободы (HERgen)	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000)+**</i>	Публикуется Heritage Foundation
Индекс коррупции (HERleg)	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000)+**</i>	Публикуется Heritage Foundation в рамках системы индексов экономической свободы
Уровень развития демократии (FRdem)	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000)+*</i>	Индекс «Nations in Transit», публикуемый Freedom House
Уровень экономической свободы (FRec)	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000)+*</i>	Индекс «Nations in Transit», публикуемый Freedom House
Индекс гражданских свобод (FRpol)	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000)-*</i>	Индекс «Nations in Transit», публикуемый Freedom House
Эффективность правовой системы (EBRDleg)	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000)+*</i> <i>Moers (1999)+*</i> <i>Beck, Laeven (2005)+**</i>	Индекс «Rule of law», публикуемый EBRD
Индексы институциональной среды (WB)	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000)+*</i> <i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997)+**</i> <i>Ahrens, Meurer (2000)+**</i>	Индексы, публикуемые World Bank в World Development Report, а именно: (i) government predictability regarding laws and policies; (ii) property rights; (iii) the quality of government-business relationship; (iv) bureaucratic red-tape; (v) efficiency of government in providing services
Политический риск	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000)+*</i> <i>Moers (1999)+*</i>	Политическая компонента риска в системе рейтинга страновых рисков, публикуемых «Euromoney»

Продолжение таблицы 1.1

1	2	3
Эффективность инвестиционных законов	<i>Moers (1999)+*</i>	Индекс « <i>Investment law</i> », публикуемый EBRD
Индекс коррупции (EBRDgen)	<i>Beck, Laeven (2005)+**</i>	Индекс « <i>Corruption</i> », публикуемый EBRD
Общий уровень институционального развития	<i>Beck, Laeven (2005)+**</i>	Индекс « <i>Institutional development</i> », публикуемый EBRD
Предсказуемость принимаемых законов	<i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997)+**</i>	Индекс « <i>Predictability of rules</i> », публикуемый World Bank
Неопределённость относительно смены курса исполнительной властью	<i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997)+**</i>	Индекс « <i>Political stability</i> », публикуемый World Bank
Надежность судебной системы	<i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997)+**</i>	Индекс « <i>Judiciary reliability</i> », публикуемый World Bank
Распространенность коррупции	<i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997)+**</i>	Индекс « <i>Lack of corruption</i> », публикуемый World Bank
Распространенность коррупции	<i>Ahrens, Meurer (2000)+**</i>	Индекс « <i>Transparency International</i> »
Общественный капитал (1)	<i>Raiser, Haerpfer, Nowotny, Wallace (2001)+**</i>	Доля респондентов, которые принимают активное участие в работе общественных организаций (World Values Survey)
Общественный капитал (2)	<i>Raiser, Haerpfer, Nowotny, Wallace (2001)^</i>	Индекс доверия государственным институтам (World Values Survey)

Примечание. + – знак в регрессиях положительный; * – статистическая значимость на 5%-м уровне; ** – статистическая значимость на 1%-м уровне; ^ – статистическая незначимость.

1.3. Основные группы институтов и их измерение

Институты можно рассматривать, с одной стороны, как некий набор формальных и неформальных норм, степень соответствия которым непосредственно связана с уровнем социально-экономического развития конкретной страны. Иначе говоря, страны, достигшие лидирующих позиций в мировом развитии, такие как члены ОЭСР, как правило, отличаются высоким качеством институциональной среды. Для них характерны низкий уровень коррупции, высокая степень независимости судов, эффективные механизмы защиты частной собственности и т.д. Наличие эффективных институтов является общей характеристикой для стран с доходами свыше 10 000 долл. на душу по ППС. Высокоразвитые страны со слаборазвитыми институтами –

беспрецедентное явление в мировой истории экономического развития.

С другой стороны, институты можно рассматривать в широком смысле как набор механизмов и правил, обеспечивающих перераспределение ресурсов в экономике, привлечение новых инвестиций, подготовку трудовых ресурсов и формирующих системы стимулов для повышения эффективности в экономике. Институты можно условно классифицировать в следующие основные группы:

- Правовые институты;
- Регулирующие институты;
- Институты развития человеческого капитала;
- Институты координации и распределения рисков.

Правовые институты

Под правовыми институтами понимаются институты судебной, законодательной и административной системы, призванные обеспечивать неприкосновенность личности и частной собственности. Для стран с развитыми правовыми институтами характерны независимость судебной системы, прозрачность функционирования административной системы и отсутствие коррупции в государственных органах власти. Качество правовых институтов критическим образом влияет на ключевые характеристики национального инвестиционного климата (например, на инфорсмент контрактов, защиту прав кредиторов, скорость и прозрачность процедур банкротства), одинаково важного как для деятельности существующих предприятий, так и для привлечения на рынок новых компаний.

Различные показатели развития правовых институтов, включая показатель степени распространения коррупции, часто используются в качестве обобщающего институционального индикатора в межстрановых исследованиях роста. Среди наиболее популярных индикаторов этой группы можно назвать «правовые» компоненты следующих индексов: Fraser Institute's Economic Freedom of the World, Transparency International's Corruptions Perceptions Index, Heritage Foundation's Index of Economic Freedom, PRSG's (Political Risk Services Group) International Country Risk Guide, World Economic Fo-

rum's Growth Competitiveness Index, World Bank Worldwide Governance Indicators (Governance Matters).

Регулирующие институты

К регулирующим институтам относятся органы, занимающиеся контролем и регулированием различных сторон повседневной деятельности предприятий, а также обладающие правом приостановления деятельности компаний. Некоторые регулирующие органы являются государственными, другие – частными (органы саморегулирования), причём в развитых странах, как правило, роль саморегулирования выше, чем в развивающихся.

К регулирующим институтам относятся, во-первых, государственные органы, от которых зависит простота и скорость открытия, расширения и ликвидации бизнеса, включая тех, которые отвечают за доступ юридических лиц к инфраструктуре, земле и выдачу разрешений на строительство.

Во-вторых, регулирующие органы представлены институтами, осуществляющими контроль за соблюдением общих правил хозяйствования, включая правила внешней торговли, лицензирования и сертификации, налоговые правила, санитарно-эпидемиологические правила, правила техники безопасности, и т.д.

Третью группу регулирующих органов составляют органы антимонопольного регулирования и контроля, обеспечивающие качество рыночной конкуренции.

От эффективности и непредвзятости функционирования регулирующих институтов зависит рентабельность операций и привлекательность инвестиций в частном секторе. Оценка качества регулирующих институтов чаще всего осуществляется на основе проведения опросов предприятий (таких как, например, World Bank's Costs of Doing Business). В определённой мере качество регулирующих институтов отражается в EBRD's Transition Indicators, а также в большинстве индексов, перечисленных в группе «правовые институты».

Институты развития человеческого капитала

Институты развития человеческого капитала включают, в первую очередь, институты в сферах здравоохранения, образования и социального обеспечения. Возрастание роли человеческого фактора в экономическом развитии общества, достигшем постиндустриальной стадии, предъявляет повышенные требования к образованию и здоровью населения. В этой связи во всем мире все более актуальным становятся задачи повышения эффективности деятельности соответствующих социальных секторов, а также улучшения доступа всего населения (независимо от уровня дохода) к минимальному набору социальных услуг.

В рамках целевых задач развития до 2015 г. (UN Millennium Development Goals) ООН поставила серьезные задачи в области развития человеческого капитала (сокращения бедности и улучшения доступа населения к базовым услугам здравоохранения и образования). В рамках этой программы намечено добиться глобального улучшения по таким показателям как снижение уровня детской и материнской смертности, снижение заболеваемости рядом опасных заболеваний, улучшение доступа к чистой питьевой воде, и расширение охвата детей школьным образованием.

Кроме того, уровень развития человеческого капитала в конкретной стране тесно связан с понятием «качества жизни», прежде всего с такими его компонентами как качество и доступность жилья, жилищно-коммунальных и транспортных услуг, а также качество окружающей среды. Качество среды обитания непосредственно влияет на эффективность использования национального человеческого капитала через их влияние на состояние здоровья и наличие свободного времени.

Качество институтов человеческого капитала отражается, например, в индексах ООН (UN's Human Development Indicators), в международных оценках качества школьного образования (OECD's PISA), в индексах Всемирного Банка (World Bank's Knowledge Economy Index).

Важной дополнительной характеристикой человеческого капитала является такое понятие как «социальный капитал», характери-

зующее уровень и радиус доверия в обществе (Лебедева, 2007). Высокий уровень доверия благоприятствует экономическому развитию и модернизации общества. Представление о динамике социального капитала в разных странах дают исследования, проведенные с помощью мирового опросника ценностей (World Values Survey)¹⁴. Динамика и уровень оценок социального капитала непосредственно отражает качество ряда важных базовых общественных институтов, таких как, например, эффективность местного самоуправления и развитость сектора негосударственных добровольных организаций граждан.

Несколько особняком в этом разделе стоят вопросы, связанные с повышением численности населения и которые включают механизмы стимулирования/регулирования рождаемости и регулирование миграционных процессов. Активная миграционная политика широко используется развитыми странами для дополнительного привлечения квалифицированных кадров и лиц с дефицитными профессиями, в т. ч. из менее развитых стран. Также поддерживается активная круговая миграция («brain circulation») среди предпринимателей, исследователей и разработчиков новых идей, особенно в быстро развивающихся отраслях.

Институты экономической координации и распределения рисков

Высокая эффективность рыночных экономик развитых стран во многом определяется высоким уровнем развития таких финансовых институтов как кредитно-банковская система, фондовый рынок, пенсионные фонды. Их эффективное функционирование способствует мобилизации и консолидации сбережений финансовых ресурсов, координации деятельности мелких и средних инвесторов, оптимальному распределению ресурсов в экономике и сокращению транзакционных издержек.

К институтам координации и распределения рисков относятся страховые компании и страховые государственные институты (такие, например, как институты страхования вкладов), инвестицион-

¹⁴ Данные этих опросов доступны на сайте <http://margaux.grandvinum.se/SebTest/wvs>.

ные фонды, частные и государственные венчурные компании и агентства, призванные способствовать осуществлению рискованных, но потенциально прибыльных проектов.

Отметим, что от состояния развития институтов финансового сектора напрямую зависит эффективность инновационного процесса, успешность возникновения новых секторов экономики.

2. Измерение, описание и анализ текущего состояния институционального климата в России в сопоставлении с другими странами мира

Данный раздел посвящен сравнительному анализу конкретных тенденций в институциональном развитии России на основе использования ряда международных индикаторов. В основном тексте работы рассматриваются индексы Всемирного банка (WB WGI) и Трансперенси Интренешнл (TI CPI), которые затем используются нами для анализа институциональной динамики России и других стран мира в разделах 2.1 и 3. Другие авторитетные международные институциональные индексы рассмотрены нами в *Приложении 1*. Сразу подчеркнем, что, несмотря на многообразие и специфичность конкретных индексов, их совместное изучение свидетельствует о наличии вполне устойчивых тенденций в институциональном развитии России. Другими словами, использование различных индексов позволяет получить достаточно целостную, внутренне согласованную картину институциональной динамики России и многих других стран.

В разделе также рассматриваются оценки существующего институционального отставания России от ряда развитых и развивающихся стран и его динамике. При этом основное внимание уделяется сравнению с ведущими странами ОЭСР, странами, недавно присоединившимися к Европейскому Союзу, и с партнерами по СНГ.

2.1. Оценки уровня институционального развития России на основе международных индикаторов

В последние два десятилетия в мире наблюдался существенный прогресс в методологии сравнительной количественной оценки качества функционирования институтов с целью изучения их относительного уровня развития в разных странах. На сегодняшний день существует целый ряд регулярно обновляемых международных индексов и рейтингов, отражающих те или иные национальные институциональные аспекты, включая уровень инвестиционных и предпринимательских рисков, степень экономических и политических свобод, уровень коррупции и т.д. Эти оценки публикуются как крупными международными организациями (такими как, например, ОЭСР, Всемирный Банк, ЮНКТАД), так и независимыми исследовательскими центрами и общественными организациями (например, Институт Фрейзера, Трансперенси Интернешнл, Херитедж Фаундейшн, Фридом Хаус и др.), а также частными консалтинговыми компаниями и рейтинговыми агентствами (например, A. T. Kearney, Standard & Poors, Global Insight, Goldman Sachs).

В литературе предлагается четыре основных способа измерения институциональных характеристик:

- на основе макроэкономических показателей; данный способ применяется в основном для оценки уровня развитости финансового сектора (например, на основе размера банковских кредитов, выданных частному сектору, в процентах к ВВП; капитализация рынка ценных бумаг, в процентах к ВВП, и т.п.);
- на основе опросов предприятий и населения как пользователей государственных услуг;
- на основе опросов экспертов;
- на основе прямых измерений конкретных качественных характеристик, таких как, например, качество образования (с использованием стандартных тестов) или конкурентность выборов (статистика голосования).

Индикаторы качества государственного управления (World Bank Worldwide Governance Indicators)

Семейство индексов Worldwide Governance Indicators (WGI) основано на исследованиях Института Всемирного банка и Исследовательского отдела Всемирного банка (World Bank Institute, The Research Department of the World Bank), инициированных в конце 1990-х годов Даниэлем Кауфманом, Аартом Крээем и Массимо Мастрucci¹⁵, при участии Пабло Зоидо-Лобатона (Pablo Zoido-Lobaton). Данные индексы составляются с 1996 г. и до 2002 г. публиковались раз в два года, но, начиная с 2002 г., в связи с востребованностью подобных исследований, они публикуются ежегодно. Информация об источниках данных, лежащих в основе рассматриваемых индикаторов, а также о самих показателях доступна на сайте www.govindicators.org. Эти индикаторы измеряют качество государственного управления и базируются на 33-х источниках исходных данных, составленных 30 различными организациями.

Worldwide Governance Indicators охватывают 6 основных аспектов государственного управления в 212 странах мира, отражаемых шестью агрегированными индикаторами:

1. Права граждан и подотчётность государственных органов (voice and accountability);
2. Стабильность политической системы и отсутствие насилия (political stability and absence of violence);
3. Эффективность органов государственного управления (government effectiveness);
4. Качество регулирующих институтов (regulatory quality);
5. Качество правовых институтов (rule of law);
6. Антикоррупционный контроль (control of corruption).

Используемые в анализе данные представляют собой статистическое обобщение опроса фирм, частных лиц, различных агентств, занимающихся оценкой коммерческих рисков, негосударственных организаций и исследовательских научных центров, а также других

¹⁵ Daniel Kaufmann, Aart Kraay, Massimo Mastruzzi. Governance Matters VI: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2006. World Bank Policy Research Working Paper 4280, July 2007.

организаций общественного сектора. На основе результатов каждого из проведенных обследований составляются индивидуальные индикаторы, которые затем агрегируются в 6 агрегированных индексов.

Приведем несколько примеров того, как результаты обследований (индивидуальные индикаторы) соотносятся с агрегированными индикаторами:

Вопросы для составления индивидуальных индикаторов	Соответствующие агрегированные индикаторы
Уважаются ли гражданские и политические свободы?	>> Права граждан и подотчетность государственных органов
Как риск насилия по политическим мотивам влияет на правительство?	>> Стабильность политической системы и отсутствие насилия/терроризма
Насколько сильны общественные институты и каково качество гражданской государственной службы?	>> Эффективность органов государственного управления
Насколько распространена практика недобросовестной конкуренции?	>> Качество регулирующих институтов
Являются ли юридические процедуры справедливыми?	>> Качество правовых институтов
В какой степени политики вовлечены в коррупционную деятельность и nepo-тизм?	>> Антикоррупционный контроль
Справедливы ли выборы?	>> Права граждан и подотчетность государственных органов
Налагает ли угроза терроризма дополнительные издержки на бизнес?	>> Стабильность политической системы и отсутствие насилия/терроризма
Свободна ли система государственных услуг от политического вмешательства?	>> Эффективность органов государственного управления
Легко ли начать бизнес в стране?	>> Качество регулирующих институтов
Независимо ли судопроизводство от политического вмешательства?	>> Качество правовых институтов
Какой процент от продаж в среднем составляют "неофициальные выплаты"?	>> Антикоррупционный контроль

Все индексы WGI принимают значение в интервале от -2,5 до 2,5, причем большие значения индекса отражают более высокое качество государственного управления.

Индикатор эффективности органов государственного управления (Government Effectiveness)

Данный индикатор измеряет качество предоставляемых государственных услуг, качество государственной службы и уровень её независимости от политического давления, качество выработки политики и её выполнения, а также уровень доверия к правительству касательно обязательств по выполнению разработанных государственных программ.

Лидирующие позиции по этому индексу в 2006 г. занимали Дания (2,287), Сингапур (2,204), Исландия (2,130). Россия находилась на 132-м месте и имела значение индекса -0,427. В целом за рассматриваемый период можно отметить незначительный рост индекса для России (см. *рис. 2.1*). При этом 2000 г. характеризуется падением значения показателя до -0,608. Далее, начиная с 2002 г., видна тенденция к росту показателя, причем максимум был достигнут в 2004 году (-0,224), но в 2005–2006 гг. эта тенденция сменилась, результатом чего стало лишь незначительное улучшение показателя за период 1996–2006 гг.

Относительно сравниваемой на *рис. 2.2* группы стран Россия имеет низкое значение индекса, что отражает недостаточную эффективность государственного управления. Надо отметить, что внутри рассматриваемой группы отрицательные значения индексов имеют лишь страны СНГ и некоторые страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия), причем из рассматриваемых стран Россия опережает лишь Украину, Белоруссию, Казахстан. Белоруссия обладает наименьшим индексом из представленных стран, для Украины же с 1996 по 2005 г. характерна довольно слабая, но устойчивая тенденция к росту показателя, которая, однако, практически прекращается в 2006 г. В Казахстане же наблюдается значительное увеличение индекса по сравнению с исходным периодом. Наибольшие значения индекса в 2006 г. имели развитые страны-члены ОЭСР, за которыми следовали Латвия, Литва и Эстония. У стран Центральной и Восточной Европы также сравнительно высокие показатели. *Рис. 2.1* наглядно демонстрирует, какой резкий институциональный рывок с 1996 г. сделала Болгария. При начальном положении индикатора на

уровне -0,939 в 1996 г., уже в 1998 г. он достигает значения -0,070, а в 2000 г. принимает положительное значение.

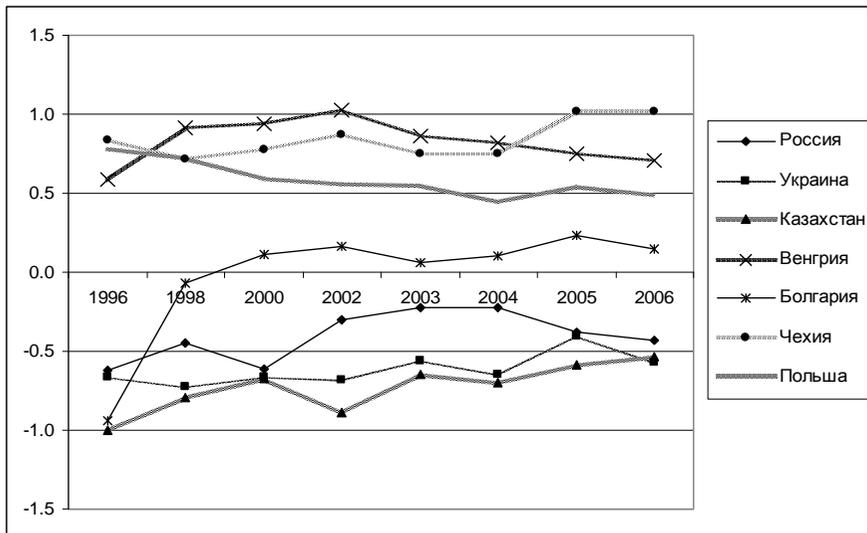

Рис. 2.1. Индекс эффективности органов государственного управления WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996–2006 гг. (большее значение индекса соответствует более эффективной системе государственного управления)

Индикатор качества регулирующих институтов (Regulatory Quality)

Данный индикатор измеряет способность правительства формулировать и исполнять основные положения и нормы политики, которые не только позволяют развиваться частному сектору, но и стимулируют его развитие. Таким образом, индекс качества регулирующих институтов отражает взаимоотношения между государством и частным сектором.

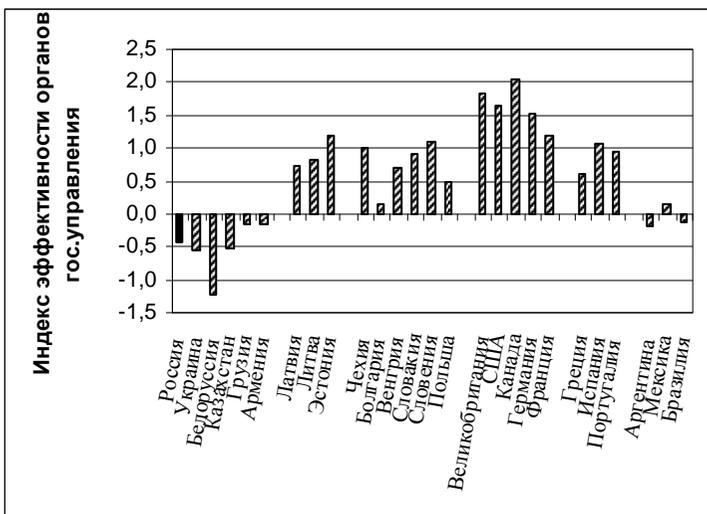

Рис. 2.2. Индекс эффективности органов государственного управления WGI в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более эффективной системе государственного управления)

Самые высокие показатели качества регулирования в 2006 г. имели Гонконг (1,947), Сингапур (1,846) и Дания (1,812). Напомним, что Дания также лидировала по показателю эффективности органов государственного управления. Россия находилась на 137-м месте (из 206 стран, по которым имелись соответствующие данные) и имела значение индекса, равное (-0,447). Это довольно низкое значение показателя в сравнении со странами Восточной Европы (рис. 2.3). В конце анализируемого периода значения индикаторов России, Украины и Казахстана практически совпадали и, соответственно, являлись низкими по сравнению с остальными рассматриваемыми здесь странами. Надо отметить, что в 2000 г. наблюдалось некоторое снижение индикатора во всех рассматриваемых странах Восточной Европы и СНГ кроме Болгарии, причем наиболее глубокий спад был у России. В Болгарии же, напротив, отмечался рост индекса, который сохранялся вплоть до 2005 г. Тем не менее тенденции к росту индек-

са существовали в России в период с 2002 по 2004 г., максимальное значение (аналогично индексу эффективности государственного управления) было достигнуто в 2004 г. В целом, по сравнению с исходным состоянием в 1996 г., значение индикатора для России снизилось на 0,070.

При сопоставлении России с ключевыми группами стран можно отметить, что качество регулирования в России значительно уступает качеству регулирования в странах Балтии, странах-лидерах экономического развития, а так же, как отмечалось выше, странах Восточной Европы. Почти все представленные страны СНГ (за исключением Армении) имеют отрицательное значение индикатора, отрицательным значением характеризуется также качество управления Аргентины. Белоруссия, так же как и по индексу эффективности органов государственного управления, имеет наиболее низкое значение (-1,603).

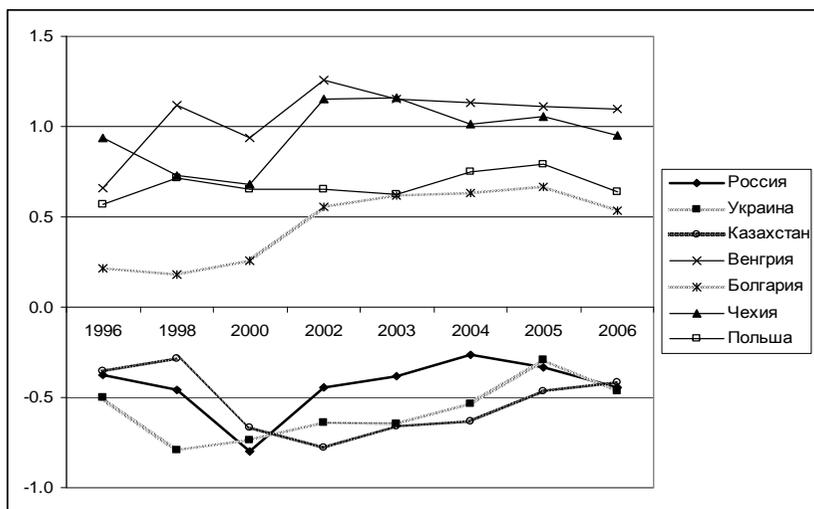

Рис. 2.3. Индекс качества регулирующих институтов WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996–2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому качеству регулирующих институтов)

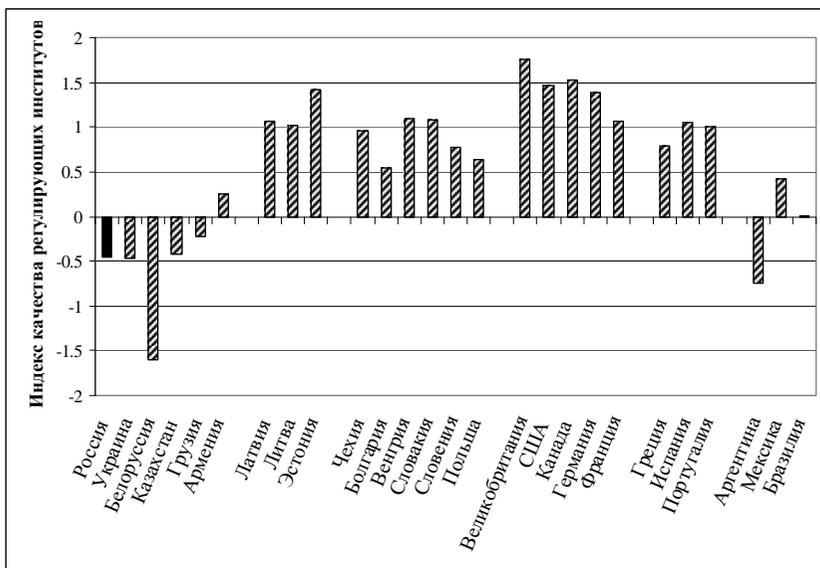

Рис. 2.4. Индекс качества регулирующих институтов WGI в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более высокому качеству регулирующих институтов)

Индикатор качества правовых институтов (Rule of Law)

Индекс качества правовых институтов измеряет степень доверия и уверенности респондентов в существующих в обществе законах, и в какой мере они (респонденты) их придерживаются. В частности, оценивается качество контроля за исполнением контрактов, качество работы полиции и судов, а также вероятность преступлений и нарушений правовых норм. То есть данный индекс оценивает качество правовой системы и её эффективность.

В 2006 г. лидерами по индексу Rule of Law были Исландия (2,030), Дания (2,025), Норвегия (2,024). Россия занимала 171-е место со значением (-0,911), следуя за Кубой. В 2006 г. Россия имела самое низкое значение показателя среди рассматриваемой группы стран с переходной экономикой (рис. 2.5). В начале и практически

на протяжении всего рассматриваемого периода (кроме 2000 г., когда наблюдалось резкое падение индекса для России) Россия опережала только Казахстан, но, начиная с 2005 г., Россия является последней в данной группе по значению исследуемого индекса. На Украине значение индикатора уменьшилось по сравнению с 1996 г., тем не менее, Украина имеет лучшее значение среди стран СНГ, отраженных на *рис. 2.5*. Касательно стран Восточной и Центральной Европы, то в Венгрии и Чехии наблюдалась почти полная стагнация, в то время как индекс Польши имел устойчивую тенденцию к снижению.

Из стран, представленных на *рис. 2.6*, отрицательные значения индекса (а значит, недостаточное качество и эффективность существующих в стране правовых норм) соответствуют странам СНГ, Болгарии и странам Латинской Америки. Самые высокие показатели у стран-лидеров экономического развития, а самый низкий результат у Белоруссии. Россия по значению Rule of Law опережает только Белоруссию и значительно уступает большинству стран в области судебно-правовых норм.

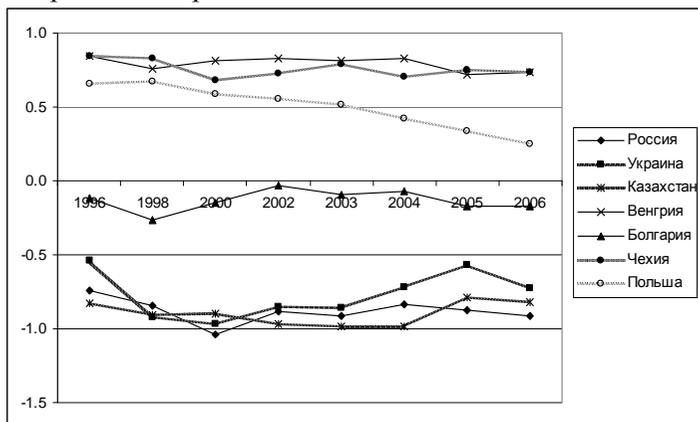

Рис. 2.5. Индекс качества правовых институтов WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996–2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому качеству правовых институтов)

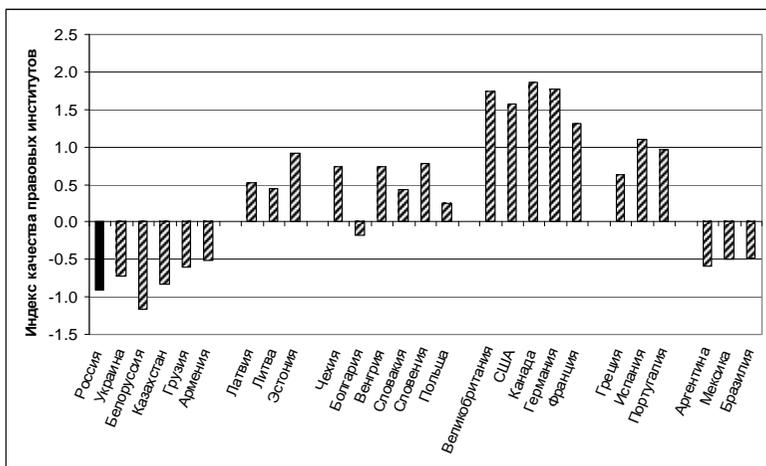

Рис. 2.6. Индекс качества правовых институтов WGI в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более высокому качеству правовых институтов)

Индикатор антикоррупционного контроля (Control of Corruption)

Индикатор антикоррупционного контроля измеряет, в какой степени сотрудники государственных органов используют власть для личной выгоды, включая коррупцию в мелких и крупных масштабах, а также роль элиты и частных интересов в государстве.

В 2006 г. наиболее эффективный антикоррупционный контроль был отмечен в Финляндии (2,574), Исландии (2,465) и Дании (2,390). Россия занимала 157-е место (из 207 стран, по которым имелись соответствующие данные) со значением индекса (-0,758). Это низкий показатель в сравнении с другими странами с переходной экономикой, в 2006 г. Россия опережала только Казахстан. В целом, надо отметить, что за рассматриваемый период Россия имела положительный тренд в изменении индекса, и показатель за период вырос на 0,082. На Украине величина индекса Control of Corruption также выросла, несмотря на значительный спад в 1998 г. Обращает внимание резкое улучшение качества антикоррупционного контроля в

Болгарии. Что касается стран Восточной Европы, то тенденция к снижению индекса была характерна для Польши, а в Венгрии и Чехии также наблюдалось уменьшение величины индекса, но в значительно меньшем размере.

При сравнении России с ключевыми группами стран в 2006 г. ситуация практически аналогична той, которая возникала при анализе предыдущего индикатора качества правовых институтов, что подтверждает тесную взаимосвязь между двумя этими характеристиками институциональной среды. Отличие состоит в том, что теперь из тех стран Восточной Европы и СНГ, по которым доступны данные, отстающей страной является Казахстан, а в Литве, несмотря на довольно высокий показатель качества правовых институтов, ситуация с антикоррупционным контролем неблагоприятная (значение индекса близко к нулю). В Болгарии же наблюдается обратное соотношение между индексами правовой системы и коррупции. Россия имеет весьма неблагоприятную оценку системы контроля коррупции.

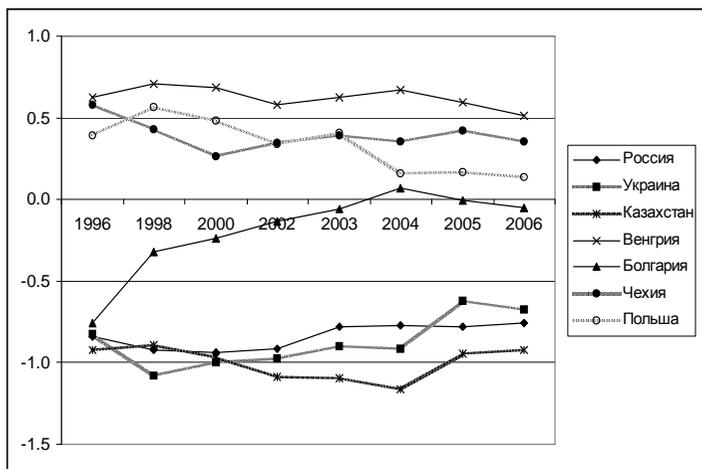

Рис. 2.7. Индекс антикоррупционного контроля WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996–2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому качеству антикоррупционного контроля)

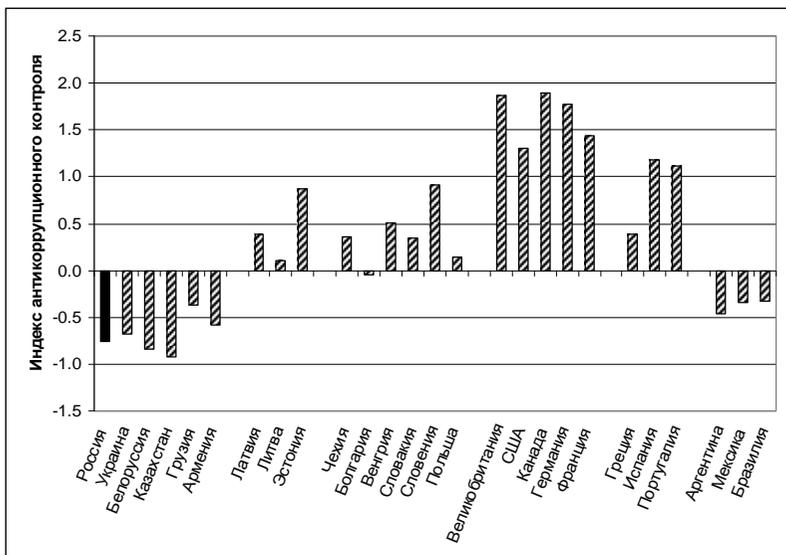

Рис. 2.8. Индекс антикоррупционного контроля WGI в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более высокому качеству антикоррупционного контроля)

Индикатор гражданских прав и подотчетности государственных органов (Voice and Accountability)

Данный показатель оценивает возможности граждан участвовать в выборе органов власти, а также свободу самовыражения, создания ассоциаций и свободу средств массовой информации (СМИ). Иными словами, Voice and Accountability характеризует степень демократизации общества.

Лидерами по этому индексу в 2006 г. были Дания (1,721), Швеция (1,719), Нидерланды (1,671). Россия находилась на 159-м месте в общем рейтинге из 209 стран, по которым имелась соответствующая информация (-0,869). Максимальное значение (-0,380) показателя Voice and Accountability для России было зафиксировано в 2002 г., после чего наблюдалась устойчивая тенденция к снижению индекса. В итоге, в 2005–2006 гг. Россия опережала только Казахстан,

имеющий наименьший показатель в перечне рассматриваемых стран с переходной экономикой, хотя в предшествующие годы ситуация в России была лучше, чем еще и на Украине (рис. 2.9). Украина с 2004 по 2006 г. сделала мощный рывок в развитии гражданских прав и свобод, тем самым заметно увеличив разрыв с Россией. Венгрия также повысила значения своего индикатора. В остальных странах Центральной и Восточной Европы (Венгрии, Польше, Чехии) разрыв в величинах индексов между 1996–2006 гг. незначителен. Отметим, что в 2000 г. в Чехии было заметно некоторое ухудшение значения индикатора, но это не оказало существенного влияния на общий тренд для этой страны.

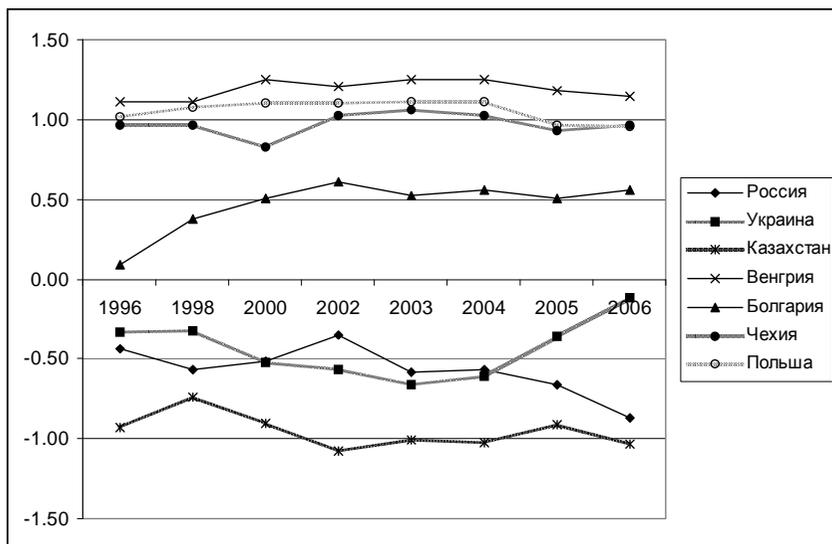

Рис. 2.9. Индекс гражданских прав и подотчетности государственных органов WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996–2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому уровню прав граждан и подотчетности государственных органов)

Продолжая сравнение стран СНГ между собой (рис. 2.10), можно отметить, что наиболее демократизированы Украина и Грузия, наименьшими правами и свободами обладают граждане Белоруссии. Из рассматриваемых стран Латинской Америки минимальное значение индекса Voice and Accountability имеет Мексика. В заключение, можно сказать, что Россия имеет низкий показатель уровня гражданских прав и свобод, особенно при сравнении его с аналогичными показателями стран-лидеров экономического развития и стран Восточной Европы.

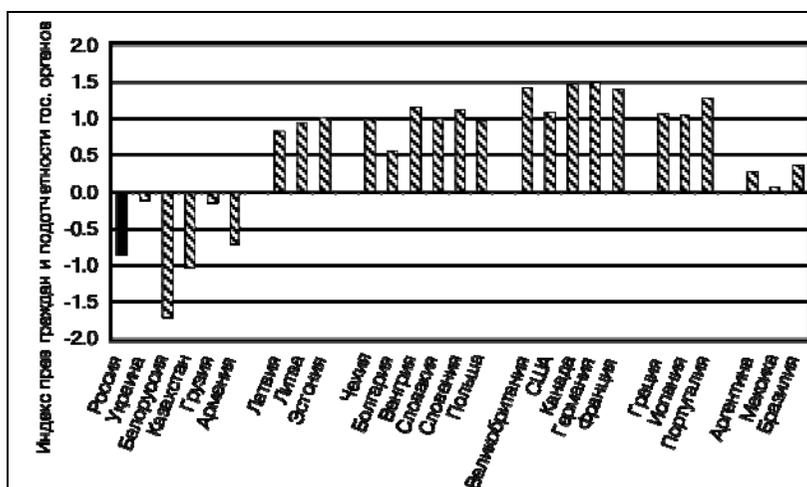

Рис. 2.10. Индекс гражданских прав и подотчетности государственных органов WGI в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более высокому уровню прав граждан и подотчетности государственных органов)

Индикатор политической стабильности (Political Stability)

Индикатор политической стабильности основан на восприятии, предположениях респондентов о вероятности дестабилизации или свержения правительства неконституционными, насильственными

методами, а также о возможности возникновения внутренних беспорядков с применением насилия.

Наиболее политически стабильными в 2006 г. в соответствии с данным индексом были Исландия (1,601), Люксембург (1,505), Финляндия (1,469). Россия находилась на 160-м месте (-0,738) в общем рейтинге из 209 стран, по которым имелась информация. Среди рассматриваемых стран с переходной экономикой (рис. 2.11) Россия занимает последнее место, несмотря на рост индекса по сравнению с исходным положением и сохранением тенденции к росту. Лидирующие позиции здесь занимают Венгрия и Чехия. Значительным в последние годы было снижение индекса у Польши. Обращает на себя внимание тот факт, что, находясь в 1996 г. приблизительно на одинаковом уровне по политической стабильности, в 2006 г. Болгария, Казахстан и Украина имели абсолютно различные результаты (0,292; 0,058; -0,271 соответственно).

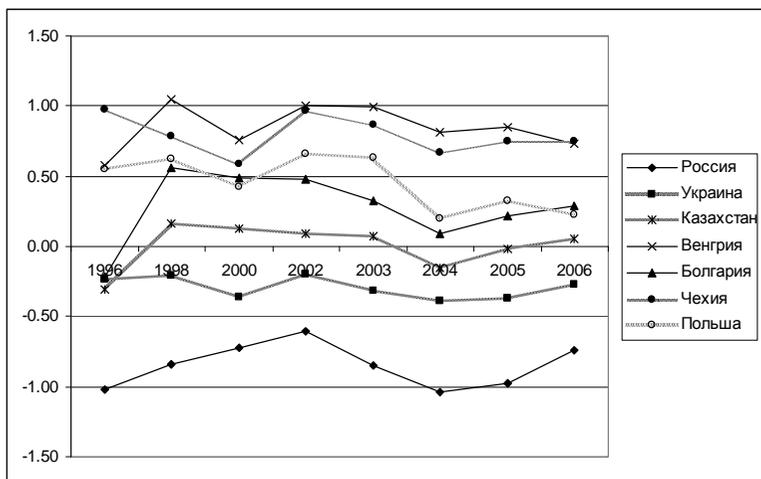

Рис. 2.11. Индекс политической стабильности WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996–2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому уровню политической стабильности)

Обратимся к *рис. 2.12*. Наиболее политически стабильными странами СНГ являются Белоруссия и Казахстан, остальные страны СНГ, присутствующие на рисунке, имеют отрицательные значения индекса. Отрицательными значениями индикаторов характеризуются и страны Латинской Америки (наибольшая вероятность дестабилизации отмечается в Мексике). Оставшиеся группы стран в целом достаточно стабильны. Россия обладает самым низким, после Грузии, значением индикатора.

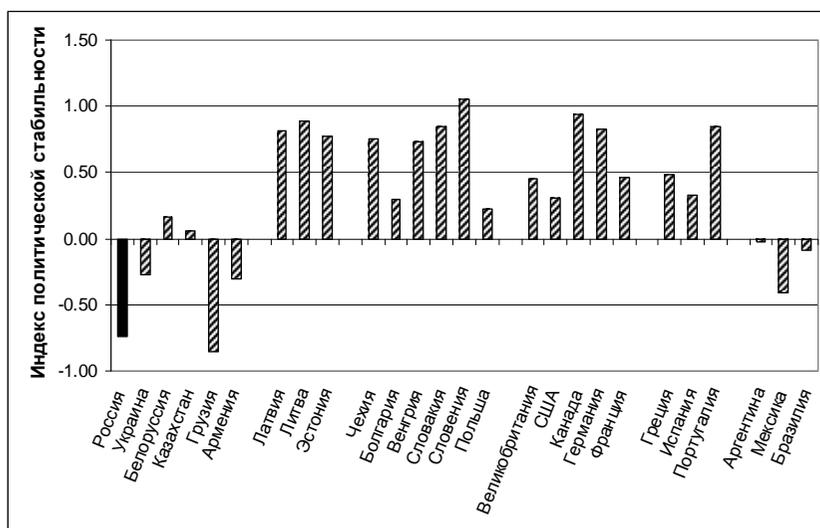

Рис. 2.12. Индекс политической стабильности WGI в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более высокому уровню политической стабильности)

Индикатор восприятия коррупции (Transparency International)

Индекс восприятия коррупции является продуктом международной независимой исследовательской организации Transparency International (<http://www.transparency.org>), штаб-квартира которой расположена в Берлине. Публикуется индекс ежегодно с 1995 г. в рамках Мирового отчета о коррупции (Global Corruption Report).

Индекс отражает именно оценку восприятия уровня коррупции людьми, и не претендует на объективное измерение масштабов коррупции в разных странах. Индекс усредняет оценку уровня коррупции, данную разными респондентами для одной страны. Можно выделить три целевые группы респондентов: эксперты, не являющиеся резидентами страны, которая участвует в опросе; предприниматели, не являющиеся резидентами; и предприниматели, являющиеся резидентами.

Для построения индекса используются данные собственных опросов и статистика других организаций, среди которых можно отметить Всемирный экономический форум (WEF), Freedom House, Центр исследования мировых рынков (WMRC) и другие. Перечень их меняется и зависит от конкретного отчета (года исследования).

По данным за 2007 год (*рис. 2.13*), можно видеть, что степень проникновения коррупции, воспринимаемая респондентами, отрицательно коррелирована с уровнем социально-экономического развития страны. Страны СНГ (Россия, Белоруссия, Казахстан, Украина) имеют рейтинги от 2 до 3, тогда как страны Центральной и Восточной Европы (за исключением Македонии) имеют рейтинги выше 4. Страны Латинской Америки немного отличаются в положительную сторону от России, имея значения индекса 3,0 – 3,5. Развитые страны имеют рейтинги, превышающие 7,0.

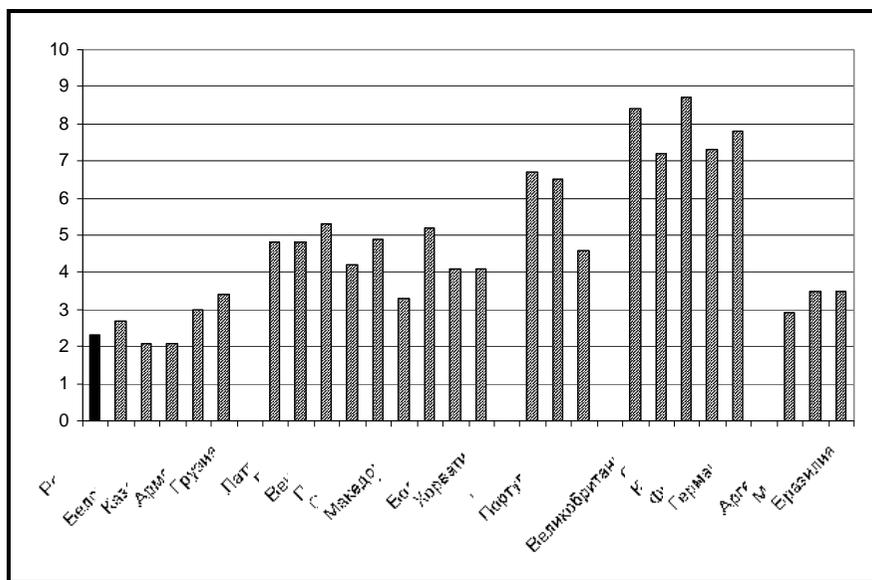

Рис. 2.13. Индекс восприятия коррупции TI в 2007 г. (большее значение индекса соответствует более низкому уровню коррупции)

Если анализировать развитие ситуации в динамике (рис. 2.14), то можно сказать о достаточной стабильности представлений об уровне коррупции в России. Устойчивый экономический рост 1999–2007 гг. никак не сказался на улучшении ситуации в области коррупции. Более того, в период 2004–2007 гг. наблюдалось медленное ухудшение ситуации – существенный рост доходов никак не снизил восприятия уровня коррупции. Для сравнения, в странах Восточной Европы в этот период наблюдался устойчивый положительный тренд. Чехия является примером страны, сумевшей резко сократить уровень коррупции после 2002 г. За пять лет в этой стране удалось полностью ликвидировать значительный разрыв, существовавший между ней и Венгрией, а также достичь значений, заметно превышающих уровень Греции. В то же время стоит отметить, что в предшествующий период (вторая половина 90-х годов) Чехия столкнулась со значительным распространением коррупции, несмотря на положительную

динамику многих других институциональных показателей в тот период.

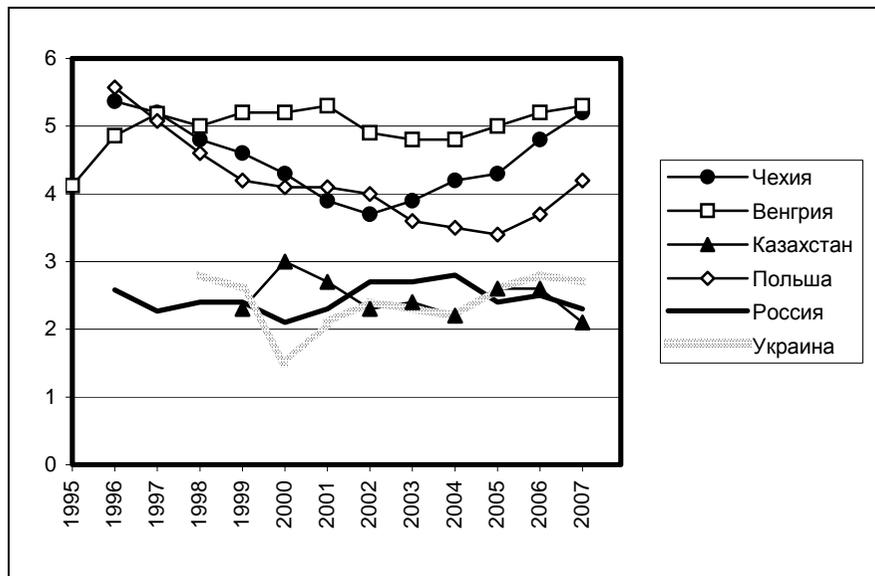

Рис. 2.14. Индекс восприятия коррупции ПІ в 1995–2007 гг.
(большее значение индекса соответствует более низкому уровню коррупции)

2.2. Взаимосвязи динамики индикаторов экономического и институционального развития: опыт России в контексте мирового развития¹⁶

Россия в настоящее время ощутимо отстает в качестве институтов как от экономически развитых стран, так и от ряда стран с переходной экономикой. Большинство стран Центральной и Восточной Европы, а также страны Балтии имеют более высокое качество экономических институтов. Помимо этого, экономический рост, который наблюдается в стране с 1999 г., не сопровождался качественными изменениями в институтах, влияющих на гарантии прав собственности и качество регуляционной среды, не наблюдалось снижения уровня коррупции. В результате для России свойственна нехарактерная для большинства стран мира комбинация относительно высокого уровня развития экономики с относительно низким качеством институциональной среды. В данной работе мы называем такую комбинацию «институциональным отставанием».

Другой особенностью современной российской ситуации в области институционального развития является наличие существенных расхождений между (относительно негативной) динамикой основных институциональных индикаторов и (устойчиво положительной) динамикой индикаторов, используемых для измерения страновых инвестиционных и кредитных рисков. Вторая группа индикаторов, включая, например, инвестиционный рейтинг Standard and Poor's и индекс страновых рисков ОЭСР, в последние годы вплоть до начала 2008 г. устойчиво улучшались, отражая общее улучшение макроэкономической ситуации в стране – стабильность бюджета, снижение государственного долга, рост доходов населения, и т.п. Улучшение показателей кредитных рисков был важным фактором роста внешних (в большинстве своем, краткосрочных) заимствований российскими компаниями и роста инвестиций.

Однако, как показывает зарубежный опыт, устойчивый рост прямых иностранных инвестиций и вход на рынок новых иностранных

¹⁶ Материал данного раздела был частично опубликован в статье Фрейнкман, Дашкеев (2008).

инвесторов (за пределами сферы добычи полезных ископаемых) в значительной степени связан с более глубокими институциональными изменениями, отражаемыми институциональными индикаторами. Поэтому в странах, являющихся привлекательными для ПИИ, как правило, улучшение в значениях этих двух групп индикаторов происходит параллельно. Так что недавние улучшения кредитных и инвестиционных рейтингов для России не следует интерпретировать как принципиальное решение вопросов страновой конкурентоспособности на мировых рынках инвестиций. Изменения этих рейтингов в определенном смысле маскируют факт сохранения серьезных проблем в функционировании базовых институтов России, и связанных с ними рисков для привлечения новых инвестиций и долгосрочного роста.

Различия в динамике индикаторов страновых рисков и качества институтов можно также проинтерпретировать в том смысле, что рыночная привлекательность России (в терминах достигнутого уровня доходов и качества макроэкономического управления) оценивается международными аналитиками заметно выше, чем качество оказываемых государственных услуг, необходимых для эффективного ведения бизнеса.

Следует также отметить, что в случаях, когда Россия имеет относительно высокие значения институциональных индикаторов, это чаще всего связано с сохраняющимися у страны преимуществами в сфере человеческого капитала. Однако данные преимущества во многом отражают успехи, достигнутые страной в сферах образования и науки еще в советский период, а также наличие значительной инерционности в этих областях.

Закономерно, что динамика рассмотренных различных институциональных индексов, либо их компонент, отражающих уровень институционального развития, практически совпадает. У некоторых из них частично совпадают и источники данных, а также имеются сходства в методологии построения. Разумно предположить, что анализ тенденций на базе нескольких различных индексов, которые строятся независимыми друг от друга организациями, делает наши

выводы об отсутствии ярко выраженного институционального прогресса в России более надежными.

Относительно высокие транзакционные издержки в России снижают потенциальную привлекательность страны для инвестиций и создают неблагоприятные условия для входа на рынок новых компаний. Внутренний рынок в стране оказывается менее конкурентен из-за относительно высоких издержек для входа и ведения бизнеса, коррупционной нагрузки на предпринимателей. Кроме того, в России наблюдаются аномально высокие по сравнению с другими странами барьеры для иностранных инвестиций. В некоторых важных секторах экономики с большими перспективами роста в России (например, транспорт, финансы, телекоммуникации) дискриминация иностранных инвесторов остается очень значительной или увеличивается.

В целом в группе бывших социалистических государств можно выделить два «клуба» стран. С одной стороны – это страны Центральной и Восточной Европы и Балтии, с более высоким качеством институтов и положительными тенденциями изменений в институциональной среде. С другой – это страны СНГ, для которых в последние годы во многом характерна институциональная стагнация, а в ряде случаев – ухудшение качества ключевых институтов.

Согласно наиболее широко используемым в эмпирической литературе институциональным индексам, таким как World Bank's WGI¹⁷ (данные на 2006 г.), Transparency International's CPI¹⁸ (данные на 2006 г.), Political Risk Services Group's ICRG¹⁹ (данные на 2005 г.), институциональное развитие России существенно отстает от экономического, при этом с течением времени институциональный разрыв лишь увеличивается (см. *рис. 2.15–2.24*).

Данный процесс связан с заметным увеличением за период после 1999 г. уровня душевого ВВП в России в сочетании со стагнацией, а в ряде случаев – с ухудшением показателей национальной институ-

¹⁷ World Bank Worldwide Governance Indicators (Governance Matters) by Kaufmann, Kraay, Mastruzzi.

¹⁸ Transparency International Corruption Perceptions Index.

¹⁹ Political Risk Services Group International Country Risk Guide.

циональной среды. Этот вывод об институциональном отставании действителен как по отношению к выборке, составленной из всех стран мира, так и по отношению к более узкой группе, состоящей только из постсоциалистических стран. На протяжении периода с 1996 по 2006 г. в России в большинстве рассмотренных случаев, как следует из диаграмм рассеяния (см. *рис. 2.15-2.24*), рост производства и доходов происходил без улучшения качества государственного управления. В некоторых случаях рост душевого ВВП сопровождался ограниченным улучшением оценок качества институциональной среды (показатели эффективности государственных органов управления или антикоррупционного контроля), а в некоторых случаях (показатель качества правовых институтов) – ухудшением оценок.

На всех диаграммах рассеяния Россия устойчиво оказывается левее и выше распределения основной массы стран мира и всех стран ОЭСР, т.е. в окружении специфической и довольно стабильной по составу группы стран. Другие страны, которые имеют существенно сходное по размеру с Россией отставание в развитии институтов, включают Аргентину, Венесуэлу, Белоруссию, Иран, Италию, Кувейт, Саудовскую Аравию. Все эти страны (за исключением Италии) известны наличием в них весьма серьезных препятствий для устойчивого постиндустриального развития. Ещё большее отставание в развитии институтов наблюдается только в таких карликовых государствах как Бахрейн, Сейшельские Острова, Тринидад и Тобаго, Экваториальная Гвинея.

Подчеркнём, что отставание институционального развития России от экономического растёт с течением времени. Например, индекс коррупции Transparency International (*рис. 2.24*) демонстрирует, что в 1995 г. уровень доходов в России гораздо больше соответствовал уровню институционального развития, чем в 2005 г., когда доходы значительно выросли, качество институтов почти не изменилось, и разрыв стал существенным (наблюдается смещение РФ на графике влево и вверх).

Отставание экономического развития от институционального, в основном наблюдается в странах, находящихся в состоянии военных

конфликтов или ведущих послевоенное восстановление, т.е. когда ведение нормальной хозяйственной деятельности связано с чрезвычайными страновыми рисками. Таджикистан, находящийся ниже линии регрессии и за пределами доверительного интервала построенной регрессии, является иллюстрацией такой ситуации. Для таких стран как Грузия или Молдавия, лежащих правее Таджикистана на оси институционального развития, сочетание относительно развитых институтов с отставанием в экономическом развитии означает наличие институциональных резервов для активного роста в краткосрочной перспективе при условии неухудшения имеющихся институтов.

Другими словами, учитывая экономический рост России за последнее десятилетие, и с учетом современных мировых тенденций, можно говорить о риске достижения пределов экономического развития, возможном при данном качестве институтов. Отметим, что в настоящее время в мире не существует ни одной страны с уровнем душевого ВВП более 18 000 долл. по ППС, в которой уровень институционального развития соответствовал бы российскому или был бы ниже российского. Более того, у таких стран как Индия и Китай, имеющих более низкий уровень душевого ВВП, чем Россия и демонстрирующих высокие темпы роста, уровень институтов, согласно отчёту Worldwide Governance Indicators, был выше на протяжении всего периода, по которому имеются данные, т.е. с 1996 г. При этом динамика институциональных изменений в Индии была не хуже, чем в России, тогда как в Китае – лучше, чем в России.

Используя данные того же отчёта Всемирного Банка Worldwide Governance Indicators, можно сделать вывод, что достижению поставленной цели увеличения российского ВВП до 20 000 долл. на душу в среднем соответствует заметно более высокое качество институциональной среды:

- по показателю эффективности органов государственного управления – это уровень Италии 0,38 (по шкале от -2,5 до 2,5), тогда как текущее значение для России -0,43 (см. *рис. 2.15*);
- по показателю качества регулирующих институтов – уровень Кореи, 0,70 при текущем значении -0,45, (см. *рис. 2.16*);

- по показателю качества правовых институтов – уровень Италии, 0,37 при текущем значении -0,91 (см. *рис. 2.17*);
- по показателю эффективности антикоррупционного контроля – уровень Италии, Кореи, Словакии, 0,31 при текущем значении -0,76 (см. *рис. 2.18*).

Отметим также, что страны, характеризующиеся сопоставимым с российским уровнем развития правовых институтов²⁰ (соответствующий институциональный индекс в диапазоне от -0,96 до -0,86), в последние годы росли с достаточно умеренными темпами: на протяжении периода с 1996 по 2006 г. их среднегодовые темпы находились в интервале от -2,9% до 4,4% в год.²¹ Другими словами, в мире нет в настоящее время страны, демонстрирующей устойчивые темпы роста порядка 7% в год и имеющей российский уровень развития институтов. Это указывает на риск резкого затухания темпов роста, особенно в случае ухудшения ценовой конъюнктуры на сырьевых рынках, которая, по общему мнению, сегодня является главной причиной, обеспечившей России устойчиво высокие темпы роста после 2000 г. и позволившей нарастить институциональное отставание до столь необычно высокого уровня.

Наличие устойчивой корреляции между уровнями развития институтов и душевого ВВП в рамках глобальной выборки, конечно же, не является строгим формальным доказательством, что продолжение дальнейшего быстрого роста в России невозможно. Однако такая корреляция является довольно убедительной иллюстрацией того факта, что в рамках традиционных моделей развития серьезного разрыва между ростом доходов и улучшением институтов, как правило, не наблюдается. Возможность успешного развития при наличии такого разрыва статистически представляется маловероятной, по крайней мере, в рамках традиционных экономических моделей, без попыток развиваться каким-то своим особенным российским путем. Российский уровень ВВП уже находится за рамками стати-

²⁰ Бангладеш, Боливия, Бурунди, Куба, Лаос, Нигер, Парагвай, Эквадор.

²¹ Если исключить из данной группы Азербайджан, средние темпы роста в котором определялись, главным образом, резким увеличением добычи нефти и составили 12,4% в год.

стически вероятного интервала, соответствующему данному качеству институциональной среды.

Содержательно схожие выводы можно сделать и при анализе показателя «восприятия уровня коррупции», составленного неправительственной организацией «Трансперенси Интернешнл». Согласно этому показателю, отставание институционального развития России от экономического является более значительным, чем у любой другой постсоциалистической страны (см. рис. 2.24).

Эффективность органов государственного управления

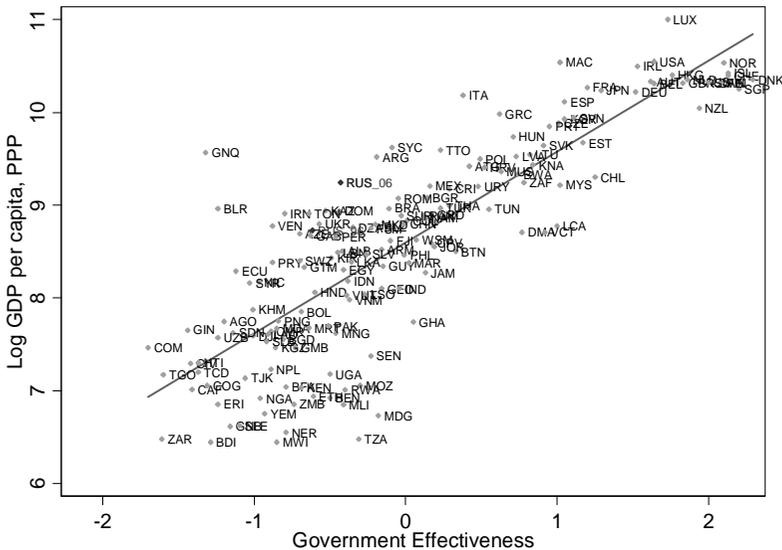

Рис. 2.15. Уровень ВВП на душу населения и эффективность органов государственного управления (WB WGI), 2006 г.²²

²² По России кроме того приведено значение индекса и на первый год, по которому мы располагаем информацией. Расшифровка обозначения стран приведена в Приложении 2.

Качество регулирующих институтов

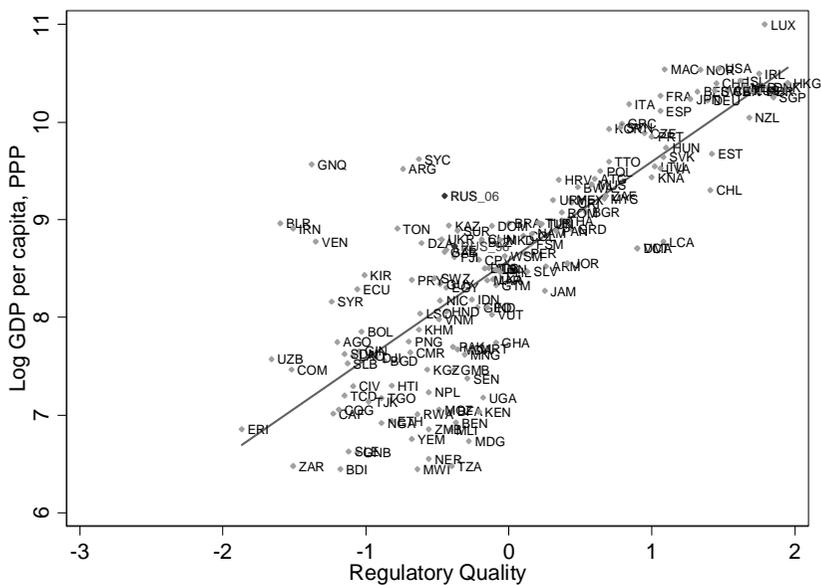

Рис. 2.16. Уровень ВВП на душу населения и качество регулирующих институтов (WB WGI), 2006 г.

Качество правовых институтов

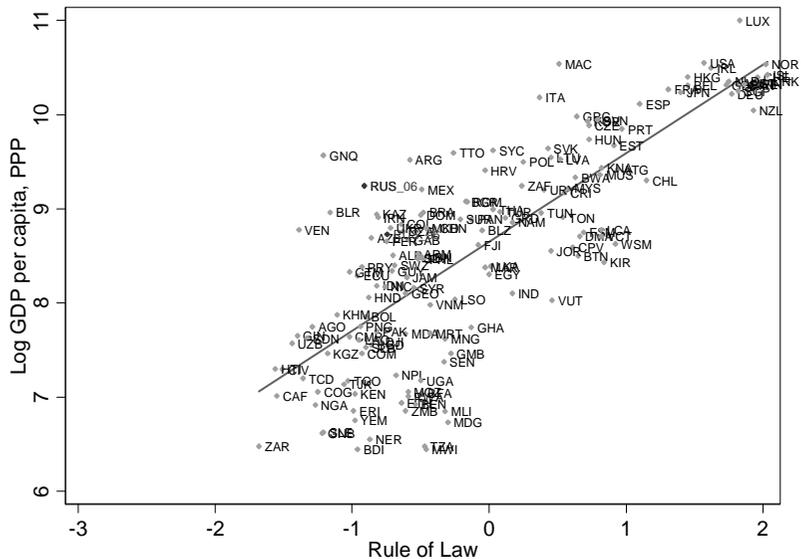

Рис. 2.17. Уровень ВВП на душу населения и качество правовых институтов (WB WGI), 2006 г.

Антикоррупционный контроль

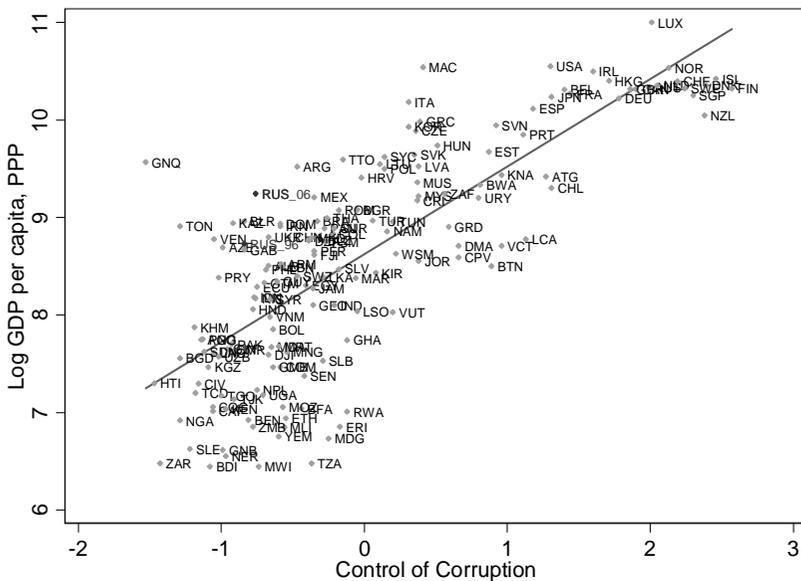

Рис. 2.18. Уровень ВВП на душу населения и антикоррупционный контроль (WB WGI), 2006 г.

Восприятие коррупции

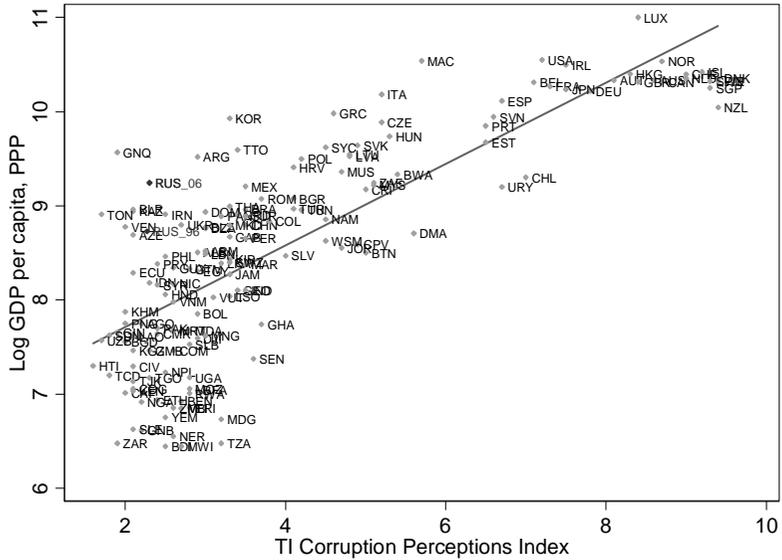

Рис. 2.19. Уровень ВВП на душу населения и восприятие коррупции (TI CPI), 2006 г.

Выборка постсоциалистических стран

Эффективность органов государственного управления

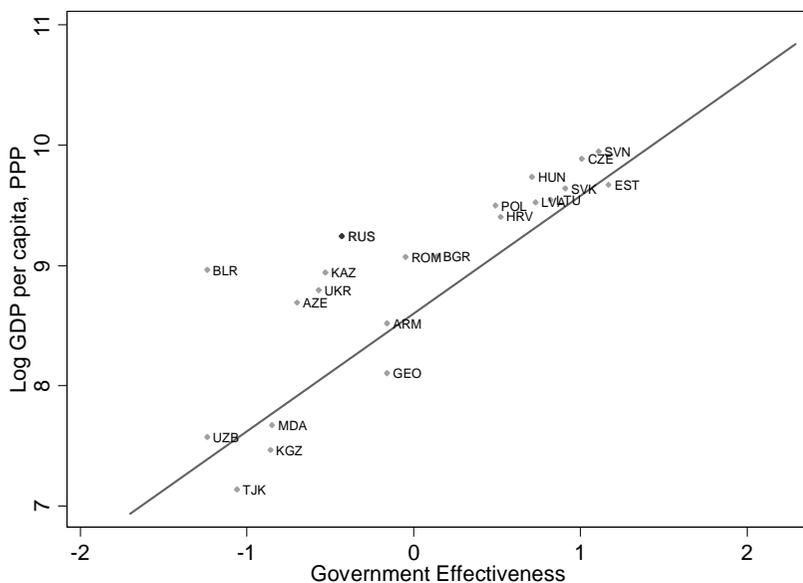

Рис. 2.20. Уровень ВВП на душу населения и эффективность органов государственного управления (WB WGI) в постсоциалистических странах, 2006 г.

Качество регулирующих институтов

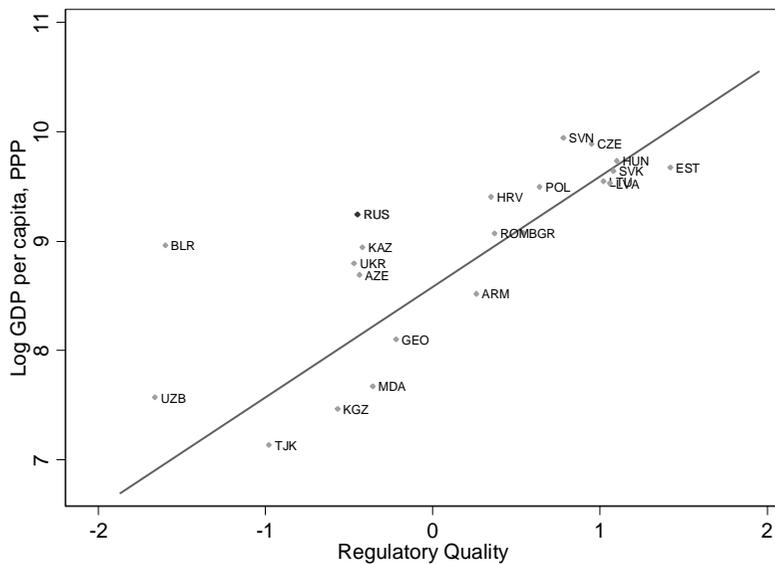

Рис. 2.21. Уровень ВВП на душу населения и качество регулирующих институтов (WB WGI) в постсоциалистических странах, 2006 г.

Качество правовых институтов

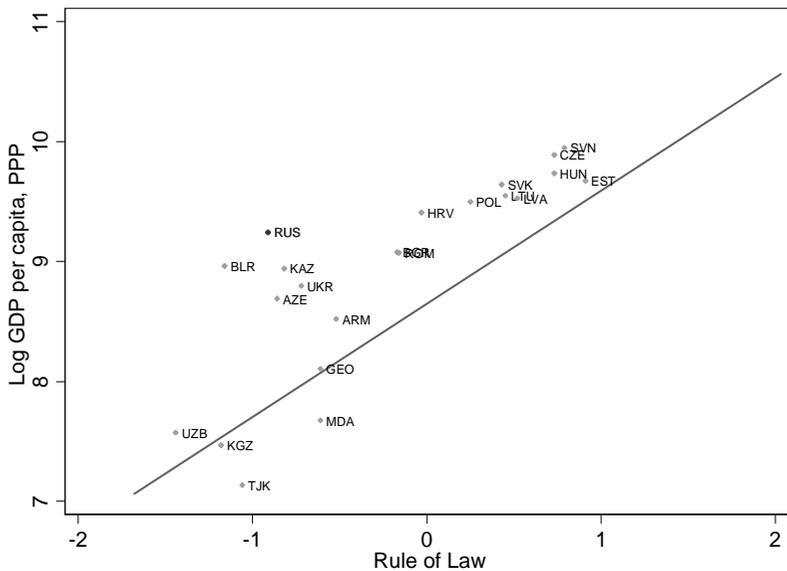

Рис. 2.22. Уровень ВВП на душу населения и качество правовых институтов (WB WGI) в постсоциалистических странах, 2006 г.

Антикоррупционный контроль

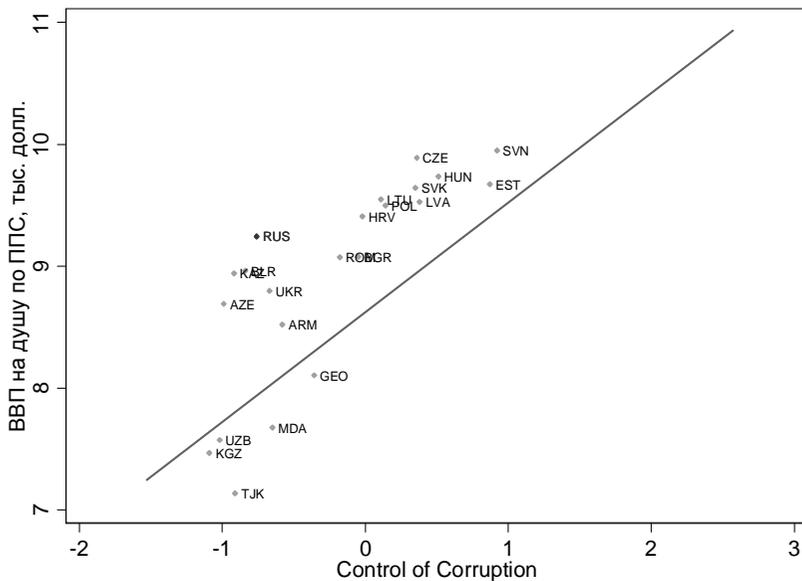

Рис. 2.23. Уровень ВВП на душу населения и антикоррупционный контроль (WB WGI) в постсоциалистических странах, 2006 г.

Восприятие коррупции

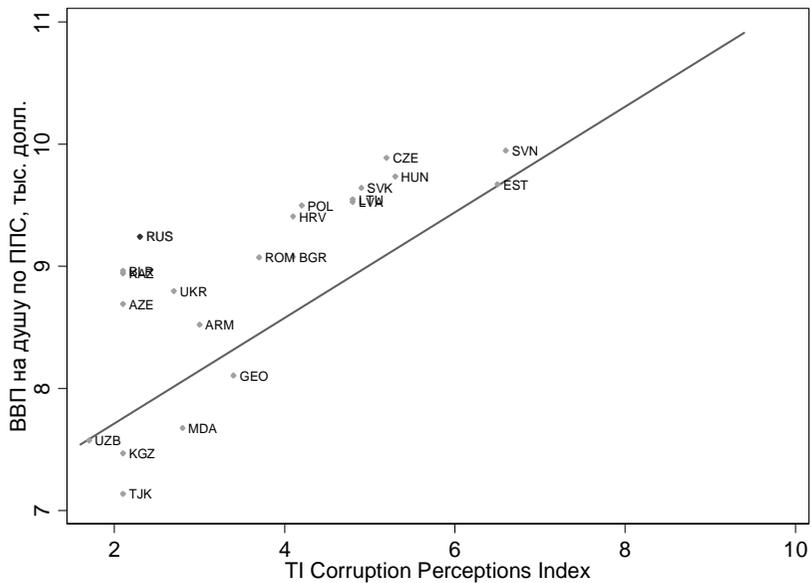

Рис. 2.24. Уровень ВВП на душу населения и восприятие коррупции (TI CPI) в постсоциалистических странах, 2006 г.

2.3. Некоторые выводы о характере современной институциональной динамики в России²³

Проведенный анализ теоретической и эмпирической литературы по проблемам взаимосвязи экономического роста и институциональной динамики, а также изучение тенденций изменения качества российских институтов на основе различных институциональных индексов позволяют сделать определенные выводы в отношении наиболее общих проблем, накопившихся в данной сфере.

Прежде всего следует отметить, что в современной институциональной экономической теории зрелость национальной институциональной среды оценивается посредством следующих основных критериев: 1) общей устойчивости сложившихся структур прав собственности и правил присвоения на всех стадиях инвестиционного цикла; 2) политической и правовой устойчивости; 3) дееспособности судебной системы; 4) исполнимости (инфорсмент) контрактов и обязательств. Анализ по данным критериям не позволяет констатировать достижения достаточной зрелости созданных в России за период с начала 90х годов институтов. Напротив, в существующей системе есть очевидные слабости, подрывающие институциональный динамизм. Среди них выделим следующие.

1) Сложившаяся в 2000-е годы асимметрия экономических, институциональных и политических факторов развития российской экономики до начала финансового кризиса в 2008 г. была завуалирована общими показателями экономического подъема, благоприятной сырьевой конъюнктурой, устойчивым состоянием государственных финансов (профицит бюджета, весьма значительные объемы накопленных бюджетных (Резервный фонд, Фонд национального благосостояния) и золотовалютных резервов), показателями исключительной доходности российского фондового рынка. В 2000-е годы возросло негативное влияние на развитие со стороны фактора «государство», одновременно постепенно возрастает позитивное влияние чисто «рыночных факторов». Возрастание масштабов государ-

²³ Данный раздел обобщает результаты исследований, проведенных в ИЭПП. Подробнее см. *ИЭПП (2007)*.

ственного вмешательства в экономику сдерживает динамизм частного сектора и чисто рыночных структур. Вывод о *разнонаправленности действий факторов «государство» и «рынок»* в России 2000-х годах подтверждается данными социологических опросов и динамикой страновых рейтингов.

2) В *долгосрочном периоде* проблема разнонаправленности (асимметричности) экономических и институциональных факторов развития российской экономики может приобрести критичный характер, прежде всего в контексте роли институтов для поддержания устойчивой экономической динамики, тем более, если учесть масштабы конъюнктурной составляющей в источниках текущего экономического роста и бюджетных доходов.

3) В 2000-е годы не наблюдалось *расширения потенциальной социальной базы* для ускоренного формирования эффективных экономических институтов на основе традиционных политических процессов (т. е. через выборы и политическое представительство). Напротив, те механизмы, которые уже в 1990-е годы препятствовали расширению спроса на эффективные экономические институты, в модифицированном виде действуют и сегодня. Если до начала 2000-х годов (при всей условности терминологии) речь шла о модели «олигархического капитализма», то в настоящее время наиболее характерным термином стал «*государственный капитализм*» в его российском варианте, в рамках которого сформировались мощные интересы, направленные на поддержание status quo.

4) В середине 2000-х годов риски, привносимые в легальную предпринимательскую деятельность институтами и регулятивной деятельностью государства, сохранили свою значимость. Однако заметно возросло значение нового фактора: государство значительно расширило масштабы *прямого вмешательства в экономику*. При этом существует значимая вероятность взаимосвязи между расширением прямого и косвенного присутствия государства в экономике и *ростом объемов коррупции* в 2000-е годы.

5) Взаимовлияние таких институтов, как защита прав собственности и финансовая система, в существующем в России виде носит, скорее всего, *негативный* характер. Отсутствие институциональных

преобразований и/или ухудшение инвестиционного климата по отдельным направлениям создает прямые риски для динамики инвестиций и способно серьезно ограничить рост инвестиций в основной капитал, особенно в случае падения сырьевых цен и резкого падения темпов роста доходов.

6) На всем протяжении 2000–2007 гг. *базовые цели среднесрочных социально-экономических программ правительства видоизменялись незначительно*. Прогресс в развитии базовых рыночных институтов (таких как защита прав собственности, защита прав акционеров, формирование рынка земли и недвижимости, управление государственной собственностью, банкротство и защита прав кредиторов, и др.) оказался недостаточным. Проведенный анализ дает основания для предположения о неадекватности законодательного и регулятивного обеспечения процессов развития экономических институтов. При этом можно говорить о хроническом *отставании законодательства от экономических реалий*.

7) Характерной особенностью институционального развития 2000-х годов является *формирование «двойного стандарта» и различных правил игры для разных классов участников рынка*. Культивирование «двойного стандарта» на федеральном и региональном уровне создает непреодолимые препятствия как формированию благоприятного институционального окружения в целом, так и локальным институциональным изменениям в сфере развития конкуренции, защиты прав собственности, корпоративного управления, финансовых рынков, ужесточения бюджетных ограничений и т.д.

8) Для конца 1990-х – начала 2000-х годов была характерна ситуация, когда в стране сформировалось относительно развитое хозяйственное законодательство, а наиболее критичной сферой являлось состояние правоприменения (инфорсмент). В середине 2000-х годов, по всей видимости, акценты сменились: хотя болезни российской системы правоприменения сохраняют свою остроту, происходит определенный сдвиг в рамках хозяйственного законодательства (и его интерпретации). Этот сдвиг в законодательстве, с одной стороны, значительно повышает неопределенность последствий тех или иных хозяйственных решений для бизнеса в отношении возможных

ответных действий государства, с другой – заметно ужесточает режим взаимоотношений государства и частного бизнеса. Традиционные проблемы правоприменительной системы России, дополненные тенденцией к расширению зоны неопределенности и восстановлению жестких законодательных норм, *заметно расширяют зону риска в сфере прав собственности.*

3. Применение модифицированной гравитационной модели для исследования сравнительной институциональной динамики

Модельный подход

В данном разделе предпринята попытка объяснения институциональных различий между странами мира с помощью подхода, использующего гравитационную модель внешней торговли. Гравитационная модель призвана расширить возможности сравнительного статистического анализа общего тренда в институциональном развитии различных групп стран. В отличие от анализа, представленного в разделе 2.2, настоящая модель дополнительно учитывает (кроме межстрановых различий в ВВП) ряд существенных факторов институциональной динамики.

Известная физикам со времён И.Ньютона гравитационная модель была впервые применена для исследования внешней торговли *Яном Тинбергеном*²⁴. Она быстро приобрела популярность и использовалась многими другими авторами. Функциональная форма модифицированной гравитационной модели (1) представлена ниже:

$$F_{ij} = G * (M_i * M_j) / Dist_{ij}, \quad (1)$$

где

F_{ij} – внешнеторговые потоки, например, сумма экспорта и импорта стран i и j ,

M_{ij} – экономические массы, например, ВВП стран i и j , соответственно,

$Dist_{ij}$ – географические расстояния между странами i и j ,

G – гравитационная константа.

В многочисленных исследованиях было показано, что гравитационная модель в целом хорошо описывает объёмы взаимной торговли между странами. За время, прошедшее с выхода в свет в 1962 г. ра-

²⁴ Tinbergen (1962).

боты Тинбергена, было создано множество модификаций модели. В одних из них происходило расширение набора объясняющих переменных (например, добавлялись общая граница, единый язык, членство в валютных, экономико-политических и прочих союзах), в других происходила модификация объясняемой переменной, в т.ч. для адаптации модели к исследованию процессов межстрановой миграции, потоков ПИИ, туризма. Как правило, в случае замены объясняемой переменной предлагалось расширение и правой части модели, т.е. добавление новых объясняющих переменных²⁵.

В нашем исследовании мы предложили использовать гравитационную модель не для анализа внешнеторгового оборота стран-партнёров, а для исследования различий в уровне их институционального развития. Мы полагаем, что межстрановые различия в качестве основных экономических институтов непосредственно связаны с базовыми историко-географическими факторами, такими как расстояние между странами, наличие у них общей границы и общего языка. Развитие национальных институтов, по нашей гипотезе, происходит под значительным влиянием институциональной среды, существующей в странах-соседях и странах, являющихся основными торговыми партнерами. Эволюция институтов непосредственно связана с их частичным заимствованием (импортом институтов) у соседей и экономических контрагентов. Все что облегчает взаимодействие народов (общий язык, географическая близость) будет способствовать сближению их институтов. При этом взаимная торговля играет ключевую роль в таком процессе институциональной конвергенции: для облегчения взаимной торговли партнеры вынуждены приспособлять свои институты друг к другу. При этом следует ожидать, что институты экономически более развитого торгового

²⁵ Например, *Helpman, Krugman (1985)* модифицируют гравитационную модель для условий монополистической конкуренции, *Redding, Venables (2000)* дальше модифицируют гравитационную модель для использования её для развития теории новой экономической географии. Одним из наиболее известных примеров современного использования гравитационных моделей может считаться работа *Frankel (1997)*. *Deardorff (1998)* приводит обзор наиболее важных оригинальных работ с использованием гравитационной модели.

контрагента по мере роста контактов будут с большей вероятностью заимствоваться менее развитым контрагентом.

Выбор гравитационной модели для данного исследования как раз и объясняется тем, что развитие взаимной торговли, по нашей логике, способствует сближению институтов в странах, являющихся торговыми партнерами. Поэтому факторы, способные объяснять основные различия в уровнях торгового оборота между странами, вероятно, смогут помочь и в объяснении наблюдаемых различий в качестве базовых экономических институтов.

Для измерения различий в качестве национальных институтов мы вводим понятие институционального расстояния между двумя странами. Институциональное расстояние между странами i и j ($Inst Dist_{ij}$) мы определяем как расстояние между точками в пространстве индексов качества государственного (общественного) управления WB WGI²⁶ (2). Выбор этих индексов обусловлен тем, что для них характерно одно из лучших по сравнению с альтернативными индикаторами сочетаний объёма выборки (в т.ч. по количеству представленных переходных экономик) и протяжённости во времени. Информацию о методологии построения индекса WB WGI см. выше в разделе 2.1.

$$Inst Dist_{ij} = \sqrt{\sum_{n=1}^{n=N} (Inst_{i,n} - Inst_{j,n})^2} \quad (2)$$

где $Inst_{i,n}$ – значение индекса n WGI для страны i , где $n=1, \dots, 4$ (или 6).

$Inst Dist_{ij}$ – институциональное расстояние между странами i и j .

В нашем анализе мы рассматривали два варианта оценок институционального расстояния, в зависимости от количества использованных индексов WB WGI. Первый вариант базируется на 4-х ин-

²⁶ Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, Massimo Mastruzzi (2007) “Governance Matters VI: Governance Indicators for 1996-2006”. World Bank Policy Research Working Paper 4280

дексах ($N=4$) и включает следующие компоненты: 1) эффективность органов государственного управления; 2) качество регулирующих институтов; 3) качество правовых институтов; 4) антикоррупционный контроль. Во втором варианте использованы все 6 индексов ($N=6$), включённые в WGI. В дополнение к 4-м исходным индексам добавлены: 5) права граждан и подотчётность государственных органов; и 6) стабильность политической системы и отсутствие насилия.

С точки зрения адекватности целям нашего анализа (изучение различий в качестве экономических институтов) первый вариант (т.е. 4-х компонентный показатель) представляется более предпочтительным. Во-первых, все его составляющие имеют прямое отношение к экономическим институтам. Две дополнительные составляющие, включённые в 6-ти компонентный показатель, отражают преимущественно качество политических институтов, развитие которых, как представляется, в меньшей степени связано с развитием торговли и базовыми историко-географическими факторами.

Во-вторых, увеличение количества компонент в показателе институционального расстояния сокращает количество наблюдений, доступных для статистического анализа. Наши оценки институционального расстояния мы строили только для тех стран, у которых нет пропущенных значений ни по одному из 4-х или 6-ти индексов, включённых в WGI. По политическим составляющим имеется большее число пропусков, в результате чего 4-х компонентный вариант представлен несколько большим количеством наблюдений, чем 6-ти компонентный. Увеличение наблюдений позволяет улучшить качество статистических оценок.

Таким образом, межстрановые различия в институциональном развитии объясняются в нашей модели (3) с помощью:

- различий в уровне экономического развития данных стран, описываемом, например, показателем ВВП на душу населения;
- географического расстояния между ними;
- культурно-историческими переменными (знание одинакового языка не менее чем 9% населения, наличие общей сухопутной границы);

- принадлежностью к одной экономической группе или одному географическому региону;
- а также переменными, характеризующими межстрановые торговые различия. Последние учитываются через различия в торговой открытости (отношение внешнеторгового оборота к ВВП) и в структуре торговли (доля сырья – топливных ресурсов, руд и металлов – в экспорте товаров).

$$\begin{aligned} \ln \text{Inst Dist}_{ij} = & \log (GDP_{C_i} / GDP_{C_j}) - \log (Dist_{ij}) + \text{common bord}_{ij} \\ & + \text{common lang}_{ij} + \text{trade open}_{ij} + \text{raw exp}_{ij} \end{aligned} \quad (3)$$

где

$\log (GDP_{C_i} / GDP_{C_j})$ – отношение ВВП на душу населения по ППС между странами i и j . Для получения сопоставимых данных в числителе всех отношений стоит значение для страны с большим значением ВВП на душу, чем во второй стране из рассматриваемой пары i и j . Переменная в логарифмах.;

$\log (Dist_{ij})$ – географическое расстояние между странами i и j . Используемая в приведённых ниже регрессиях переменная отражает расстояние между основными экономическими центрами (под которыми понимаются крупнейшие города каждой страны), взвешенное на долю населения этих городов в общей численности населения соответствующей страны²⁷. Переменная в логарифмах. Источник

²⁷ Кроме этой переменной мы использовали в расчётах несколько альтернативных мер расстояний: расстояния между экономическими центрами (крупнейшими городами для всех стран мира, за исключением Канады, России и США, для которых выбирались 2 (3 для России) города в различных регионах страны), расстояния между крупнейшими городами, расстояния между столицами. Наиболее значимые результаты получены для переменной взвешенных расстояний, затем для экономических центров, затем для крупнейших городов и наименее значимые – для столиц. Данный факт согласуется с логикой – для крупных стран интенсивность взаимодействия с остальным миром гораздо меньше зависит от расположения одного, пусть и самого населённого, центра, а в большей мере – от нескольких агломераций, географически удалённых друг от друга.

всех видов данных по географическим расстояниям: СЕРП (*Центр прогнозных исследований и международной информации*)²⁸;

common bord_{ij} – дамми-переменная, принимающая значение 1, если страны имеют общую сухопутную границу, и 0 в противном случае;

common lang_{ij} – дамми-переменная, принимающая значение 1, если в обеих странах не менее 9% населения говорят на одном языке, и 0 в противном случае;

trade open_{ij} – абсолютные значения различий во внешнеторговой открытости (разница отношений суммы экспорта и импорта к ВВП) между странами *i* и *j*;

raw exp_{ij} – абсолютные значения различий в доле сырьевого экспорта (разница долей топливных ресурсов, руд и металлов в экспорте товаров) между странами *i* и *j*;

group dummies – набор дамми-переменных для основных экономических групп стран / регионов мира, соответствующий классификации Всемирного банка: ОЭСР (ОЭСР), ЕЕ (Восточная Европа), CIS (СНГ), ЛАС (Латинская Америка и Карибский бассейн), ЕА (Восточная Азия), SA (Южная Азия), MENA (Ближний Восток и Северная Африка) и SSA (Африка южнее Сахары). В нашем случае, однако, группа ОЭСР не включает недавно принятые в организацию страны Восточной Европы, которые в исследовании рассматриваются как часть региона Восточная Европа. Все региональные дамми-переменные принимают значение 1, если обе страны *i* и *j* являются членами группы, и 0 в противном случае.

Вышеперечисленные объясняющие переменные используются нами для проверки следующих гипотез:

- институциональные различия между странами тем больше, чем сильнее различия в уровне их экономического развития, различия в душевых доходах (больше отношение ВВП на душу населения);
- институциональные различия возрастают по мере «географического удаления» стран друг от друга, т.е. чем больше географи-

²⁸ Thierry Mayer, Soledad Zignago, <http://www.cepii.fr/anglaisgraph/bdd/distances.htm>

- ческое расстояние между двумя странами, тем глубже, при прочих равных условиях, институциональный разрыв между ними;
- общее историческое развитие и культурное наследие, измеренные посредством наличия общей границы и языка, ещё в большей степени, чем географическая близость сокращают величину институционального разрыва;
 - структура и интенсивность внешнеторговых связей – другое отражение национальных особенностей, приводящее к институциональным различиям. Наша гипотеза заключается в том, что сходство в интенсивности и структуре торговых связей сокращает величину институционального разрыва;
 - в терминах институциональных расстояний происходит кластеризация стран, с одной стороны, по экономическому принципу (страны-члены ОЭСР), с другой стороны, – по географическому признаку (основные континенты и географические регионы).
 - резюмируя, нам представляется, что институциональные различия в значительной мере связаны с историческим наследием и географическим окружением, т.е. такие различия весьма устойчивы и инерционны, а в институциональной эволюции важную роль играют региональные тренды – параллельные изменения в качестве институтов для территориальных кластеров близко лежащих стран²⁹.

Данные и методы оценки моделей

Модель оценивалась методом наименьших квадратов с поправкой на гетероскедастичность (за счёт робастных стандартных ошибок) на различных временных интервалах:

- на данных за весь период, по которому имелись данные, пул (pool) по 1996, 1998, 2000, 2002–2006 гг., спецификации с временными эффектами и без них;

²⁹ Недавнее ускорение институциональных изменений в большой группе стран Центральной Европы является наиболее очевидным примером такого кластерного эффекта.

- на усреднённых за весь рассматриваемый период данных (1996–2006 гг.) и на 2-х подпериодах (средние за 1996–2000 гг. и средние за 2002–2006 гг.)³⁰;
- на данных по отдельным годам: пространственные срезы (cross sections) за 1996, 1998, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 гг.

Для каждого из данных временных промежутков оценивалось 3 модели, являющиеся разными модификациями описанной выше спецификации (3). Во-первых, минимальная модель, включающая только две объясняющие переменные – отношение ВВП в странах i и j и географическое расстояние между ними (*табл. 3.1, 3.2*). Во-вторых, расширенная модель, дополнительно включающая дамми-переменные для наличия общей границы и знания одинаковых языков, доли торгового оборота в ВВП стран и доли сырья в экспорте товаров (*табл. 3.3–3.4*). В-третьих, полная модель, включающая кроме вышеперечисленных переменных региональные дамми для всех основных регионов мира (*табл. 3.5, 3.6*).

Оценка по пулу осуществлялась для демонстрации наличия связи в первом приближении – проверка применимости выбранного модельного подхода в целом. По пулу оценивалась и спецификация с годовыми фиксированными эффектами – дамми-переменными на отдельные годы.

Основные результаты статистического анализа

Минимальная модель

Основные результаты по минимальной модели приведены в *табл. 3.1* и *3.2*. В минимальной модели (*табл. 3.1*) переменная «от-

³⁰ Средние для отношения душевого ВВП и средние для институциональных различий рассчитывались как средние от соответствующих годовых значений. Данный способ даёт практически идентичные результаты (погрешность 0,2%) по сравнению со средними, полученными как отношение среднего показателя за имеющиеся годы для страны i к среднему того же показателя для страны j .

ношение ВВП ...» получила коэффициент близкий к 1 (от 0,967 до 1,037 в зависимости от структуры модели), коэффициент при расстоянии был заметно меньше (0,053 при использовании 4-х компонентных институциональных расстояний и 0,073 при использовании 6-ти компонентной зависимой переменной).

Отметим, что во всех случаях большей объясняющей способностью отличается модель с индексом институциональных расстояний, построенным по 4-м переменным. Модель с 6-ти компонентным индексом имеет несколько меньший R^2 (в зависимости от спецификации 0,404 и 0,405 против 0,417 и 0,418, соответственно), но столь же значимые (на 1%-м уровне) оценки коэффициентов. Все знаки сохраняются. Снижение коэффициента детерминации объясняется, на наш взгляд, структурой зависимых переменных. В 6-ти компонентном индексе, как уже было сказано, к первоначальным 4-м компонентам WGI4 добавлены индексы, являющиеся характеристиками политических, а не экономических институтов. Различия в качестве политических институтов в меньшей степени объясняются выбранными базовыми экономическими и географическими факторами, их разнообразие сложнее объяснить с помощью таких простых моделей.

Включение в модель переменных для отражения фиксированных эффектов отдельных лет не привело к заметному изменению оценённых параметров и сохранило все содержательные выводы. При оценке минимальной модели как по усреднённым значениям (табл. 3.2), так и по срезам по отдельным годам (Приложение 3) коэффициенты сохранили знаки и значимость и выводы не изменились.

Расширенная модель

На следующем этапе для учёта дополнительных общих для взаимодействующих стран характеристик, в соответствии с логикой экономических взаимодействий между странами, мы расширили модель за счет включения переменных, контролирующих наличие между ними общей границы, знание их населением одинаковых языков, уровень торговой открытости и долю сырьевого экспорта. Наша гипотеза состоит в том, что данные переменные в ещё большей степе-

ни, чем географические расстояния объясняют межстрановые различия институциональных характеристик: наличие общей границы и языка, сходство в интенсивности и структуре торговых связей сокращает величину институционального разрыва.

При оценке расширенной модели по пулу выводы минимальной модели сохраняются. Кроме того полученные статистические результаты не противоречат сформулированной выше гипотезе (табл. 3.3). У стран с общей границей и (с несколько меньшим эффектом) с общим языком, при прочих равных, институциональные различия ниже, чем у стран, не имеющих ни общей границы, ни общего языка. Так, дамми для общей границы и языка имеют отрицательные коэффициенты, значимые на 1%-м уровне. Коэффициент при дамми-переменной для границы (-0,260 – -0,315) в полтора раза больше по модулю, чем при дамми для языка (-0,164 – -0,213). Коэффициенты при переменных расстояния в пуле снизились практически до нуля и поменяли знак с положительного на отрицательный (-0,02 – -0,008 в зависимости от спецификации), что означает снижение важности фактора географических расстояний для объяснения институциональных расстояний после добавления в модель историко-культурных и экономических переменных³¹. Ещё одна причина может заключаться в сокращении числа наблюдений, влекущее ухудшение качества статистических оценок, что вызвано ограниченной доступностью данных по торговым переменным.

Наличие общей границы сокращает среднее институциональное расстояние примерно на 0,27 в четырёхкомпонентном случае и на 0,32 – в шестикомпонентном. Это довольно существенная величина при том, что средние за весь рассматриваемый период институциональные расстояния составляют 2,6 по 4-х компонентному индексу и 3,2 по 6-компонентному³².

Сокращение разрыва в уровнях душевого ВВП на 10% (что эквивалентно различиям в подушевых доходах, существующих сегодня

³¹В частности, в модели наблюдается мультиколлинеарность между фактором расстояния и вновь добавленными переменными.

³²Значения межстрановых институциональных расстояний изменяются от 0 до 10 в четырёхмерном и от 0 до 12,2 в шестимерном пространстве.

между Россией и такими странами как Хорватия и Латвия), сокращает среднее институциональное расстояние на 0,088 в четырёхкомпонентном случае и на 0,094 в шестикомпонентном.

Переменные, характеризующие особенности внешнеторговых отношений, также значимы на 1%-м уровне, и коэффициенты при них положительны (0,003 – 0,006), т.е. различия торговых показателей при прочих равных увеличивают институциональные различия. Следовательно, развитие интенсивности торговли и сокращение ее сырьевой направленности происходит параллельно с изменением качества национальных институтов. Развитие торговли предполагает адаптацию местных правил ведения бизнеса к стандартам международной торговли, т.е. ускоряет институциональные заимствования и усиливает стимулы для сокращения институциональных различий со странами-партнерами.

Однако влияние торговых факторов заметно слабее по сравнению с культурно-историческими факторами. Сокращение различий в открытости экономик на 10 п.п. ВВП сопровождается сокращением среднего институционального расстояния между ними примерно на 0,02.

Структура экспорта также непосредственно связана с институциональным развитием. Сходство торговой структуры при прочих равных условиях сближает оценки качества институтов. Увеличение разницы в доле сырьевого экспорта между странами на 10 п.п. ВВП сопровождается ростом межстрановых институциональных различий на 0,03.

Также как и в минимальной модели, включение фиксированных эффектов не меняет значимости коэффициентов и содержательные выводы по модели.

При оценке расширенной модели по средним значениям (табл. 3.4) в целом получены результаты, не противоречащие предшествующим выводам. Знаки и значимость сохраняются, однако, коэффициент при переменной расстояния в модели с б-тикомпонентным индексом оценивается положительно, хотя и незначимо, на периодах 1996–2006 и 2002–2006 гг.

Схожие выводы можно сделать по результатам оценки расширенной модели по отдельным годам (*Приложение 3*). Значимость и знаки коэффициентов сохраняются, за исключением переменной расстояния, коэффициент при которой то меняет знак, то незначим на 10%-м уровне. Мы интерпретируем этот результат следующим образом: географические расстояния существенны не сами по себе, а влияют на институты через соответствующие историко-культурные и торговые различия. Поэтому первоначально наблюдаемый эффект расстояния исчезает с добавлением новых переменных. Дополнительным и, на наш взгляд, второстепенным фактором может являться вызванное добавлением этих новых переменных сокращение выборки.

Полная модель

Рассмотрим результаты оценки полной модели (*табл. 3.5 и 3.6*), которая в дополнение к переменным из расширенной модели включает дамми-переменные для различных групп стран, охватывающих весь мир.

Как и в расширенной модели, отметим следующий результат – существенное сокращение в полной модели оценки коэффициента при переменной географического расстояния, так что она принимает отрицательные (иногда незначимые) значения. Следовательно, включение региональных переменных приводит к тому, что географическое расстояние между странами перестаёт быть существенным фактором институциональных различий, поскольку региональные переменные берут на себя существенную долю различий, связанных с географическими расстояниями.

Кроме того, коэффициент при отношении ВВП стран, оставаясь положительным, несколько снижается в первой спецификации (например, WGI4 A) до 0,907 по сравнению с 0,967 в минимальной и 0,928 в расширенной модели. Существенно уменьшаются значения коэффициентов и при введённых в расширенную модель дамми-переменных для общей границы и общего языка: в расширенной модели $-0,261$ и $-0,166$, соответственно, в полной модели $-0,146$ и $-0,049$ (*табл. 3.3 и 3.5*). Вновь добавленные региональные перемен-

ные полной модели положительно коррелированы с переменными языка, границы и расстояния и берут на себя часть объясняющей способности этих переменных.

Поскольку дополнительные региональные переменные несут мало информации о структуре торговли и относительной торговой открытости, коэффициенты при переменных доли сырья в экспорте и торговой открытости в полной и расширенной моделях имеют близкие значения.

Рассмотрим теперь непосредственно результаты для региональных переменных полной модели (табл. 3.5). Во всех спецификациях для дамми-переменных на принадлежность обеих стран i и j к данной группе оценки коэффициентов отрицательные – при прочих равных условиях, в странах одной географической зоны и/или экономической группы внутригрупповые институциональные различия меньше. Наибольший по абсолютной величине коэффициент получен для региона СНГ, который можно считать наиболее институционально однородным.

При этом для всех регионов, за исключением Восточной Азии, коэффициенты при групповых переменных для 6-ти компонентных расстояний больше по модулю, чем для 4-ти компонентных институциональных расстояний, что говорит в пользу большей политической внутригрупповой однородности стран. Для стран Восточной Азии это не выполняется из-за малого числа стран в группе, кроме того, для этого региона характерно значительное разнообразие политических режимов.

В целом, результаты оценки полной модели указывают на очень существенную роль региональных, кластерных факторов. Среднее значение коэффициента при региональных переменных составляет примерно $-0,5/-0,6$ (4-х- 6-тикомпонентная спецификация), т.е. общность региона сокращает среднее институциональное расстояние заметно больше эффектов, связанных с общей границей ($-0,15/-0,19$) и языком ($-0,05/-0,09$). Суммарный эффект этих трех факторов равен $-0,7/-0,88$.

Включение фиксированных эффектов, как и для минимальной и расширенной модели, принципиально не меняет результатов оценки.

При рассмотрении полной модели по средним данным за весь рассматриваемый период 1996–2006 гг. (табл. 3.6) выводы сохраняются, в т.ч. и по отрицательно оцениваемой переменной расстояний. При разбиении на 2 подпериода выясняется, что переменная расстояний оценивается с коэффициентом -01 на периоде 1996–2000 гг. и с коэффициентом $-0,063$ на периоде 2002–2006 гг. Для некоторых регионов (MENA, SSA, CIS) коэффициенты при региональных дамми во втором периоде вырастают по абсолютной величине (оставаясь отрицательными по знаку). Это свидетельствует о том, что институциональная однородность этих регионов растет.

При оценке полной модели по годам выводы сохраняются (Приложение 3), однако для отдельных годов наблюдается незначимость коэффициента при переменной общего языка (1996 г.) или при переменной сырьевого экспорта³³ (2004 г.).

Таблица 3.1

Результаты оценки минимальной модели. Пул

	WGI4_A	WGI4_C	WGI6_A	WGI6_C
1	2	3	4	5
GDPc ratio	0,967*** (225,13)	0,967*** (225,15)	1,037*** (209,05)	1,037*** (209,01)
dist weight	0,053*** (9,43)	0,053*** (9,47)	0,073*** (11,91)	0,073*** (11,94)
d1998		-0,114*** (-5,75)		-0,109*** (-4,93)
d2000		-0,113*** (-5,64)		-0,093*** (-4,18)
d2002		-0,047** (-2,33)		-9,80E-06 (-0,00)

³³ Узким местом в модели является переменная сырьевого экспорта, данные по которой по состоянию на первую половину 2008 г. имелись по ограниченному числу стран, причём не только по 2006 г., но и за предшествующие периоды, что и приводит к колебанию числа наблюдений в выборке. По той же причине не удалось оценить дамми-переменную на принадлежность обеих стран к выделенной нами группе «Южная Азия» по данным 2006 г.

Продолжение таблицы 3.1

1	2	3	4	5
d2003		-0,036* (-1,76)		0,012 (0,51)
d2004		-0,042** (-2,03)		-0,019 (-0,83)
d2005		-0,066*** (-3,21)		-0,040* (-1,78)
d2006		-0,047** (-2,21)		-0,003 (-0,13)
_cons	0,597*** (12,78)	0,654*** (13,39)	0,916*** (17,75)	0,946*** (17,56)
R2	0,417	0,418	0,404	0,405
R2_a	0,417	0,418	0,404	0,405
N	62286	62286	62026	62026
F	27285,08	6068,73	23389,12	5207,42
P	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Примечание. В таблице приведены значения коэффициентов, под ними в скобках приведены значения t-статистики. Звёздочками обозначены уровни значимости: * – p-значение < 0.1, ** – p-значение < 0.05, *** – p-значение < 0.01.

WGI6 – в качестве зависимой переменной используется институциональный индекс из 6 компонент;

WGI4 – в качестве зависимой переменной используется институциональный индекс из 4 компонент;

GDPc ratio – логарифм отношения большего значения ВВП на душу населения к меньшему в парах стран i и j .

d1998 – d2006 – дамми-переменные для отдельных лет.

Расшифровка прочих использованных здесь и далее переменных приведена выше (см. формулу 3).

Таблица 3.2

**Результаты оценки минимальной модели.
Средние по периодам значения**

Средние значения за 1996–2006 гг.			Средние значения за 1996–2000 гг.			Средние значения за 2002–2006 гг.		
	WG14_A	WG16_A		WG14_A	WG16_A		WG14_A	WG16_A
GDPc ratio a	0,966*** (83,94)	1,034*** (77,88)	GDPc ratio a	0,954*** (85,27)	1,031*** (78,23)	GDPc ratio a	0,969*** (79,68)	1,032*** (74,16)
dist weight	0,049*** (3,27)	0,069*** (4,21)	dist weight	0,012 (0,82)	0,031* (1,87)	dist weight	0,066*** (4,25)	0,086*** (5,06)
_cons	0,607*** (4,85)	0,936*** (6,78)	_cons	0,940*** (7,55)	1,248*** (8,94)	_cons	0,471*** (3,61)	0,818*** (5,71)
R2	0,430	0,418	R2	0,432	0,419	R2	0,415	0,401
R2_a	0,430	0,417	R2_a	0,432	0,419	R2_a	0,414	0,401
N	8096	8058	N	7996	7961	N	8094	8056
F	3778,32	3230,74	F	3825,32	3198,11	F	3440,50	2961,13
p	0,0000	0,0000	p	0,0000	0,0000	p	0,0000	0,0000

Таблица 3.3

Результаты оценки расширенной модели. Пул

	WG14_A	WG14_C	WG16_A	WG16_C
1	2	3	4	5
GDPc ratio	0,928*** (183,18)	0,930*** (182,95)	0,991*** (168,96)	0,992*** (168,62)
dist weight	-0,020*** (-2,92)	-0,020*** (-2,83)	-0,009 (-1,18)	-0,008 (-1,06)
common bord	-0,261*** (-8,61)	-0,260*** (-8,58)	-0,315*** (-9,34)	-0,315*** (-9,32)
common lang	-0,166*** (-10,88)	-0,164*** (-10,74)	-0,213*** (-12,54)	-0,210*** (-12,42)
trade open	0,002*** (21,48)	0,002*** (20,97)	0,002*** (19,49)	0,002*** (18,80)
raw exp	0,003*** (12,69)	0,003*** (12,77)	0,006*** (22,51)	0,006*** (22,59)

Продолжение таблицы 3.3

1	2	3	4	5
d1998		-0,108*** (-4,76)		-0,100*** (-4,01)
d2000		-0,146*** (-6,57)		-0,130*** (-5,31)
d2002		-0,034 (-1,51)		0,035 (1,39)
d2003		-0,035 (-1,53)		0,044* (1,77)
d2004		-0,017 (-0,72)		0,019 (0,74)
d2005		-0,019 (-0,81)		0,006 (0,24)
d2006		0,026 (0,96)		0,049* (1,65)
_cons	1,088*** (18,37)	1,128*** (18,34)	1,411*** (21,82)	1,417*** (21,12)
R2	0,405	0,407	0,396	0,398
R2_a	0,405	0,406	0,396	0,397
N	44875	44875	44805	44805
F	6374,75	2946,52	5354,46	2480,58
p	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Таблица 3.4

**Результаты оценки расширенной модели.
Средние по периодам значения**

Средние значения за 1996–2006 гг.			Средние значения за 1996–2000 гг.			Средние значения за 2002–2006 гг.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
GDPc ratio a	WGI4_A 0,917*** (76,43)	WGI6_A 0,978*** (70,64)	GDPc ratio a	WGI4_A 0,908*** (74,79)	WGI6_A 0,975*** (67,80)	GDPc ratio a	WGI4_A 0,945*** (74,29)	WGI6_A 1,012*** (69,74)
dist weight	-0,009 (-0,54)	0,002 (0,11)	dist weight	-0,037** (-2,14)	-0,028 (-1,45)	dist weight	-0,003 (-0,15)	0,010 (0,49)

Продолжение таблицы 3.4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
common bord	-0,270*** (-3,74)	-0,315*** (-4,00)	common bord	-0,292*** (-4,09)	-0,326*** (-4,12)	common bord	-0,245*** (-3,06)	-0,293*** (-3,28)
common lang	-0,150*** (-4,18)	-0,209*** (-5,26)	common lang	-0,149*** (-4,03)	-0,193*** (-4,67)	common lang	-0,139*** (-3,56)	-0,199*** (-4,59)
trade open a	0,003*** (11,25)	0,002*** (10,14)	trade open a	0,001** (2,30)	0,001*** (2,68)	trade open a	0,002*** (11,34)	0,002*** (9,97)
raw exp a	0,003*** (4,53)	0,005*** (8,57)	raw exp a	0,003*** (5,89)	0,006*** (9,65)	raw exp a	0,003*** (5,18)	0,006*** (8,63)
_cons	0,961*** (6,65)	1,305*** (8,29)	_cons	1,263*** (8,56)	1,573*** (9,68)	_cons	0,866*** (5,51)	1,210*** (7,09)
r2	0,429	0,420	r2	0,424	0,413	r2	0,432	0,424
r2_a	0,428	0,419	r2_a	0,423	0,413	r2_a	0,431	0,423
N	7441	7405	N	7047	7047	N	6596	6564
F	1172,57	982,20	F	1013,63	832,58	F	1136,65	967,31
p	0,0000	0,0000	p	0,0000	0,0000	p	0,0000	0,0000

Таблица 3.5

Результаты оценки полной модели. Пул

	WG14_A	WG14_C	WG16_A	WG16_C
1	2	3	4	5
GDPc ratio	0,907*** (170,92)	0,909*** (170,60)	0,953*** (155,00)	0,954*** (154,65)
dist weight	-0,079*** (-10,29)	-0,078*** (-10,18)	-0,087*** (-10,46)	-0,086*** (-10,33)
common bord	-0,146*** (-4,99)	-0,146*** (-4,98)	-0,189*** (-5,85)	-0,189*** (-5,84)
common lang	-0,049*** (-2,99)	-0,048*** (-2,93)	-0,087*** (-4,78)	-0,086*** (-4,73)
trade open	0,002*** (19,83)	0,002*** (19,39)	0,002*** (17,65)	0,002*** (17,03)
raw exp	0,003***	0,003***	0,006***	0,006***

Продолжение таблицы 3.5

1	2	3	4	5
	(13,75)	(13,80)	(22,21)	(22,28)
OECD	-0,068***	-0,067***	-0,333***	-0,333***
	(-3,08)	(-3,04)	(-13,34)	(-13,33)
EE	-0,323***	-0,327***	-0,539***	-0,540***
	(-10,46)	(-10,57)	(-14,07)	(-14,08)
CIS	-1,121***	-1,122***	-1,255***	-1,256***
	(-26,34)	(-26,22)	(-27,20)	(-26,91)
LAC	-0,227***	-0,228***	-0,357***	-0,356***
	(-8,18)	(-8,21)	(-11,53)	(-11,50)
EA	-0,379***	-0,377***	-0,364***	-0,364***
	(-10,48)	(-10,52)	(-8,87)	(-8,96)
SA	-0,570***	-0,564***	-0,650***	-0,649***
	(-6,46)	(-6,43)	(-6,46)	(-6,46)
MENA	-0,606***	-0,600***	-0,631***	-0,627***
	(-15,11)	(-14,88)	(-12,63)	(-12,49)
SSA	-0,707***	-0,700***	-0,711***	-0,706***
	(-27,80)	(-27,43)	(-22,80)	(-22,54)
d1998		-0,103***		-0,098***
		(-4,57)		(-3,97)
d2000		-0,136***		-0,121***
		(-6,18)		(-4,99)
d2002		-0,027		0,039
		(-1,20)		(1,60)
d2003		-0,028		0,050**
		(-1,22)		(2,00)
d2004		-0,015		0,02
		(-0,63)		(0,77)
d2005		-0,019		0,006
		(-0,83)		(0,24)
d2006		0,021		0,041
		(0,78)		(1,39)
_cons	1,661***	1,696***	2,205***	2,207***
	(24,39)	(24,17)	(30,01)	(29,19)

Продолжение таблицы 3.5

1	2	3	4	5
R2	0,415	0,416	0,406	0,408
R2_a	0,415	0,416	0,406	0,407
N	44875	44875	44805	44805
F	2990,72	1995,71	2522,30	1685,93
p	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Таблица 3.6

Результаты оценки полной модели. Средние по периодам значения

Средние значения за 1996–2006 гг.			Средние значения за 1996–2000 гг.			Средние значения за 2002–2006 гг.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
	WGI4_A	WGI6_A		WGI4_A	WGI6_A		WGI4_A	WGI6_A
GDPc ratio a	0,894*** (70,65)	0,939*** (64,38)	GDPc ratio a	0,882*** (68,65)	0,934*** (61,38)	GDPc ratio a	0,924*** (69,15)	0,974*** (63,90)
dist weight	-0,072*** (-3,79)	-0,081*** (-3,97)	dist weight	-0,100*** (-5,23)	-0,107*** (-5,10)	dist weight	-0,063*** (-3,09)	-0,072*** (-3,25)
common bord	-0,160** (-2,27)	-0,197*** (-2,58)	common bord	-0,180*** (-2,59)	-0,213*** (-2,78)	common bord	-0,131* (-1,68)	-0,166* (-1,93)
common lang	-0,027 (-0,70)	-0,076* (-1,76)	common lang	-0,026 (-0,65)	-0,064 (-1,45)	common lang	-0,02 (-0,47)	-0,069 (-1,49)
trade open a	0,002*** (10,43)	0,002*** (9,33)	trade open a	0,001* (1,78)	0,001** (2,22)	trade open a	0,002*** (10,46)	0,002*** (9,11)
raw exp a	0,003*** (4,71)	0,005*** (8,16)	raw exp a	0,004*** (5,97)	0,006*** (9,20)	raw exp a	0,003*** (5,66)	0,006*** (8,56)
OECD	-0,085 (-1,48)	-0,367*** (-5,68)	OECD	-0,093 (-1,64)	-0,358*** (-5,27)	OECD	-0,05 (-0,84)	-0,336*** (-5,22)
EE	-0,265*** (-3,61)	-0,504*** (-5,53)	EE	-0,323*** (-4,38)	-0,520*** (-5,69)	EE	-0,254*** (-3,16)	-0,497*** (-4,82)
CIS	-1,052*** (-11,04)	-1,170*** (-11,68)	CIS	-0,918*** (-8,99)	-0,926*** (-7,82)	CIS	-1,103*** (-9,51)	-1,293*** (-10,10)

LAC	-0,248*** (-3,87)	-0,382*** (-5,37)	LAC	-0,292*** (-4,79)	-0,431*** (-6,45)	LAC	-0,214*** (-2,69)	-0,353*** (-3,94)
EA	-0,338*** (-4,67)	-0,376*** (-4,80)	EA	-0,578*** (-10,29)	-0,549*** (-6,60)	EA	-0,265*** (-3,15)	-0,273*** (-2,98)
SA	-0,635*** (-3,89)	-0,718*** (-3,84)	SA	-0,723*** (-4,16)	-0,808*** (-4,91)	SA	-0,568*** (-3,37)	-0,640*** (-2,94)
MENA	-0,570*** (-6,44)	-0,625*** (-5,91)	MENA	-0,523*** (-5,40)	-0,543*** (-4,65)	MENA	-0,602*** (-5,95)	-0,653*** (-5,16)
SSA	-0,656*** (-11,76)	-0,660*** (-9,86)	SSA	-0,642*** (-11,57)	-0,617*** (-8,97)	SSA	-0,702*** (-11,55)	-0,710*** (-9,74)
_cons	1,577*** (9,40)	2,154*** (11,90)	_cons	1,893*** (11,09)	2,391*** (12,86)	_cons	1,455*** (8,03)	2,034*** (10,45)
R2	0,438	0,430	R2	0,433	0,422	R2	0,441	0,434
R2_a	0,437	0,428	R2_a	0,432	0,421	R2_a	0,440	0,433
N	7441	7405	N	7047	7047	N	6596	6564
F	557,89	469,58	F	485,88	396,18	F	536,13	453,80
p	0,0000	0,0000	p	0,0000	0,0000	p	0,0000	0,0000

Выводы

- Во всех спецификациях минимальной модели все полученные коэффициенты имеют ожидаемые знаки и значимы. В расширенной и полной модели переменная расстояния теряет значимость, либо оценивается с отрицательным знаком (и близким к нулю коэффициентом). Причиной этого является расширение модели – непосредственное включение в модель новых переменных (общей границы/языка, объёма и структуры внешней торговли, членства в региональных группах), которые берут часть объясняющей способности переменной географических расстояний.
- Полученные результаты свидетельствуют о том, что институциональный прогресс имеет определенные географические закономерности. В отдельных странах он зависит от их территориального окружения, происходит кластеризация стран по уровню

своего институционального развития. Импорт институтов стимулируется демонстрационными эффектами со стороны близлежащих государств.

- Заимствование институтов частично происходит через торговые взаимодействия. Участие во внешней торговле предъявляет повышенные требования к институтам, создает стимулы для заимствований институтов из более развитых стран-партнеров. Страны со сходным уровнем торговой открытости при прочих равных демонстрируют тенденцию к институциональному выравниванию.
- Включение фиксированных эффектов в модели по пулу для всех моделей сохраняет содержательные выводы.

По мере поступления новых данных дальнейшее исследование позволит детализировать исследование происходящих институциональных изменений.

4. Эконометрический анализ институциональной динамики в России в 1996–2006 гг.

В данном разделе нами анализируется динамика оценок институционального развития для различных стран мира, включая Россию, за 1996–2006 годы. Для этой цели нами используется построенная в предыдущем разделе модель межстрановых институциональных различий, которая позволяет построить для каждой из стран, входящих в выборку, количественные оценки масштабов их институционального отставания (ИО) от лидирующих в институциональном развитии стран, а также проследить изменения в величинах такого отставания. Развитость стран в институциональном смысле понимается нами, прежде всего, как развитость экономических институтов. Поэтому мы, в основном, используем для анализа 4-х компонентный индекс WGI.

Хотя в отдельные годы рассматриваемого периода глобальными лидерами институционального развития становились разные страны (*табл. 4.1*), однако, набор стран, входящих в группу лидеров, демонстрирует постоянство. Это связано с существенной инерционностью институционального развития и стабильностью стран с высоким качеством ключевых институтов. Ни один из лидеров годовых рейтингов ни разу значительно не удалялся от первых позиций. Финляндия чаще других стран являлась институциональным лидером годовых рейтингов, поэтому мы выбрали эту страну в качестве абсолютного институционального лидера десятилетия и строили наши измерения институционального отставания по отношению к показателям качества институтов Финляндии³⁴.

³⁴ В противном случае относительное расположение / динамика стран была бы трудно интерпретируема.

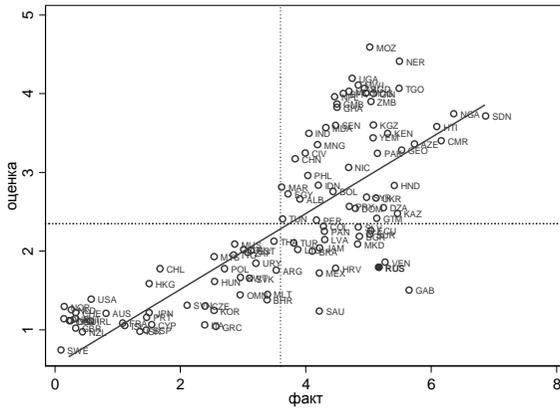
Страны-лидеры WB WGI, 1996–2006 гг.

Год	Лидер WGI4	Лидер WGI6
1996	Швейцария	Швейцария
1998	Нидерланды	Нидерланды
2000	Финляндия	Финляндия
2002	Финляндия	Финляндия
2003	Финляндия	Финляндия
2004	Дания	Финляндия
2005	Исландия	Исландия
2006	Дания	Финляндия

Число стран, по которым были доступны необходимые нам для анализа данные, варьировалось от 108 до 126 в период с 1996 по 2005 г. По описанным в предшествующем разделе причинам в 2006 г. это число сократилось примерно на четверть – до 89 стран.

Для оценки устойчивости наших результатов мы проверяем согласованность выводов, полученных по 4-х компонентному индексу (экономических) институтов, с выводами из такого же анализа для 6-ти компонентного индекса, включающего и политические институты.

На нижеследующих графиках институциональных отставаний по оси абсцисс отложены фактические (т.е. соответствующие исходным оценкам WBI) институциональные расстояния между страной-лидером и остальными странами выборки, по оси ординат – подобранные с помощью регрессионной модели значения. Кроме того, на графиках нанесена прямая, которая отражает регрессионную связь между фактическими и расчетными данными, которая подобрана по средним за 1996–2006 гг. данным.

Примечание. Здесь и далее на рисунках пунктирные линии соответствуют средним величинам нанесённых на графики переменных.

Рис. 4.1. Фактические и подобранные институциональные расстояния, 4-х компонентный индекс, 1996 г.

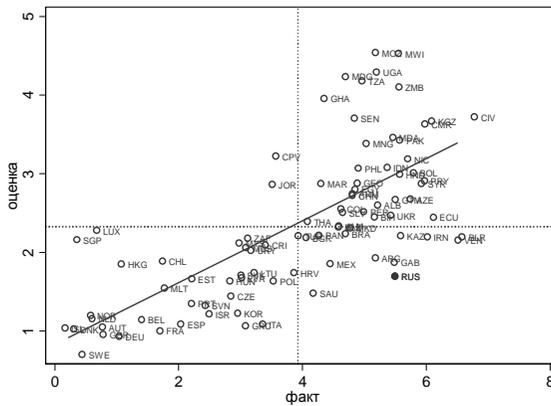

Рис. 4.2. Фактические и подобранные институциональные расстояния, 4-х компонентный индекс, 2006 г.

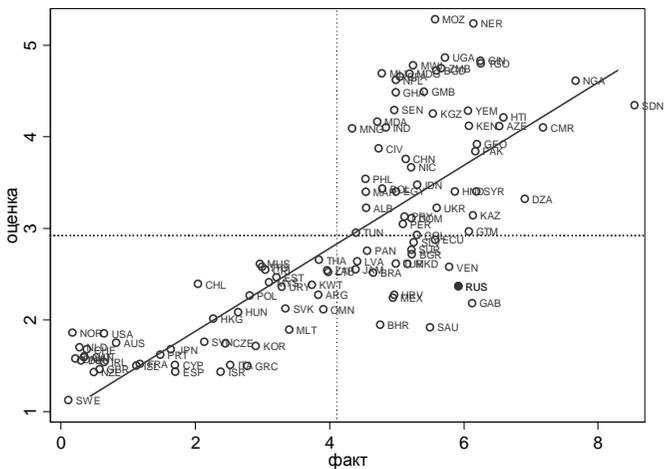

Рис. 4.3. Фактические и подобранные институциональные расстояния, 6-ти компонентный индекс, 1996 г.

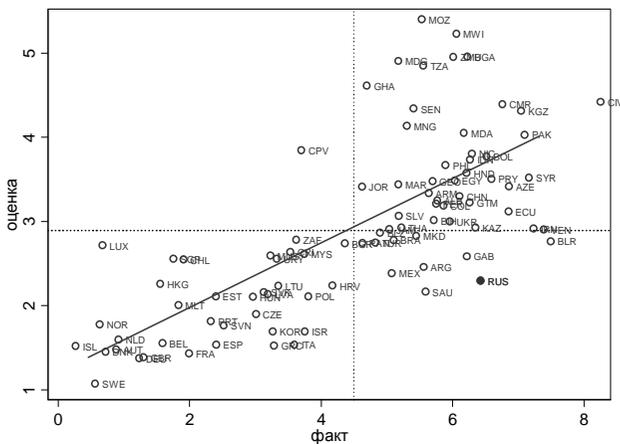

Рис. 4.4. Фактические и подобранные институциональные расстояния, 6-ти компонентный индекс, 2006 г.

Построенная таким образом модель связывает различия в качестве национальных институтов с различиями в некоторых базовых исторических и географических факторах. Обращает на себя внимание тот факт, что объясняющие факторы модели являются крайне инерционными и многие из них практически не зависят от деятельности соответствующих правительств. Построенная модель тем самым отражает некоторый базовый тренд (base line) в межстрановых институциональных различиях, причем этот тренд связан, главным образом, с внешними по отношению к национальным правительствам факторам³⁵. Модель позволяет оценить для каждой отдельной страны, как ее институциональные оценки отличались бы от аналогичных оценок других стран при фиксированных различиях в уровнях ВВП и непосредственном учете влияния базовых исторических и географических факторов, прежде всего связанных с качеством институционального окружения данной страны. Другими словами, модель игнорирует влияние относительно краткосрочных факторов, связанных с деятельностью национальных правительств по проведению институциональных реформ и соответствующему улучшению институциональных индексов.

Вертикальная координата (расчетные значения) отражает ожидаемый уровень институционального отставания для каждой страны, т.е. каким в среднем могли бы быть институциональные характеристики стран, если бы их институциональное развитие находилось в полном соответствии с объективными условиями их развития (т.е. рассмотренными выше географическими, историческими и торговыми факторами и величиной душевого ВВП), учитываемыми в модели. Сравнение фактических и расчетных значений ИО позволяет оценить степень соответствия фактического состояния институциональной среды в конкретной стране её объективным условиям и возможностям. Значительный разрыв между фактическим и расчет-

³⁵Относительно более динамичные факторы модели включают уровень душевого ВВП и уровень торговой открытости. В их динамике, конечно же, отражаются реформаторские усилия национальных правительств. Но даже и в динамике этих переменных очень заметны инерционность и зависимость от предшествующего исторического развития (path dependence).

ным значениями ИО можно интерпретировать или как недоиспользование страной имеющихся возможностей по развитию институтов, или как пример крайне успешного развития в отдельной стране (результаты выше ожидаемых с учетом местных объективных условий).

Страны, лежащие ниже прямой на графике, характеризуются тем, что их фактическое ИО больше, чем в среднем для выборки отклоняется от расчетного значения институционального расстояния. При этом, чем ниже под прямой находится страна, тем больше разрыв между ее фактическими и расчетными значениями, т.е. тем в большей степени недоиспользуется потенциал для ее институционального развития.

В отношении России, основные результаты анализа могут быть суммированы следующим образом. Во-первых, Россия стабильно находится ниже и правее линии регрессии, то есть значительное фактическое институциональное отставание России от Финляндии (ось абсцисс) существенно превышает ее расчетное отставание (ось ординат). Это свидетельствует, что в России имеются значительные резервы для улучшения институциональной среды. Соседями России на диаграмме, т.е. странами, оказавшимися в схожей с Россией институциональной ситуации, являются такие страны как Аргентина, Казахстан и Украина. В этой же группе, но ближе к линии регрессии находится Мексика, некоторые республики бывшей Югославии (Хорватия, Босния и Герцеговина).

Во-вторых, в случае 6-ти компонентного индекса расстояние до линии регрессии у России больше, чем в 4-х компонентном случае. Другими словами, расхождения между фактическим и расчетным значениями институционального отставания России от страны-лидера с учётом политических институтов больше, чем при учёте только экономических институтов.

В-третьих, изменение положения России на графике (как и большинства других стран СНГ) в течение 1996–2006 гг. было очень ограниченным. Это отражает как общую сложность и инерционность институциональных преобразований, так и недоиспользование

имеющихся объективных возможностей для ускорения институциональных реформ.

Все страны на графиках можно сгруппировать в несколько больших групп. Например, юго-восточный квадрант, в который попадает и Россия, включает страны с относительно низким фактическим уровнем развития институтов (фактическое значение ИО больше среднего) и при этом с недоиспользованным потенциалом институционального развития. У всех таких стран расчетное институциональное отставание меньше, чем фактическое. При их уровне экономического развития, истории и качестве географического окружения, они могли бы иметь лучшую институциональную среду.

В северо-восточном углу графика находятся страны, у которых и фактические и расчётные значения ИО относительно велики. Наиболее яркими представителями этой группы являются страны Африки, расположенные южнее Сахары, такие как Мозамбик, Замбия, Малави, Уганда, Камерун, Кот-д'Ивуар и т.д. В условиях слаборазвитой инфраструктуры, неблагоприятного для развития торговли географического положения, ограниченных контактов с внешним миром, неблагоприятного институционального соседства вероятность быстрого институционального прогресса для таких стран низка. К этой же группе относятся и некоторые страны СНГ (Беларусь, Киргизия), которые на сегодняшний день ещё более институционально удалены от лидеров, чем Россия (и по факту, и по потенциалу).

Развитые страны (ОЭСР) располагаются в юго-западном квадранте – их фактические и расчетные значения институционального отставания от Финляндии незначительны.

Страны, имеющие наибольшие отклонения от Финляндии по показателю вовлечённости во внешнюю торговлю, попадают в северо-западную часть графика. Это Люксембург, Сингапур, Гонконг – малые развитые государства с высокоразвитой внешней торговлей. Они отражают специальный случай, являясь странами с крайне нетипичными значениями показателя торговой открытости. Для них модель дает крайне заниженные расчетные значения ИО. Если исключить эти страны, в северо-западный квадрант попадает ограни-

ченное число стран, у которых фактическое институциональное отставание меньше, чем предсказанное моделью (Чили, Иордания). Это институционально успешные страны, которые достигли существенных результатов по совершенствованию своей институциональной среды, несмотря на то, что их экономические, географические и прочие условия не столь благоприятны. Стоит особенно подчеркнуть, что таких стран относительно мало.

Несмотря на высокую инерционность институционального развития, примеры ускоренного институционального прогресса существуют. С 1996 по 2006 г. ряд стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), стимулируемых процессами евроинтеграции, оказались способны сократить институциональное отставание от развитых стран (рис. 4.5 и 4.6). На графиках приведены только некоторые из государств ЦВЕ, чтобы облегчить чтение рисунков.

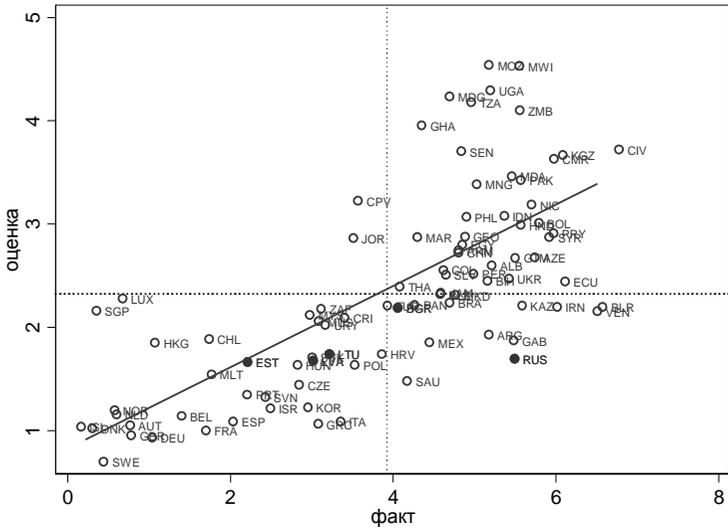

Рис. 4.5. Фактические и подобранные институциональные расстояния для некоторых стран Центральной и Восточной Европы, 4-х компонентный индекс, 2006 г.

фактивности органов государственного управления и ростом коррупции в Китае за анализируемый период. Остальные страны БРИК фактически не изменили своего положения относительно линии регрессии за исследуемый период. То есть в Бразилии, Индии и России не наблюдалось реального институционального прогресса, несмотря на экономический рост, а в Китае происходил очевидный регресс.

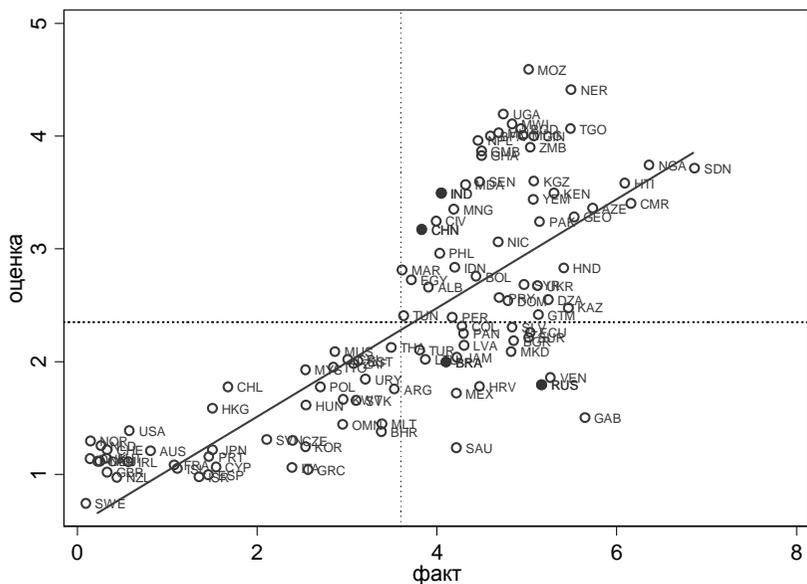

Рис. 4.7. Фактические и подобранные институциональные расстояния для стран БРИК, 4-х компонентный индекс, 1996 г.

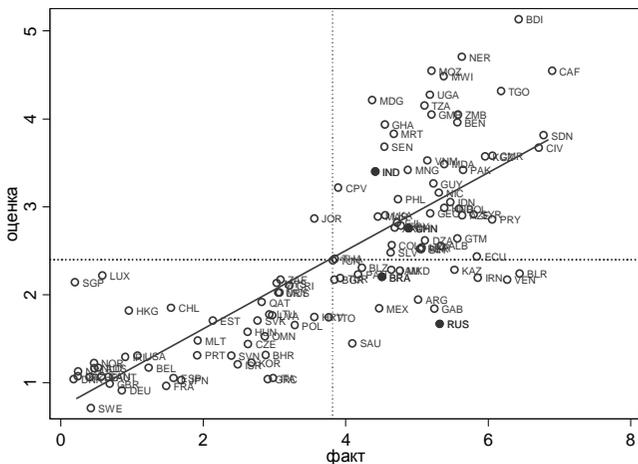

Рис. 4.8. Фактические и подобранные институциональные расстояния для стран БРИК, 4-х компонентный индекс, 2005 г.

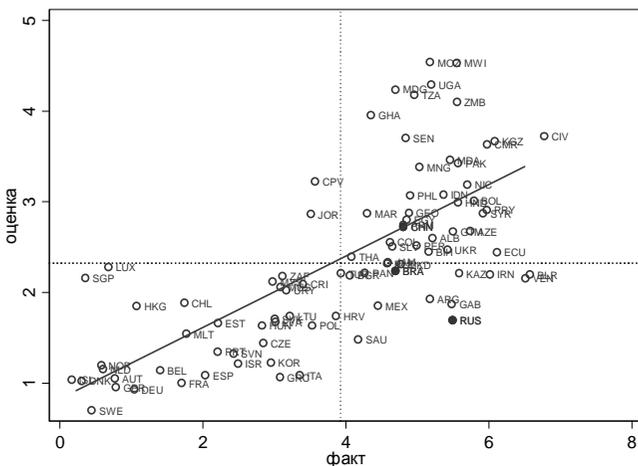

Рис. 4.9. Фактические и подобранные институциональные расстояния для стран БРИК, 4-х компонентный индекс, 2006 г.

5. Временные горизонты для сокращения институционального отставания России с учетом прецедентов резкого ускорения институциональных преобразований

Накопленные за последние десятилетия экономической наукой теоретические и эмпирические результаты однозначно свидетельствуют, что ключевые элементы институциональной среды (такие как тип судебной системы, обеспечение прав собственности и правопорядка, инфорсмент, степень развития финансового рынка, качество институтов человеческого капитала и др.) в долгосрочном плане оказывают положительное и статистически значимое влияние на экономический рост. По мере улучшения качества государственных и правовых институтов наблюдается устойчивое увеличение размеров ВВП на душу населения. В условиях переходных экономик качество ключевых институтов также оказывается долгосрочным детерминантом экономического роста.

Достигнутый в самые последние годы существенный прогресс в области измерения институционального развития не только предоставил исследователям интересный материал для количественного анализа межстрановой институциональной динамики, но сформировал новые возможности для обоснования приоритетных направлений институциональных реформ.

В данной работе на основе широкого набора межстрановых сопоставлений был проанализирован уровень и тенденции развития основных рыночных институтов России. Специфической чертой развития России на протяжении 1999–2007 гг. стало сочетание достаточно динамичного роста экономики и – одновременно – стагнации или ухудшения ситуации в институциональной сфере. Результаты анализа свидетельствуют о нарастании масштабов институционального отставания в российской экономике, связанного с разрывом между темпами экономического роста и скоростью институциональных преобразований. Значительный и продолжающийся увеличи-

ваться разрыв между уровнем экономического и институционального развития в России заметен при анализе практически всех наиболее популярных институциональных индексов, таких как, например, индексов эффективности государственного управления Всемирного банка, индекса восприятия коррупции, индекса экономической свободы Heritage Foundation, индекса страновых рисков Political Risk Services Group.

Между тем для большинства стран характерна положительная взаимозависимость между уровнями развития экономики и развития институтов. На этом фоне российская тенденция роста размера ВВП на душу населения в 1999–2007 гг. при ухудшении институциональной среды является атипичным явлением, направленным в сторону от «линии регрессии», отражающей глобальные закономерности.

Центральный вывод данного исследования состоит в том, что с учетом имеющегося мирового опыта, подобный разрыв заметно увеличивает риски замедления темпов экономического роста в будущем.

Как известно, долгосрочной целью развития Российской Федерации объявлено повышение уровня жизни населения и достижение уровня ВВП в 18 тыс. долл. на душу населения по паритету покупательной способности (ППС), что близко к современному уровню развития в Португалии и Греции. Вместе с тем сегодня в мире не существует ни одной страны с уровнем душевого ВВП более 18 тыс. долл. по ППС, в которой уровень институционального развития соответствовал бы российскому или был ниже. Высокоразвитые страны (с доходами свыше 10 тыс. долл. на душу населения по ППС) со слаборазвитыми институтами – беспрецедентное явление в истории экономического развития. По всей видимости, это означает, что институциональное отставание не может беспредельно увеличиваться и при определенном уровне развития страна столкнется с ситуацией, когда без институциональных изменений дальнейший рост станет невозможным.

Другими словами, возможность дальнейшего поддержания высоких темпов роста без серьезных институциональных реформ вызывает сомнения: значительные риски для устойчивой динамики роста

несет несбалансированность структуры экономики – ее чрезмерная зависимость от экспорта сырья, и прежде всего – энергетических товаров. Устойчивое долгосрочное социально-экономическое развитие России и сокращение ее отставания от стран ОЭСР вряд ли возможно без серьезной диверсификации экономики. Между тем, несмотря на рост экономической активности в несырьевом секторе и все увеличивающееся число правительственных документов, подчеркивающих необходимость диверсификации, говорить о структурном сдвиге в этом направлении пока нельзя. Стоит также отметить, что за последние 10 лет страны с российским качеством институтов в среднем росли с достаточно неубедительным темпом, значительно ниже 7%.

Более того, осуществляемая на практике экономическая стратегия демонстрирует пренебрежение к формированию ключевого условия реальной диверсификации – развитию адекватной институциональной среды. Между тем принятие решений о создании новых предприятий и инвестировании в новые проекты, в том числе в высокотехнологичные сектора, напрямую зависит от качества и стабильности институциональной среды, ее конкурентных преимуществ по сравнению с другими странами.

В данной работе предложена оригинальная статистическая модель, предназначенная для анализа межстрановых различий в качестве ключевых экономических институтов. Моделирование процесса институциональной динамики на глобальной выборке за 1996–2006 гг. позволило получить ряд интересных теоретических и практических выводов. В частности:

- Полученные результаты свидетельствуют о том, что институциональный прогресс имеет определенные географические закономерности. Институциональное развитие в отдельных странах в большой степени зависит от их территориального окружения, что приводит к пространственной кластеризации стран по уровню своего институционального развития. Импорт институтов стимулируется демонстрационными эффектами со стороны близлежащих государств и основных торговых партнеров.

- Заимствование институтов частично происходит через торговые взаимодействия. Участие во внешней торговле предъявляет повышенные требования к институтам, создает стимулы для заимствований институтов из более развитых стран-партнеров. Страны со сходным уровнем торговой открытости при прочих равных демонстрируют тенденцию к институциональному выравниванию.

В отношении России основные результаты моделирования могут быть суммированы следующим образом. Во-первых, Россия стабильно находится ниже и правее линии регрессии, отражающей общие тенденции развития для глобальной выборки стран. Это указывает на то, что значительное фактическое институциональное отставание России от лидеров институционального развития существенно превышает ее расчетное отставание, оцененное с учетом объективных условий развития российской экономики, включая ее географические и историко-культурные характеристики. В свою очередь, это свидетельствует о том, что в России сегодня имеются значительные резервы для улучшения институциональной среды. Во-вторых, институциональный прогресс в России (как и в большинстве других стран СНГ) в течение 1996–2006 гг. был очень ограниченным. Это отражает как общую сложность и инерционность институциональных преобразований, так и недоиспользование имеющихся объективных возможностей для ускорения институциональных реформ.

Достаточно очевидно, что одним из важнейших факторов, ставших причиной «атипичного развития» России, стали ее нефтегазовые доходы. Насколько неизбежно для нефтеэкспортеров институциональное отставание? В общем случае никакой неизбежности здесь нет, хотя наличие нефтяной ренты, как видно из опыта многих стран, заметно затрудняет институциональный прогресс.

Совершенно особый случай среди стран-нефтеэкспортеров – Норвегия. Качество институциональной среды здесь существенно выше не только остальных экспортёров нефти, но и большинства других стран мира. Прочие же государства-экспортёры нефти представляют собой неоднородную группу. В ней находятся как страны с низким качеством институциональной среды (Нигерия, Венесуэла),

так и страны с существенно лучшими институтами (Мексика, Кувейт), причём вторая группа заметно меньше, чем первая.

Масштабы необходимых институциональных улучшений в России можно оценить, сравнив российские показатели с минимальными показателями стран, достигших или превысивших уровень ВВП в 18 тыс. долл. на душу населения (по ППС). По показателю эффективности органов государственного управления – это уровень Италии. По показателю качества регулирующих институтов – уровень Кореи, Словении, Греции. По показателю качества правовых институтов – уровень Италии, Греции и Израиля. По показателю эффективности антикоррупционного контроля – уровень Италии, Чехии и Кореи.

За последнее десятилетие в мире накоплен определенный опыт ускорения институционального развития и улучшения деятельности ключевых институтов в рамках относительно непродолжительных периодов времени. Так, за последние 10 лет, по данным Всемирного банка (WB WGI), качество национальных институтов активно улучшали многие постсоциалистические страны, и среди них, в первую очередь, страны, готовившиеся к вступлению в ЕС. Также в 1996–2006 гг. институциональные индексы выросли и для ряда развивающихся стран Азии и Африки, для которых данный рост связан с низким стартовым уровнем институтов в сочетании с активными реформами институциональной среды. В *табл. 5.1* перечислены страны, которым удалось улучшить значения ключевых индексов на 0,8 балла и больше по десятибалльной шкале. То есть это страны, осуществившие институциональный скачок по масштабам, сравнимый с тем, что предстоит, по нашему мнению, осуществить в России для обеспечения институциональных условий, минимально адекватных поставленной задаче достижения доходного уровня стран ОЭСР.

На основе рассмотренного мирового опыта ускорения институциональных преобразований в данной работе сделан вывод о возможности значительного улучшения институциональных индикаторов в России примерно за 10 лет.

Таблица 5.1

Улучшение качества институтов, 1996–2006 гг.

Антикоррупционный контроль		Эффективность органов государственного управления		Качество регулирующих институтов		Качество правовых институтов	
Латвия	1,03	Мальта	1,45	Армения	1,59	Либерия	1,11
ОАЭ	1,03	Латвия	1,19	Либерия	1,53	Мальта	1,04
Багамы	1,00	Литва	1,17	Ирак	1,53	Катар	0,83
Катар	0,95	Болгария	1,08	Таджикистан	1,28		
Эстония	0,89	Суринам	0,86	Гамбия	1,28		
Либерия	0,88			Исландия	1,20		
Таджикистан	0,83			Конго, Дем. Респ.	1,13		
Мальта	0,82			Грузия	0,94		
				Эфиопия	0,92		
				Сербия	0,91		

Примечание. В таблице приведены абсолютные значения изменения индексов по шкале от -2,5 до 2,5.

В этой связи представляется целесообразным более внимательно рассмотреть опыт отдельных европейских стран по значительному ускорению институциональных преобразований, в том числе с использованием элементов импорта институтов. Наиболее известные примеры такого рода относятся к опыту расширения ЕС за счет стран с заметно более низким уровнем развития (Южная Европа, Ирландия, Центральная и Восточная Европа).

Опыт Ирландии по ускорению институциональных реформ и повышению конкурентоспособности национальной экономики³⁶

Ирландский опыт реформ, включавших среди прочего задачу улучшения инвестиционного климата и повышения конкурентоспо-

³⁶ Данный раздел основан на работах *Annett (2006)* и *McDowell (2002)*.

способности, относится к числу наиболее успешных примеров в данной области.

Ирландские реформы были начаты во второй половине 80-х годов, а уже к середине следующего десятилетия в экономике страны наблюдался устойчивый рост. За 5 лет с 1996 по 2001 г. объемы экспорта промышленной продукции в США выросли примерно в восемь раз, достигнув почти 16 млрд долл. В сжатые сроки правительству удалось резко повысить привлекательность национального инвестиционного климата путем значительных изменений в проводимой политике и резкой переориентации деятельности правительственных структур на привлечение инвестиций и поддержание высокого уровня конкурентоспособности.

Ключевые элементы ирландского опыта могут быть представлены следующим образом:

- Снижение налогового бремени и меры по сокращению стоимости рабочей силы – сокращение налогов на фонд заработной платы, резкое снижение ставок налогов на корпоративные и личные доходы;
- Сокращение размера государственного сектора, включая долю государственных расходов в ВВП и численности государственных служащих;
- Либерализация рынка труда – снижение пособий по безработице и социальных пособий, сокращение гарантий занятости, создание стимулов для женской занятости;
- Дерегулирование товарных рынков, облегчивших условия входа для новых предприятий; опережающая (по сравнению с ЕС) либерализация рынка телекоммуникаций;
- Полная перестройка индустриальной политики: вместо тарифов и квот формирование агентств развития, внимание к развитию инфраструктуры, рыночного регулирования и конкурентной политики, субсидии стратегическим инвесторам на создание новых рабочих мест;
- Реформы образования и технической подготовки – система прогнозов потребностей в квалифицированных кадрах в ключевых

отраслях, укрепление связей между образовательными учреждениями и бизнесом;

- Социальное партнерство – эффективный механизм консультаций с частным сектором, участие профсоюзов в выработке экономической политики, успешные ежегодные соглашения с профсоюзами о сдерживании роста зарплаты;
- Использование преимуществ членства в ЕС, в т.ч. как стимула для ускорения либерализации внешней торговли и внутренних рынков, для проведения реформ государственных финансов и как фактора привлечения ПИИ;
- Конкурентоспособность остается в центре правительственной политики: ежегодный анализ национальной конкурентоспособности на основе сравнений с достижениями других стран ОЭСР; готовность правительства принимать меры для ликвидации выявленного отставания;
- Стабильность экономического курса на протяжении длительного периода времени

В целом, успехи Ирландии напрямую связаны с успешной реализацией правительственной политики в сферах регулирования, инфраструктуры, образования и налоговой политики. Сохраняющиеся конкурентные преимущества Ирландии базируются не на наличии природных ресурсов, а на квалификации ее рабочей силы, социальной сплоченности общества, благоприятном инвестиционном климате и способности правительства быстро и эффективно реагировать на изменения в экономической ситуации.

Опыт стран Центральной и Восточной Европы по ускорению институциональных преобразований³⁷

Как уже неоднократно отмечалось в данной работе, целый ряд стран Центральной и Восточной Европы за последние десять лет продемонстрировал существенный прогресс в развитии институтов.

³⁷ Данный раздел подготовлен на основе работ *Anderson, Bernstein, Gray (2005), Anderson, Gray (2006)*.

Лидерами этого процесса были страны, вступившими в Европейский Союз в 2004 г., прежде всего Венгрия, Польша и Чехия. Например, оценки коррупции в Чехии, после из резкого снижения с середины 90-х годов, достигли уровня стран, вступивших в ЕС на тридцать лет раньше (Греция).

В целом, эта группа стран продемонстрировала на протяжении прошедшего десятилетия вполне успешный пример «импорта эффективных институтов». Поставив своей задачей вступление ЕС, они последовательно приближали свои институциональные стандарты к европейским. В результате, начав в 1996 г. с уровня России (Латвия, Литва) или даже более низкого (Болгария), они сумели улучшить свои показатели в таких областях как эффективность государственного управления и антикоррупционный контроль на величину около 1 балла по пятибалльной шкале, в то время как аналогичные российские показатели практически не изменились. Наиболее ярко различие векторов развития России и стран – новых членов ЕС, ориентировавшихся на импорт институтов, проявляется при оценке изменения качества институтов регулирования и правовых институтов.

В работе *Anderson, Gray (2006)* показано, что период 2002–2005 гг. сопровождался значительным ускорением институциональных преобразований в постсоциалистических странах, которые ранее отставали от стран-лидеров. В первую очередь это относится к Словакии, Болгарии и Румынии. В этих странах, также как и в ряде других центральноевропейских стран, процесс присоединения к ЕС был важнейшим фактором ускорения реформ, в том числе национальных институтов на базе европейских стандартов. В рамках процесса присоединения, ЕС предоставил этим странам значительную техническую помощь и одновременно осуществлял мониторинг функционирования важнейших национальных институтов.

Кроме того ЕС совместно с другими международными организациями поддержали реализацию ряда крупных региональных проектов по модернизации специфических институтов. Одним из примеров таких проектов является проект Поддержки транспорта и торговли в Юго-Восточной Европе (TTFSE), в рамках которого были

упрощены таможенные процедуры и повышена эффективность работы пограничных пунктов в восьми странах региона. Ключевым элементом проекта явилась система международного мониторинга времени затрачиваемого торговыми операторами на осуществление таможенных процедур. Это привело к значительному ускорению в продвижении товаров через границы, а также к резкому сокращению уровня коррупции на таможенных, в том числе в Румынии и Болгарии.

Другие интересные элементы опыта центральноевропейских стран включают:

- В области административных барьеров – шаги, направленные на ускорение регистрации фирм, сокращение числа проверок, упрощение технических стандартов и требований и в целом сокращение возможностей для непосредственного контакта между чиновниками и бизнесом;
- В части таможенных процедур – осуществление таможенной модернизации на основе законодательства ЕС параллельно с реализацией значительных инвестиций в автоматизацию таможенных операций. Это позволило обеспечить одновременное повышение и эффективности и прозрачности таможенных операций. Таможенные операции все большей мере осуществляются на безбумажной основе с отслеживанием хода всех процессов в режиме онлайн. Также произошло значительно расширение использования принципа выборочности таможенных проверок, проводимых на основе формальных оценок риска конкретных торговых операций.
- В части налоговой администрации – был осуществлен переход к функциональной организации налоговой службы, созданы отделы крупных налогоплательщиков, запущены системы для электронной подачи налоговых деклараций и сбора данных, упорядочены налоговые проверки, заметно увеличена зарплата сотрудникам налоговых органов.
- В части контроля коррупции в государственном аппарате – Румыния реализовала интересную схему по обязательной декларации накопленных активов всеми чиновниками, занимающими руководящие должности. В Румынии такие декларации были

сделаны публичными и размещаются в интернете. Формат деклараций, действующих в Румынии, относится к наиболее детальным и комплексно проработанным среди европейских государств. В настоящее время Румыния планирует создать специальный государственный орган, который будет заниматься аудитом деклараций.

- В части судебной реформы – усиление независимости судов сопровождалось мерами по укреплению подотчетности судей. В частности, были проведены мероприятия по усилению прозрачности в назначении судей, введены процедуры случайного отбора судей на ведение конкретных дел, обеспечена публикация судебных решений в полном объеме, укреплены механизмы взаимной оценки судей, а также механизмы рассмотрения поступающих жалоб. Во многих странах были введены обязательные экзамены для судей с целью проверки уровня их компетенции. Среди мер по повышению эффективности судов заслуживают внимания решения по созданию специализированных судов, разработки процедур, сокращающих возможности сторон задерживать ход рассмотрения дела, освобождение судей от несудейских обязанностей, компьютеризация судов, облегчившая возможности по доступу к информации и ее более эффективному использованию.
- В части расширения спроса на реформы – многие страны, включая, например, Словакию, приняли специальные законы о свободе информации, которые расширили возможности неправительственных организаций требовать и добиваться большей прозрачности и подотчетности в деятельности правительственных органов.
- В части политической среды для проведения реформ – опыт показал, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе укрепление конкурентности в политической и хозяйственной жизни способствует большей прозрачности и подотчетности правительств, что ведет к снижению уровня коррупции и улучшению большинства других институциональных индикаторов.

- В части управления реализацией реформ – значительное внимание уделялось мониторингу хода реформ, сравнению эффективности действующих систем с общеевропейскими стандартами и публичному анализу получаемых результатов.

Возможность вступления России в ОЭСР – стимул для институциональных преобразований

Как было уже сказано, институциональное развитие стран – новых членов ЕС в период, предшествующий вступлению в Союз, было крайне успешным. Наибольшие успехи были достигнуты в модернизации национальных законодательных и регуляторных режимов и их приведении в соответствии с общеевропейскими нормами и правилами. Одновременно значительно расширились административные возможности государственных органов этих стран по административному управлению, применению современных методов регулирования и эффективному участию в международном сотрудничестве.

Представляется, что в российских условиях предстоящие переговоры о вступлении в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) могут при наличии интереса со стороны российского правительства в какой-то степени сыграть схожую роль ускорителя институциональных преобразований. Полная аналогия с вступлением в ЕС, конечно же, неуместна, поскольку членство в ЕС предъявляет существенно больше институциональных требований к своим членам, и ЕС обладает гораздо более развитым инструментарием санкций за несоблюдение общих правил. Тем не менее вступление в ОЭСР предоставляет «окно возможностей» для разработки масштабной программы институциональных реформ в России, сближения российского законодательства и административно-регуляторной практики с международными аналогами, перестройки деятельности ключевых российских институтов на основе стандартов наилучшей международной практики.

Анализ успешного ускорения институциональных преобразований в странах Восточной и Центральной Европы, осуществленного в 90-е годы, свидетельствует, что в течение 8–10 лет вполне возможно реализовать широкую программу институциональных улучшений и ликвидировать большую часть институционального отставания, которое является мощнейшим долгосрочным тормозом развития страны.

6. Некоторые приоритетные направления институционального развития

Окончание периода восстановительного роста в Российской Федерации, в рамках которого важнейшим источником экономического развития являлось вовлечение в производство ранее накопленных в экономике активов, подходит к окончанию. В предстоящий период рост будет в большей степени зависеть от новых инвестиций и создания новых предприятий, что предъявляет повышенные требования к качеству институциональной среды. При отсутствии реформ экономические потери, вызванные неэффективностью действующих институтов, будут увеличиваться все возрастающими темпами.

Для снижения экономических рисков, связанных с недостаточной эффективностью действующих институтов, потребуются активизация действий по целому ряду направлений, ранее обозначенных как приоритетные в рамках Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу. На первый план выступают задачи формирования адекватных для современного общества институтов. Речь идет, прежде всего, об экономических институтах, в т.ч. институтах развития, способных обеспечить новое качество роста российской экономики. Но институциональное развитие затронет все стороны жизни общества, включая государственное управление и социальную сферу.

Россия заметно отстает от стран ОЭСР по показателям качества основных рыночных и государственных институтов. Более того в последние годы прогресс в данной области замедлился. Такое отставание увеличивает риски замедления темпов роста производства и стагнации масштабов несырьевого экспорта в среднесрочной перспективе.

Слабость базовых институтов, прежде всего, выражается в ослаблении стимулов к осуществлению всех видов инвестиций (особенно за пределами добывающих отраслей и потребительского сектора), замедлении темпов образования новых предприятий и, в целом, уменьшении заинтересованности экономических агентов в повыше-

нии эффективности своей деятельности и расширению инновационной активности.

В данном разделе в концентрированном виде представлен набор рекомендаций по некоторым приоритетным направлениям институционального развития России.

Формирование эффективной конкурентной среды

Задача диверсификации российской экономики, по своей сути, является инновационной. Ее принципиальное решение будет достигаться через усиление инновационной активности предприятий в части освоения новых продуктов и технологий, выхода на новые рынки, формированию новых партнерств.

Мировой опыт показывает, что интенсификация инновационного процесса связана с формированием эффективной конкурентной среды, предоставляющей равные возможности всем участникам рынка. Конкуренция – главный стимул для инноваций на существующих предприятиях.

Стратегической целью государственной программы реформ является усиление интереса предприятий к инновациям, росту эффективности и расширению нетрадиционного экспорта на основе укрепления конкурентных механизмов, заставляющих неэффективные предприятия или улучшать использование ресурсов или уходить с рынка и высвободить ресурсы для их использования более эффективными конкурентами.

Основными задачами правительства в области формирования конкурентной бизнес-среды являются:

- Реформа регулирования, направленного на его упрощение и усиление прозрачности.
- Создание благоприятных условий и новых возможностей для хозяйственной деятельности в рамках различных программ, в том числе осуществляемых институтами развития, и обеспечение равных условий для предприятий, которые заинтересованы в использовании этих новых возможностей.
- Повышение результативности диалога между правительством и бизнесом.

- Усиление прозрачности в деятельности государственных учреждений.

Правительство планирует реализовать следующие меры по решению перечисленных выше задач:

- В рамках реформы регулирования предстоит упростить технические стандарты и требования. Будет продолжена работа по регламентации деятельности регулирующих и контрольных органов, включая уточнение правил обжалования принимаемых решений, что затруднит использование таких органов в качестве инструмента недобросовестной конкуренции. Следует ужесточить контроль за соблюдением установленных норм в отношении максимальных сроков проведения проверок, а также ограничений по количеству проверок предприятий в течение одного года. Приоритетной задачей является также совершенствование нормативно-правовой базы исполнения судебных решений по искам к органам государственной власти и местного самоуправления.
- Продолжится работа по совершенствованию экономического законодательства, направленная на закрепление контрольных и надзорных функций в федеральных законах при ограничении роли подзаконных актов органов государственного управления в данной сфере. Одновременно будут осуществлены дальнейшие шаги по отделению функций регулирования и надзора от функций, связанных с государственным управлением.
- Повсеместное применение анализа возможных эффектов от предлагаемых мер государственного регулирования позволит сократить издержки предлагаемых регуляторных мер на стадии их разработки и вместе с тем расширить участие представителей бизнес-сообщества в обсуждении проектов правительственных решений. Дальнейшее развитие получит практика консультаций между органами регулирования и организациями предпринимателей по вопросам формирования и реализации политики повышения конкурентоспособности на отраслевом уровне, выявления и устранения административных барьеров. Будет улучшен доступ бизнеса к информации о правительственных решениях.

- Повышение эффективности судебной системы является ключевым направлением усиления защиты предприятий от недобросовестной конкуренции. Следует продолжить курс на усиление независимости судов. Вместе с тем необходимо обеспечить, чтобы меры, направленные на усиление независимости судов, сопровождались шагами по укреплению подотчетности судей. Для повышения эффективности судебной деятельности будут рассмотрены вопросы по созданию специализированных судов; внесены процедурные изменения, сокращающие возможности сторон задерживать ход рассмотрения дела; приняты меры по освобождению судей от несудейских обязанностей и передаче этих обязанностей в другие части юридической системы; проведена дополнительная компьютеризация судов, облегчающая доступ к информации и ее более эффективное использование.
- Будет укрепляться система антимонопольного регулирования, в т.ч. расширены полномочия антимонопольного органа при проведении соответствующих расследований. Совершенствование антимонопольного регулирования будет направлено на его гармонизацию с практикой, действующей в крупнейших торговых партнерах России, прежде всего в Европейском Союзе.
- В области государственных закупок будет усилен контроль за соблюдением антимонопольных требований. Продолжится работа по стандартизации условий проведения и укреплению нормативной базы госзакупок.
- Реформа механизмов государственной поддержки реального сектора будет направлена на повышение эффективности и прозрачности использования государственных средств. Государственная помощь будет все больше концентрироваться на решении стратегических задач, таких как поддержка экспорта, диверсификация и внедрение ключевых инноваций. Предоставление средств будет связано с достижением конкретных результатов и будет организовано, как правило, на конкурсной основе и с использованием понятных и формализованных процедур. Будет налажен комплексный учет и анализ всех видов государственной помощи, включая различные льготы и преимущества, предос-

тавляемые отдельным участникам рынка. При этом при реализации мер прямой и косвенной поддержки отдельных производителей будет соблюдаться требование, что такая поддержка не должна искажать условия рыночной конкуренции хозяйствующих субъектов.

- Федеральное правительство планирует расширить масштабы поддержки экспортеров, улучшить используемые инструменты такой поддержки. В частности, будут значительно увеличены объемы государственного софинансирования усилий предприятий по выходу на новые внешние рынки, расширены объемы экспортного кредитования, будет шире привлекаться профессиональная экспертиза по изучению внешних рынков и продвижению конкретных товаров на новые рынки.
- Важным приоритетным направлением укрепления механизмов конкуренции является поощрение прямых иностранных инвестиций, прежде всего в ситуациях, когда это связано с привлечением в российскую экономику новых производственных и управленческих технологий. Нынешний курс правительства на последовательное снижение административных барьеров и прямых ограничений на иностранные инвестиции будет всемерно укрепляться, в т.ч. с учетом сложившейся международной практики и в рамках подготовки многосторонних и двухсторонних торговых и инвестиционных соглашений.
- Реализация уже принятых решений по созданию институтов развития в ближайшей перспективе расширит возможности предприятий по реализации средне- и долгосрочных инвестиционных проектов. Общее улучшение условий для хозяйственной деятельности будет также связано с реализацией масштабных инфраструктурных проектов, в том числе финансируемых за счет Инвестиционного Фонда.
- Повышение квалификации и массовое переобучение государственных служащих, включая по проблемам госрегулирования и частно-государственного партнерства, станет дополнительным инструментом гармонизации отношений между правительственными органами и субъектами хозяйствования. С этой целью бу-

дуг разработаны специальные учебные программы мастера государственного администрирования. Особое внимание будет уделено изучению передового международного опыта проведения институциональных реформ, компьютеризации административных и регуляционных процедур, инструментов мониторинга изменений в институциональной среде.

Поощрение входа на рынок новых компаний

Наряду с развитием конкуренции между существующими предприятиями важное условие интенсификации инновационного процесса связано с появлением в экономике достаточного числа новых предприятий. Новые предприятия - мощнейший источник инноваций в большинстве развитых рыночных экономик. В этой связи, важнейшей целью правительственной программы является облегчение условий для входа на рынок новых компаний, прежде всего в тех сферах деятельности, от которых напрямую зависит инновационный потенциал и решение задачи диверсификации экономики и экспорта из РФ.

В настоящее время, хотя вновь создаваемые предприятия, как правило, более производительны, чем традиционные компании, их доля остается крайне низкой, особенно при сравнении с динамично развивающимися переходными экономиками в Центральной и Восточной Европе. Сложность существующих процедур для открытия и ведения бизнеса создает слишком много возможностей для произвольного их толкования, задержек при их исполнении и коррупции. В результате неопределенность и риски инвесторов становятся недопустимо высокими.

Основные задачи в данной сфере включают:

Дальнейшее снижение административных барьеров для входа на рынок новых компаний

Повышение привлекательности экономики для входа стратегических иностранных инвесторов, прежде всего в секторах, где ощущается потребность в импорте современных и перспективных технологий и там, где имеется потенциал для развития нетрадиционного экспорта.

Повышение общественного интереса к предпринимательству, в т.ч. за счет формирования позитивного образа фигуры предпринимателя в общественном сознании.

Меры по решению данных задач включают:

- Мероприятия по уменьшению административных барьеров в экономике и снижению транзакционных издержек. К приоритетным направлениям в этой области относится радикальное упрощение процедур лицензирования; упрощение процедур, связанных с получением разрешений на новое строительство и расширение производства; снижение затрат на формирование налоговой отчетности путем существенного сближения правил налогового учета и правил бухгалтерского учета; реформирование системы технического регулирования (нормативов, стандартов) в целях сокращения избыточного административного давления; и др.
- Необходима дальнейшая реализация мер в области налогового администрирования, позволяющих обеспечить четкую регламентацию полномочий и действий налоговых органов, улучшить взаимодействие налоговых органов с налогоплательщиками, сократить финансовые и временные издержки предприятий.
- Создание инфраструктуры по поддержке новых предприятий в рамках бизнес-инкубаторов и технопарков, способных предоставить предпринимателям широкий набор бизнес услуг, в т.ч. в рамках программ государственной поддержки. В соответствии с принятыми решениями будет интенсивно развиваться механизм свободных экономических зон.
- Расширение системы микрокредитования.
- Улучшение доступа новых предприятий к аренде нежилых помещений.
- Расширение возможностей для малого бизнеса участвовать в программах госзакупок, в т.ч. путем введения требований на обязательное участие малых предприятий в выполнении крупных государственных контрактов.
- Активизация усилий по привлечению иностранных инвестиций и продвижению экспорта, в т.ч. будут укреплены соответствующие

щие специализированные подразделения в создаваемых институтах развития.

- Федеральное правительство поддержит создание региональных агентств развития, деятельность которых будет сконцентрирована на привлечении инвестиций и улучшении инвестиционного климата в рамках конкретных субъектов Федерации, в т.ч. на сокращении административных барьеров, связанных с деятельностью региональных и местных органов. Поддержка региональных агентств будет производиться, как правило, на конкурсной основе и связываться с конкретными мерами по дерегулированию. Будет поддерживаться местная инициатива и локальные эксперименты по улучшению предпринимательской среды.
- Будут расширены программы обучения предпринимательству в средних и высших учебных заведениях. В партнерстве с предпринимательскими организациями будут разработаны новые коммуникационные программы, направленные на более позитивное восприятие населением предпринимательской деятельности. Расширена подготовка слушателей по программам МВА.

Развитие рынка земли и недвижимости

Эффективные рынки земли формируют основу системы отношений собственности. Они особенно важны для наиболее успешных и новых предприятий, нуждающихся в земле для расширения и нового строительства. Целью правительственной программы является ускорение развития полноценного рынка земли и недвижимости как важного фактора эффективности инвестиционного процесса и в перспективе привлекательного налогового источника.

В России процесс приватизации по-прежнему остается незаконченным, поскольку большинство частных предприятий не владеют землей, на которой они находятся. Это не позволяет вовлечь в хозяйственный оборот большую часть земельных участков, препятствует развитию залогового права и ограничивает возможности предприятий в привлечении кредитных ресурсов, необходимых для развития производства и обновления основных производственных фондов. Искусственно ограничивается капитализация предприятий.

Непрозрачность системы предоставления земельных участков для строительства и высокие административные барьеры для получения разрешений на строительство жилья тормозят рост объемов жилищного строительства, заметно увеличивают его стоимость.

Приоритетные задачи в сфере развития рынков земли и недвижимости включают:

- завершение процесса разграничения государственной собственности на землю и оптимизацию распределения между бюджетами различных уровней доходов, полученных от распоряжения землей;
- формирование полноценного реестра объектов налогообложения и развитие института массовой оценки недвижимого имущества; введение единого налога на недвижимость;
- переход от кадастрового учета земельных участков к кадастровому учету объектов недвижимого имущества и формирование единого государственного кадастра недвижимости;
- совершенствование механизмов установления правовых ограничений по использованию земли и недвижимости, в том числе порядка и условий установления сервитутов, резервирования земель для государственных и муниципальных нужд;
- завершение процесса переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право собственности или аренды; активизация процесса приватизации земельных участков, расположенных под частными предприятиями;
- дальнейшее совершенствование порядка предоставления земельных участков из государственной или муниципальной собственности для строительства, в т.ч. на основе открытых конкурсов и аукционов;
- Усиление гарантий для собственников земли от ее изъятия.

Приоритетные меры по решению указанных задач включают:

- Шаги по ускорению приватизации земли предприятий, включая предоставление рассрочки для выкупных платежей и более жесткую регламентацию действий муниципальных администраций по определению границ выкупаемых участков.

- Реализация мероприятий, предусмотренных недавно принятым законом о Кадастре, в том числе по проведению массовой рыночной оценки земельной собственности и недвижимости и созданию единой системы учета недвижимости. Органам местного самоуправления предстоит создать (на базе данных единого государственного кадастра недвижимости) информационных систем обеспечения градостроительной деятельности.
- Разработка прозрачных процедур резервирования государственных и муниципальных земель, запрещенных к выкупу.
- Уточнение процедур раздела, объединения и перераспределения земельных участков (в рамках дополнительной главы Земельного кодекса РФ).
- Укрепление системы гарантий для землепользователей от изъятия их собственности местными органами власти. При этом одновременно будет совершенствоваться механизм возмещения экономического ущерба в случаях обоснованного изъятия земли и другой собственности.
- Принятие всеми муниципалитетами местных правил землепользования и застройки, в которых должны найти отражение типовые правила и рекомендации, разработанные с учетом приоритетов Среднесрочной программы правительства в данной сфере.
- Разработка плана мероприятий по внедрению нового местного налога на недвижимость, включая разработку федеральных рекомендаций, создание системы технической поддержки муниципалитетов в части применения этого налога, проведение пилотного апробирования рекомендаций в отдельных муниципальных образованиях.
- Правительство также планирует ввести систему мер, стимулирующих регионы к осуществлению разграничения собственности на землю (на основе недавно принятых процедур, упрощающих этот процесс) и увеличению площади муниципальных земель, переданных в частную собственность.

Приоритетным направлением реформ в сфере рынка недвижимости на ближайшие годы будет создание государственного кадастра недвижимости, формирующегося в соответствии с Федеральным

законом от 24.07.2007 N 221-ФЗ "О Государственном кадастре недвижимости". Данный проект направлен на решение вопросов регистрации недвижимого имущества, информационного обеспечения процессов государственного контроля, управления, экономической оценки и налогообложения недвижимого имущества, а также совершенствование деятельности в области формирования недвижимого имущества.

Основными принципами деятельности создаваемой системы являются:

- применение единой системы и технологии для создания и ведения государственного кадастра недвижимости;
- обязательность государственного учета недвижимого имущества;
- презумпция официального описания недвижимого имущества, внесенного в государственный кадастр недвижимости;
- внесение актуальных и достоверных сведений в государственный кадастр недвижимости;
- обеспечение постоянного хранения внесенных сведений;
- соотносимость сведений, содержащихся в государственном кадастре недвижимости, с другими государственными информационными ресурсами.

Учету в государственном кадастре подлежат все вновь созданные и вновь образованные объекты, а также изменение сведений о недвижимом имуществе в случаях, предусмотренных законом. Создание кадастра недвижимости позволит увязать объекты недвижимости с их собственниками, создаст возможности для перераспределения налогового бремени в сторону имущественных налогов, которые являются основой для формирования региональных и местных бюджетов.

Для создания единого государственного кадастра недвижимости должны быть осуществлены следующие мероприятия:

- разработка нормативной правовой и методологической базы ведения единого государственного кадастра недвижимости;
- актуализация результатов государственной кадастровой оценки земель;

- проведение массовой оценки объектов недвижимости;
- введение сведений об объектах недвижимости в единый государственный кадастр недвижимости, в том числе перенос информационных ресурсов из ранее созданных баз данных государственного земельного кадастра, технического учета объектов градостроительной деятельности, иных кадастров и реестров в базу данных единого государственного кадастра недвижимости.

Развитие финансовых рынков

Развитые финансовые рынки способны значительно ускорить экономическое развитие за счет более эффективной мобилизации капитала. Более того, эффективная финансовая система является существенным фактором укрепления инновационных процессов за счет более эффективного выявления и поддержки предпринимателей, имеющих наиболее перспективные бизнес идеи и проекты.

В настоящее время основными проблемами в данной сфере являются несоответствующий международным подходам уровень защиты прав кредиторов, низкая интенсивность конкуренции на ряде сегментов рынка банковских услуг, недостаточная прозрачность процессов функционирования кредитных организаций. В рамках российской финансовой системы медленно расширяется доступ предприятий к долгосрочному финансированию. Фондовый рынок, по-прежнему, не является значимым источником финансирования инвестиций.

Целью развития финансовых рынков является создание системы соответствующих институтов, механизмов и инфраструктуры, способных обеспечить высокий уровень инвестиционной активности. В долгосрочном плане России предстоит сформировать финансовый центр мирового уровня, способный эффективно конкурировать на мировом финансовом рынке благодаря наличию высокой концентрации капитала, качественному предложению финансовых услуг и инструментов и адекватной инфраструктуре финансовых рынков.

К основным задачам в области углубления финансовых рынков относится:

- Более эффективная защита прав инвесторов и кредиторов.

- Повышение надежности и эффективности финансовых институтов.
- Расширение доступа хозяйственных агентов к долгосрочным финансовым ресурсам.
- Развитие новых финансовых инструментов.
- Развитие инфраструктуры финансовых рынков.

Основные меры по реализации перечисленных задач включают:
В части более эффективной защиты прав инвесторов/кредиторов

- Повышение эффективности института залога как способа обеспечения исполнения долговых обязательств, в т.ч. путем внесения изменений в законодательство о залоге.
- Упрощение процедур обращения взыскания залога, расширение перечня способов обеспечения исполнения обязательств, а также унификация процедур удовлетворения обеспеченных залогом требований кредиторов, в том числе в случаях, не связанных с ликвидацией и банкротством должника.
- Повышение компетенции органов арбитража в спорах на финансовом рынке, в том числе путем введения специализации судей на вопросах финансовых сделок.
- Обеспечение гарантий прав потребителей при использовании потребительского кредита и формирование механизмов защиты указанных прав в случае их нарушения.
- Укрепление саморегулируемых организаций участников рынка.

В части повышения надежности и эффективности финансовых институтов

- Совершенствование пруденциального надзора. Особое внимание будет уделено совершенствованию надзора за деятельностью кредитных организаций на консолидированной основе, включая анализ рисков, возникающих у кредитных организаций в рамках взаимоотношений с участниками интегрированных хозяйственных групп.
- Будут предприняты шаги, направленные на улучшение надежности отчетности и качества предоставляемой информации о деятельности финансовых институтов и ее доступности для участников рынка. Завершится переход на международные стандарты

учета в банковском секторе. Предстоит повысить эффективность межведомственного взаимодействия в сфере регулирования различных секторов финансового рынка.

- С участием органов антимонопольного регулирования будет осуществляться мониторинг за соблюдением условий добросовестной конкуренции на рынках банковских и финансовых услуг. Одновременно упростится процедура слияния и присоединения кредитных организаций. Будет стимулироваться процесс консолидации участников страхового рынка. Правительство будет поддерживать дальнейшее расширение присутствия в отдельных сегментах финансового рынка ведущих зарубежных финансовых институтов, способных ускорить процесс освоения новых финансовых технологий и повысить конкуренцию.
- Повышение требований к размеру собственного капитала кредитных и страховых организаций, внедрение дополнительных мер по обеспечению прозрачности структуры их собственности, в т.ч. путем установления требований к представлению сведений о собственниках и их деятельности.
- Сокращение административных барьеров для эмитентов ценных бумаг и снижению транзакционных издержек для участников фондового рынка. Произойдет сокращение форм отчетности кредитных организаций и переход на их предоставление в электронном виде.

Основными шагами по расширению доступа предприятий к долгосрочным финансовым ресурсам станут:

- Увеличение капитала государственных институтов развития.
- Расширение государственной поддержки и совершенствование налогообложения венчурных фондов.
- Повышение эффективности механизмов поддержки лизинга.
- Будет обеспечен достаточный доступ банковской системы к долгосрочным ресурсам пенсионной и страховой системы, к средствам других институциональных инвесторов через развитие рынка ипотечных ценных бумаг для финансирования долгосрочных кредитов населению. Планируется смягчение ограничений для

управляющих компаний по инвестированию пенсионных средств в частные ценные бумаги (облигации и акции).

- Реализация программы государственных заимствований, которая включала бы инфраструктурные облигации с длительными сроками погашения. Такая программа позволит развивать эффективные стерилизационные механизмы, углубить финансовый рынок, создать более разумную кривую доходности и залогов для банков, а также расширить возможности для осуществления операций ЦБ на открытом рынке.
- Будет продолжено формирование вторичного рынка ипотечных кредитов и рынка ипотечных ценных бумаг, значительно увеличится уставный капитал Агентства по ипотечному и жилищному кредитованию и объем предоставляемых ему государственных гарантий.
- Ускоренными темпами будет развиваться рынок страховых услуг, включая имущественное и накопительное страхование, который в перспективе станет дополнительным источником инвестиционного финансирования.

В части развития новых финансовых инструментов:

- Будут внесены изменения в законодательство, направленные на расширение применения финансовых инструментов, используемых для перераспределения рисков, включая производные финансовые инструменты и складские свидетельства.
- Будут приняты решения по обеспечению равных условий налогообложения для различных финансовых инструментов, при этом намечается постепенное снижение ставок налогов на доходы от операций с финансовыми инструментами.
- Произойдет унификация принципов и стандартов деятельности институтов коллективного инвестирования (ПИФов и НПФов), приближение их к принципам деятельности аналогичных зарубежных институтов.
- Система прямых и косвенных инструментов денежно-кредитной политики получит свое дальнейшее развитие. Будет развиваться система рефинансирования коммерческих банков, включая учетные операции Банка России, операции прямого РЕПО, лом-

бардные кредитные аукционы, кредиты «овернайт», операции «валютный своп». Большое внимание будет уделено вопросу выравнивания условий доступа к механизмам рефинансирования для банков всех регионов Российской Федерации.

- Будет также развиваться рынок государственных долговых обязательств, прежде всего как инструмент денежно-кредитной политики. Произойдет последовательное расширение операций Центрального Банка на открытом рынке ценных бумаг.

В части развития инфраструктуры финансовых рынков:

Внимание, прежде всего, будет уделяться созданию и укреплению таких ее элементов как кредитные бюро, залоговые регистры, рейтинговые агентства. Предстоит создать национальный центральный депозитарий и единую систему учета прав на ценные бумаги. Будет продолжено укрепление платежных систем, включая систем электронной торговли, безналичных платежей физических лиц, систем межбанковских платежей в режиме реального времени. Будет происходить планомерное формирование национальной платежной системы и обеспечено ее взаимодействие с крупнейшими международными платежными системами.

Формирование эффективных органов государственных власти

Отсутствие прогресса оздоровления экономики, проведения реформ и первые признаки макроэкономического кризиса 2007 – начала 2008 г. указывают на необходимость формирования и выполнения новой программы действий, направленной на поддержание устойчивого социально-экономического развития. Особенности современной ситуации и быстрое развитие экономики определяют основные приоритеты необходимых мер, основной целью которых является создание в России государственной системы, не уступающей в эффективности и прозрачности развитым странам – основным партнерам. Необходимо сформировать развитое прогрессивное государство как по функционированию и предоставлению услуг, так и по взаимоотношениям с бизнесом и гражданами.

Необходима *борьба с коррупцией* в органах государственной власти и местного самоуправления, с коррупцией в широком смысле. Речь идет не только о жесткой борьбе с взятками и откатами, но и о радикальном повышении транспарентности, изменении системы мотивации, недопустимости криминального использования государственными служащими служебного положения в личных интересах в форме содействия бизнесу, создания необоснованных административных ограничений, прямого вмешательства и давления.

В частности:

- существенное улучшение доступа к информации о деятельности государственных органов;
- усиление ответственности за правонарушения, связанные с коррупцией и злоупотреблением служебным положением, в том числе на основании косвенных признаков коррупции (принцип «незаконного обогащения»);
- реинжиниринг и соответствующая регламентация деловых процессов и другие меры в зонах повышенного риска коррупции;
- снижение возможностей избыточного государственного вмешательства в экономическую деятельность;
- развитие механизмов этического регулирования и контроля конфликта интересов государственных служащих.

Нужно *остановить практику наращивания государственных расходов*. Речь идет о необходимости инвентаризации расходов федерального и региональных бюджетов вместе с оценкой их результатов, прежде всего с точки зрения повышения уровня жизни граждан и качества предоставляемых услуг. Необходимы повышение результативности бюджетных расходов и переход от управления собственными расходами к управлению качеством предоставляемых государственных услуг.

Основные меры:

- аудит расходов бюджетной системы в сопоставлении с результатами;
- усиление контроля за закупками для государственных нужд, централизация типовых закупок;
- более полное раскрытие информации о результатах тендеров;

- развитие системы оценки качества предоставляемых услуг, в т.ч. на основе регулярных опросов их потребителей (населения и бизнеса);
- комплекс мер по повышению эффективности государственных инвестиционных расходов.

Нужна и подкрепленная повышением заработной платы государственных служащих *реформа государственных предприятий и учреждений*, большая часть которых не соответствует современным требованиям эффективного прозрачного расходования средств, управления собственностью и предоставления услуг. Причем здесь речь идет не только о давно функционирующих организациях государственного сектора, но о естественных монополиях с государственным участием, а также о вновь создаваемых государственных корпорациях.

Основные меры:

- внедрение конкурентных принципов при финансировании бюджетных учреждений;
- расширение привлечение на конкурсных принципах частного сектора к управлению имуществом и оказанию услуг для организаций государственного сектора;
- усиление экспертизы тарифных решений, повышение прозрачности естественных монополий, открытие структуры издержек и инвестиционных программ;
- раскрытие информации по оплате труда в государственных корпорациях.

Важным шагом является поддержание *стабильности налоговой системы* и ее настройка в целях обеспечения нейтральности и эффективности, создания равных условий для ведения бизнеса. Необходимо создать условия для выполнения налогового законодательства, в первую очередь, посредством упрощения налогового администрирования.

Основные меры:

- исключение возможностей применения средним и крупным бизнесом льготных режимов для малого бизнеса;

- упрощение процедур уплаты налога на добавленную стоимость, упрощение процедур возврата налога при экспорте;
- фактический возврат к презумпции невиновности налогоплательщика;
- сужение прав налоговых органов при проведении налоговых проверок и снижение частоты их проведения.

Государство должно стать эффективным регулятором и арбитром для бизнеса и граждан, что требует *реформы системы надзорных органов и судебной системы*, недопущения вмешательства государственных органов в хозяйственную деятельность организаций, - необходимо прекратить повсеместную преступную практику использования проверок надзорных органов в качестве инструментов давления и вымогательства.

Основные меры:

- сокращение частоты проверок организаций надзорными органами;
- ужесточение ответственности за нарушение условий проведения проверок и ущемление прав проверяемых организаций надзорными органами;
- упрощение и снижение числа проверочных процедур для малых предприятий (единый проверочный орган);
- ограничение возможностей по вмешательству силовых структур в хозяйственную деятельность;
- реформа судебной системы, усиление независимости судей, создание специализированных судов.

Необходима дебиюрократизация не только в отношении малого бизнеса, но и государственного сектора в целом. Возможность подачи документов на паспорт и т.д. по почте или интернету, снижение количества ненужных бумаг и подтверждений, нужных для оформления того или иного официального документа и т.д. Расширение практики «Одного окна», включая оплату, для большинства операций.

Реформирование сферы науки и инноваций

С целью обеспечения комплексности и целенаправленности усилий государства, частного бизнеса и институтов гражданского об-

щества по обеспечению динамичного развития российской экономики в области науки и инноваций принята в 2006 г. Стратегия Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 года. Ключевые принципы стратегии включают:

- Резкое увеличение суммарных расходов на НИОКР; совершенствованию системы оплаты труда работников в научных учреждениях;
- Концентрация ресурсов федерального бюджета, предназначенных для финансирования НИОКР
- Приоритетное развитие инновационной инфраструктуры, обеспечивающей преобразование знаний в рыночный продукт, для реализации национальных приоритетов технологического развития.
- Расширение частно-государственного партнерства для развития сектора исследований и разработок и технологической модернизации отраслей экономики
- Реализация крупных федеральных целевых программ с участием бизнеса в направлениях, по которым Россия обладает долгосрочными конкурентными преимуществами с целью использовать потенциал сектора исследований и разработок для эффективной реализации национальных приоритетов технологического развития.

Основные задачи стратегии включают следующее.

1. Создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок и условий для его расширенного воспроизводства:

- реформирование научных организаций и повышение их капитализации, реструктуризация государственного сектора исследований и разработок;
- обеспечение интеграции научного и образовательного потенциалов;
- концентрация ресурсов на приоритетных направлениях, обеспечивающих реализацию конкурентных преимуществ российского сектора исследований и разработок на мировом рынке;
- увеличение доли внебюджетных средств во внутренних затратах на исследования и разработки;

- рост бюджетной обеспеченности научных работников в академическом секторе науки.

2. Создание эффективной инновационной инфраструктуры, обеспечивающей трансфер результатов сферы исследований и разработок в российскую и глобальную экономику:

- формирование технологической инфраструктуры, включающей технико-внедренческие зоны, технопарки, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, инжиниринговые центры, центры трансфера технологий и т.п.
- расширение поддержки организаций, занимающихся коммерциализацией R&D, стимулирование формированию долгосрочных партнерств (twinning arrangements) таких структур с аналогичными организациями из стран ОЭСР;
- укрепление финансовых институтов, обеспечивающих непрерывность финансирования бизнес-проектов на всех стадиях инновационного цикла, в первую очередь «посевных» и венчурных технологических фондов;
- Создание благоприятных условий для развития малого инновационного бизнеса, в т.ч. за счет снижения общих административных барьеров для формирования новых предприятий.

3. Развитие институтов использования и защиты прав интеллектуальной собственности:

- Совершенствования нормативно-правовой базы, в частности нормативного закрепления рационального порядка приобретения прав на результаты научно-технической деятельности, созданные за счет бюджета.

4. Модернизация экономики на основе технологических инноваций:

- Стимулирование расширения объемов корпоративных НИОКР; в т.ч. в рамках более общего стимулирования спроса в предпринимательском секторе на инновации: отнесение на себестоимость расходов корпораций на НИОКР – одна из мер такого стимулирования;
- Содействие импорту передовых технологий; дальнейшее развитие налоговых инструментов стимулирования инновационной

деятельности, в том числе на основе передового зарубежного опыта;

- Внедрение механизмов поддержки региональных инновационных кластеров;
- Доведение до потенциального потребителя информации по исследовательским работам госсектора науки;
- Участие бизнеса в выборе технологических приоритетов;
- Разработка мер технического регулирования, учитывающих лучшую мировую практику и соответствующую требованиям международных соглашений; долгосрочным стратегическим приоритетом является сближение российских стандартов с международными, в т.ч. как часть процессов вступления России в ВТО и ОЭСР;
- Координация планов технологической модернизации государственных корпораций.

Совершенствование принципов государственной поддержки для инноваций. Эффективная инновационная политика должна сочетать меры по улучшению хозяйственной среды для компаний и организаций с политикой по совершенствованию системы образования на всех уровнях и с предоставлением прямой финансовой поддержки компаниям, занятым в сфере исследований и разработок (R&D). Однако решение задачи эффективного использования средств государственной поддержки сегодня сталкивается с рядом серьезных препятствий, связанных с возможной коррупцией, лоббизмом и слабой подотчетностью получателей бюджетных средств. В мировой практике следующие направления бюджетной финансовой поддержки инновационных компаний продемонстрировали свою эффективность:

- Дифференциация видов поддержки по стадиям инновационного цикла с разделением мини-грантов для начальной (поисковой) стадии работ от более значительной помощи на последующих этапах
- Софинансирование (matching grants) частных расходов на R&D, направленное на а) стимулирование расширения инвестиций ча-

стного сектора и б) формирование совместных проектов с участием исследовательских и производственных организаций.

- Стимулирование создания партнерств, в т.ч. между производственными, исследовательскими и образовательными организациями. Поскольку инновации обычно возникают в процессе сотрудничества участников, имеющих различные представления и опыт в смежных областях, то соединение усилий таких участников в процессе R&D особенно перспективно. При этом считается принципиально важным, что будущие пользователи инноваций должны напрямую участвовать в финансировании и реализации инновационных проектов.
- Софинансирование венчурной индустрии. Например, в Корею государство традиционно финансирует до 30% суммарных инвестиций в венчурный бизнес, и кроме того широко использует другие инструменты поддержки этого сектора (налоговые льготы, гарантии по банковским кредитам, создание специализированного банка по кредитованию проектов в сфере R&D).
- Вместе с тем отмечается, что с точки зрения малого бизнеса, предоставление поддержки в форме бюджетных грантов имеет значительно больший стимулирующий эффект, чем предоставление налоговых льгот (которые более привлекательны для крупных корпораций).
- Типичные принципы, на которых строятся программы предоставления бюджетных инновационных грантов, включают:
 - i. Конкурсный доступ к финансированию;
 - ii. Внешняя, включая международную, экспертиза грантовых заявок;
 - iii. Ясность юридических и административных процедур;
 - iv. Прозрачность, публикация результатов конкурсов и основных итогов выполненных работ;
 - v. Консультации с бизнес и исследовательскими организациями по формированию механизмов конкурсов;
 - vi. Широкий тематический охват соответствующих конкурсов, направленный на участие исследователей и предпринимателей, ра-

- ботающих по разным направлениям. Узкоотраслевые специализированные программы поддержки считаются неэффективными;
- vii. Финансирование усилий, направленных как на генерацию новых инноваций, так и на адаптацию уже существующих новшеств для новых областей;
- viii. Стимулирование коммерциализации существующих инноваций, созданных малым бизнесом (например, софинансирование маркетинговых мероприятий).

Некоторые приоритетные направления совершенствования условий хозяйствования для российских инновационных организаций:

- Расширить возможности исследовательских организаций по самостоятельному (гибкому) использованию бюджетных средств, выделенных для проведения R&D, в т.ч. для интенсификации международных контактов и повышения квалификации своих сотрудников
- Создать дополнительные условия по участию российских компаний и организаций в совместных научно-технических проектах и программах со странами ОЭСР, прежде всего со странами Европейского Союза³⁸. В частности, расширить возможности для участия российских организаций в программах, финансируемых Европейским институтом инноваций и Технологий (EIT). Поощрять развитие совместных программ обучения и повышения квалификации, формирование конкретных партнерств по таким приоритетным направлениям как, например, улучшение эффективности управления бизнес инкубаторов, коммерциализация инноваций.
- Облегчить условия для коммерциализации инноваций, созданных с участием бюджетных средств. Упростить и сделать более гибкими систему правил, позволяющих исследовательским ор-

³⁸ Анализ показывает высокую продуктивность международного сотрудничества в области R&D. В последние годы более половины всех патентов, полученных в США разработчиками из Восточной Европы, приходится на результаты работ в рамках международных проектов со странами ОЭСР.

ганизациям продавать результаты соответствующих исследований.

- Предпринять дальнейшие шаги по повышению конкурентности механизма государственных закупок, прежде всего конкурсов на проведение прикладных научно-исследовательских работ. Обеспечить обязательную публикацию (в сети интернет) итогов таких конкурсов, а также расширить доступ к базовой информации о результатах работ, выполненных в рамках государственных заказов.
- Обеспечить постепенное изменение в структуре бюджетного финансирования R&D с целью повышения доли прикладных исследований
- Упростить правила для временного найма на работу иностранных исследователей и другого высококвалифицированного персонала
- Ускорить модернизацию инфраструктуры инноваций в части укрепления национальных систем метрологии, стандартизации, контроля качества и т.д.

Библиография

Acemoglu, Daron (2003) Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics, *Journal of Comparative Economics*, Vol. 31: 620–652.

Acemoglu, Daron, Simon Johnson, James Robinson (2001) The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation, *American Economic Review*, Vol. 91: 1369–1401.

Acemoglu, Daron, Simon Johnson, James Robinson, Yuyong Thaicharoen (2003) Institutional Causes, Macroeconomic Symptoms: Volatility, Crises and Growth, *Journal of Monetary Economics*, Vol. 50: 49–123.

Ahrens, Joachim, Martin Meurers (2000) Institutions, Governance, and Economic Performance in Post-Socialist Countries: A Conceptual and Empirical Approach. 4th International Conference. *Institutions in Transition*, 23–24 lipanj, Portoro, Slovenija.

Anderson, James H., David S. Bernstein, Cheryl W. Gray (2005) *Judicial Systems in Transition Economies. Assessing the Past, Looking to the Future*. World Bank. Washington, DC.

Anderson, James H., Cheryl W. Gray (2006) Anticorruption in Transition – 3. Who is Succeeding and Why? World Bank. Washington, DC.

Annett, Anthony (2006) Reform in Europe: What Went Right? *Finance and Development*. Volume 43, Number 3. September.

Barro, Robert J. (1996) Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study, NBER Working Paper No. 5698.

Barro, Robert J., Jong-Wha Lee (2001) International Data on Educational Attainment: Updates and Implications. *Oxford Economic Papers*.

Barro, Sala-i-Martin (2004) *Economic Growth*, MIT.

Beck, Thorsten, Luc Laeven (2005) Institution Building and Growth in Transition Economies. CEPR Discussion Papers 5718.

Beck, Thorsten, Ross Levine (2004) Legal Institutions and Financial Development, NBER Working Paper No. 10417.

Beck, Thorsten, Asli Demirguc-Kunt, Ross Levine, Vojislav Maksimovic (2001) *Financial Structure and Economic Development: Firm, Industry, and Country Evidence in Financial Structure and Economic Growth*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.

Berg, Andrew, Eduardo Borenzstein, Ratna Sahay, Jeromin Zettelmeyer (1999) "The Evolution of Output in Transition Economies: Explaining the Differences," IMF Working Paper 99/73.

Berkowitz, Daniel, Katharina Pistor, Jean-Francois Richard (2003) "The Transplant Effect," *The American Journal of Comparative Law*, Vol. 51, No. 1.

Braudel, Fernand (1972) *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. New York: Harper & Row.

Braudel, Fernand (1981–1984) *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century*. London: Collins. 3 volumes.

Brunetti, Aymo, Gregory Kisunko, Beatrice Weder (1997) *Institutions in Transition. Reliability of Rules and Economic Performance in Former Socialist Countries*. World Bank Policy Research Working Paper 1809.

Calvo, Guillermo, Fabrizio Coricelli (1993) "Output Collapse in Eastern Europe: The Role of Credit," *IMF Staff Papers*, 40:1, pp. 32–52.

Castanheira, Micael, Vladimir Popov (2000) *Political Economy of Growth in Transition Countries*. mimeo, ECARES.

Clague, Christopher. (ed.) (1997) *Institutions and Economic Development: Growth and Governance in Less-Developed and Post-Socialist Countries*. Baltimore and London: John Hopkins University Press.

Deardorff, Alan (1998) "Determinants of Bilateral Trade: Does Gravity Work in a Neoclassical World?" in *The Regionalization of World Economy* / Ed. by Frankel Jeffrey, Chicago University Press.

De Melo, Martha, Alan Gelb (1997) "Transition to Date: A Comparative Overview," in Salvatore Zecchini, (Ed.) *Lessons from the Economic Transition: Central and Eastern Europe in the 1990s*. Dordrecht: Kluwer, pp. 59–78.

Demirguc-Kunt, Asli, Ross Levine (2001) *Financial Structure and Economic Growth*, Cambridge, MA: MIT Press.

Denizer, Cevdet (1997) *Stabilization, Adjustment, and Growth Prospects in Transition Economies*. World Bank Policy Research Working Paper 1855.

Dethier, Jean-Jacques, Hafez Ghanem, Edda Zoli (1999) *Does democracy facilitate the economic transition: an empirical study of Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union*. Policy Research Working Paper No. 2194 (Washington: The World Bank).

Diamond, Jared. (1997) *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. New York: WW Norton.

Easterly, William, Jozef Ritzan, Michael Woolcock (2006) *Social Cohesion, Institutions, and Growth*. Working Papers 94, Center for Global Development.

Easterly, William, Ross Levine (2003) *Tropics, Germs, and Crops: the role of endowments in economic development*. *Journal of Monetary Economics*, 50:1.

Frankel, Jeffrey (1997) *Regional Trading Blocs*, Washington DC: Institute for International Economics.

Fidrmuc, Jan (1999) *Liberalization, Democracy and Economic Performance during Transition*, mimeo, ZEI.

Fischer, Stanley, Ratna Sahay, Carlos Vegh (1996a) *Economies in Transition: The Beginnings of Growth*, *American Economic Review (Papers and Proceedings)* 86: 2, pp. 229–233.

Fischer, Stanley, Ratna Sahay, Carlos Vegh (1996b) *Stabilization and Growth in Transition Economies: The Early Experience*, *Journal of Economic Perspectives* 10:2, pp.45–66

Gallup, John, Jeffrey Sachs, Andrew Mellinger (1999) *Geography and Economic Development*, *International Regional Science Review*, Vol. 22: 179–232.

Hall, Roy, Charles Jones (1999) *Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker Than Others?* *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 114, 1: 83–116.

Hausmann, Ricardo, Lant Pritchett, Dani Rodrik, *Growth Accelerations*, *Journal of Economic Growth*, 10(4), December 2005, 303–329.

Havrylyshyn, Oleh, Thomas Wolf, Julian Berengaut, Marta Castello-Branco, Ron van Rooden, Valerie Mercer-Blackman (1999) «Growth Experience in Transition Countries: 1990–98», IMF Occasional Paper 184.

Havrylyshyn, Oleh, Ron van Rooden (2000) Institutions Matter in Transition, but so do Policies” IMF Working Paper 00/70.

Helpman, Elhanan, Paul Krugman (1985) Market Structure and Foreign Trade, MIT Press.

Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, Pablo Zoido-Lobaton (1999a) Aggregating Governance Indicators. World Bank Research Working Paper 2195.

Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, Pablo Zoido-Lobaton (1999b) Governance Matters. World Bank Research Working Paper 2196.

Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, Massimo Mastruzzi (2006) Governance Matters V: Governance Indicators for 1996–2005. World Bank Research Working Paper 4012.

Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, Massimo Mastruzzi (2007) Governance Matters VI: Governance Indicators for 1996–2006. World Bank Policy Research Working Paper 4280.

Keefer, Philip, Stephen Knack (1997). Why Don't Poor Countries Catch Up? A Cross-National Test of Institutional Explanation. *Economic Inquiry* 35: 590–602.

King, Robert G., Ross Levine (1993a) Finance, Entrepreneurship, and Growth: Theory and Evidence. *Journal of Monetary Economics*, December, 32(3), 513–542.

King, Robert G., Ross Levine (1993b) Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 108, August, 717–738.

Lindner, Ines, Holger Strulik (1999) Property Rights and Growth.

Mau, Vladimir, Konstantin Yanovskiy (2002) Political and Legal Factors of Economic Growth in Russian Regions. *Post-Communist Studies*, Vol.14, No. 3.

Mauro, Paulo (1995) Corruption and Growth, *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 110.

McDowell, Andrew (2002) Ireland's competitive advantage. Presentation, May 14. FORFAS, Dublin.

Moers, Luc (1999) How important are institutions for growth in transition countries? Tinbergen Institute Discussion Paper: 99-004/2.

North, Douglas, Robert P. Thomas (1973) *The Rise of the Western World: A New Economic History*, Cambridge: Cambridge University Press

Olson, Mancur (2000) *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*, Basic Books.

Popov, Vladimir (1999) *Shock Therapy versus Gradualism: Explaining the Magnitude of the Transformational Recession*, mimeo, Carleton University.

Prasad, Eswar, Raghuram Rajan, Arvind Subramanian (2006) *Foreign Capital and Economic Growth*, IMF.

Pushak, Taras, Erwin R. Tiongson, Aristomene Varoudakis (2007) *Public Finance, Governance, and Growth in Transition Economies: Empirical Evidence from 1992–2004*. World Bank Policy Research Working Paper 4255

Putnam, Robert, John Helliwell (1995) Economic growth and social capital in Italy, *Eastern Economic Journal*, Summer.

La Porta, Rafael, Florencio Lopez-de-Silanes, Cristian Pop-Eleches, Andrei Shleifer (2004). *Judicial Checks and Balances*. *Journal of Political Economy*, vol. 112(2), 445–470.

Raiser, Martin, Christian Haerpfer, Thomas Nowotny, Claire Wallace (2001). *Social Capital in Transition: A First Look at the Evidence*, EBRD Working Paper 61.

Rajan, Raghuram G., Luigi Zingales (1998) *Power in a Theory of the Firm*. CEPR Discussion Papers 1777.

Redding, Stephen, Anthony Venables (2000) *Economic Geography and International Inequality: Discussion Paper 2568*, Center for Economic Policy Research.

Rodrik, Dani (1999) Where did all the growth go? External shocks, social conflicts, and growth collapses, *Journal of Economic Growth* 4(4): 385–412.

Rodrik, Dani, Arvind Subramanian, Francesco Trebbi (2002) *Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development*, NBER Working Paper No. 9305.

Rodrik, Dani (2003) *In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth*. Princeton University Press.

Rodrik, Dani (2006) *Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? A Review of the World Bank's Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform*. *Journal of Economic Literature* 44 (4): 973–987.

Roland, Gérard (2000) *Transition and Economics: Politics, Firms, Markets*, Cambridge: MIT Press.

Roll, Richard, John Talbott (2001) *Why Many Developing Countries Just Aren't*, The Anderson School at UCLA, Finance Working Paper No. 19–01, November 13

Sachs, Jeffrey, Andrew Warner (1995) *Economic Reform and the Process of Global Integration*, *Brookings Papers on Economic Activity*, 1: 1–95.

Sachs, Jeffrey (2003) *Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income*, NBER Working Paper No. W9490.

Selowsky, Marcelo, Ricardo Martin (1997) *Policy Performance and Output Growth in the Transition Economies*, *American Economic Review (Papers and Proceedings)* 87: 2, pp. 349–53.

Shleifer, Andrei, Rafael La Porta, Florencio Lopez-de-Silanes, Robert Vishny (1997) *Legal Determinants of External Finance*, *Journal of Finance*.

Shleifer, Andrei, Rafael La Porta, Florencio Lopez-de-Silanes, Robert Vishny (1998) *Law and Finance*, *Journal of Political Economy*.

Shleifer, Andrei, Edward Glaeser, Rafael La Porta, Florencio Lopez-de-Silanes (2004) *Do Institutions Cause Growth?* *Journal of Economic Growth*, 9:271–303.

Tinbergen, Jan (1962) *Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy*, Twentieth Century Fund

Wurgler, Jeffrey (2000) *Financial markets and the allocation of capital*, *Journal of Financial Economics*, Vol. 58(1-2): 187–214.

ИЭПП (2007) *Российская Экономика в 2007 году*. Москва.

Лебедева Надежда (2007) Рост неоднородности в сфере культуры и его следствия для экономического развития. Москва. ГУ ВШЭ. Неопубликованная рукопись.

Мау Владимир, Яновский Константин, Жаворонков Сергей и др. (2003) Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. М.: ИЭПП, Научные труды №68.

Радыгин Александр, Энтов Револьд, Межераупс Ирина (2003) Особенности формирования национальной модели корпоративного управления М.: ИЭПП, Научные труды №53.

Фрейнкман Лев, Владимир Дашкеев (2008) Россия в 2007 году: риски замедления экономического роста на фоне сохраняющейся институциональной стагнации // Вопросы экономики, 2008, 4, с. 75–93.

Юдаева Ксения (2007) Деловой климат и конкурентоспособность: можно ли считать безобидными институциональные проблемы в России? Неопубликованная рукопись.

Приложение 1. Оценки уровня институционального развития России на основе международных индикаторов³⁹

В данном разделе приводится обзор наиболее распространенных индексов качества рыночной и государственной инфраструктуры. С помощью этих индексов анализируется уровень институционального развития и его динамика в постсоциалистической России, а также проводится сравнения России с другими странами с переходной экономикой⁴⁰ – бывшими республиками СССР и странами Центральной и Восточной Европы, а также с рядом других развитых и развивающихся стран, среди которых страны-лидеры экономического роста (США, Канада, Великобритания, Франция), страны Южной Европы (Испания, Португалия, Греция), а также крупные страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Мексика). Важно отметить, что в разделе описываются только те рейтинги (индексы), которые фокусируются (хотя бы частично) на экономических институтах – таким образом, здесь почти не рассматриваются исследования, касающиеся преимущественно политических и общегражданских аспектов институциональных изменений.

К сожалению, не все рассматриваемые нами индексы находятся в открытом доступе и публикуются на регулярной основе. Поэтому анализ некоторых рейтингов проводится только по последним доступным данным – без ретроспективной оценки институциональных изменений.

³⁹ При написании раздела использованы материалы, подготовленные И. Мазеевым.

⁴⁰ Конкретная выборка рассматриваемых в данном разделе постсоциалистических стран меняется от индекса к индексу, что объясняется различиями в охвате стран отдельными институциональными индексами.

А. Индекс экономических свобод (Heritage Foundation Economic Freedom of the World)

Индекс экономических свобод публикуется американским институтом Heritage Foundation (www.heritage.org) с 1995 г. и призван отразить наиболее значимые для экономического роста институциональные характеристики различных стран. Частота публикации индексов – 1 раз в год. Индекс экономических свобод акцентирует внимание, прежде всего, на негативных последствиях государственного вмешательства в экономику и необходимости эффективной защиты прав собственности. В 2006 г. индекс оценивался для 164 стран (в 1995 г. было проанализировано 102 страны).

Сводный индекс экономических свобод консолидирует 50 различных показателей, которые объединены в 10 основных групп:

- торговая политика (1)
- налоговая нагрузка (2)
- государственное вмешательство в экономику (3)
- монетарная политика (4)
- движение капиталов и иностранные инвестиции (5)
- банковский и финансовый сектор (6)
- регулирование заработной платы и цен (7)
- права собственности (8)
- прочие формы регулирования (лицензирование, экология и проч.) (9)
- неформальный сектор экономики (10)

Каждая из групп получает промежуточный рейтинг, на основе которого рассчитывается сводный индекс (промежуточные индексы при этом складываются с равными весами). Каждый индивидуальный рейтинг измеряется по шкале от 1 до 5 (чем ниже значение показателя, тем лучше национальные условия хозяйствования). В качестве исходных данных для оценки используются как «жесткие» показатели (официальная социально-экономическая статистика и объективные дамми-переменные, например, наличие либо отсутствие какого-либо закона, ограничения и т.д.), так и «мягкие» показатели (экспертные оценки сторонних организаций). Например, для

оценки защиты прав собственности используется отчеты департамента торговли США, а также данные из докладов о состоянии прав человека Госдепартамента США.

Лидерами рейтинга в 2006 г. были: Гонконг (1,28), Сингапур (1,56), Ирландия (1,58), Люксембург (1,60) и Исландия (1,74).

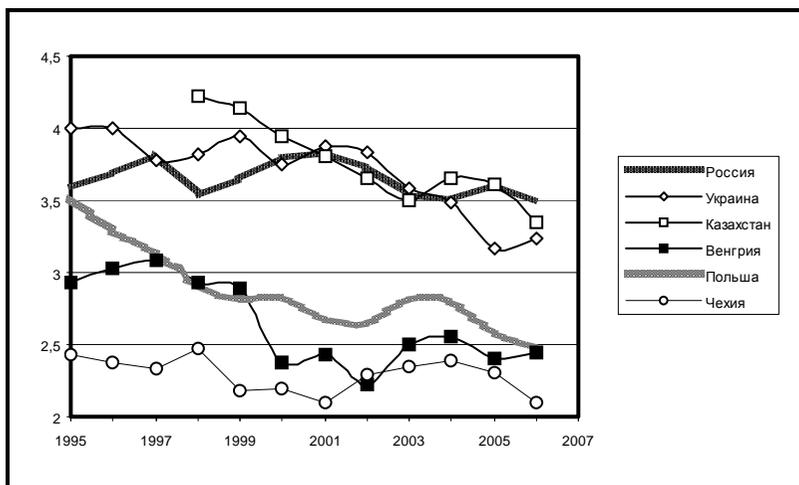

Рис. 1. Индекс экономических свобод Heritage Foundation России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1995–2006 гг. (снижение индекса соответствует повышению уровня свободы)

Россия занимала в 2006 г. 122-е место из 166 стран с общим рейтингом 3,50. На протяжении всего периода наблюдений (с 1995 по 2006 г.) практически наблюдалась стагнация индекса для России (рис. 1). При этом позитивные тенденции отмечались по таким параметрам как налоговая нагрузка на экономику, торговая политика и государственное вмешательство (рис. 2). Несколько улучшились показатели денежно-кредитной политики в 2005–2006 гг. – 3,0 против 4,0 на всем предшествующем периоде. Оценки по таким разделам как регулирование рынка труда и состояние неформального сектора

оставались неизменными. Оценки по прочим показателям, включая иностранные инвестиции, защиту прав собственности, банковский сектор, характеризовались негативной динамикой. Вместе с тем следует обратить внимание на определенное улучшение индекса для России между 2001 и 2005 гг. (сокращение примерно с 3,8 до 3,5), однако это не привело к сколько-нибудь заметному сокращению разрыва в оценках со странами Восточной Европы.

Относительно сравниваемой группы стран Россия имеет очень высокое (т. е. непривлекательное) значение индекса (*рис. 3*). Из всех государств СНГ, за исключением среднеазиатских республик, Россия опережает лишь Белоруссию. Существенно лучше показатели у стран Центральной и Восточной, а также Южной Европы. Крупные латиноамериканские страны (Аргентина и Мексика), согласно данному индексу, также превосходят Россию по уровню экономических свобод.

Обращает внимание позитивная динамика этого индекса, продемонстрированная странами, являющимися новыми членами ЕС, особенно Польшей (*рис. 1*). В середине 90-х годов Польша находилась на том же уровне экономических свобод, что и Россия, а в настоящее время разрыв между двумя странами составляет 1 балл по 5-ти бальной шкале. Уровень экономической свободы в Чехии сегодня весьма близок к уровню Германии и значительно превышает уровень Франции. В дополнение отметим, что Казахстан, заметно отстававший от России по оценкам в конце 90-х годов, значительно улучшил свою позицию и к 2007 г. несколько опередил Россию.

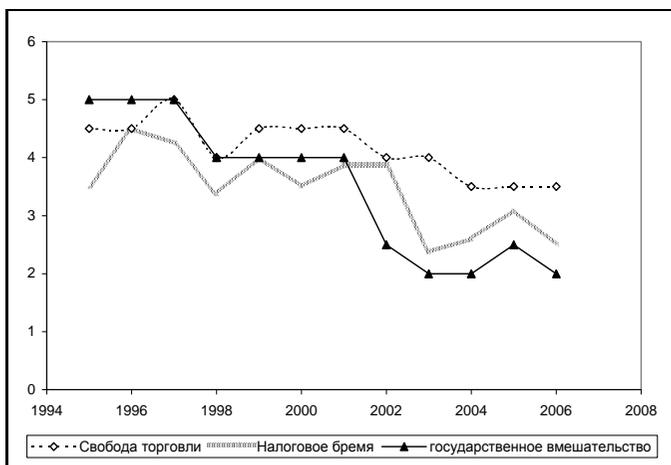

Рис. 2. Некоторые составляющие индекса экономических свобод России в 1995–2006 гг. (снижение индекса соответствует повышению уровня свободы)

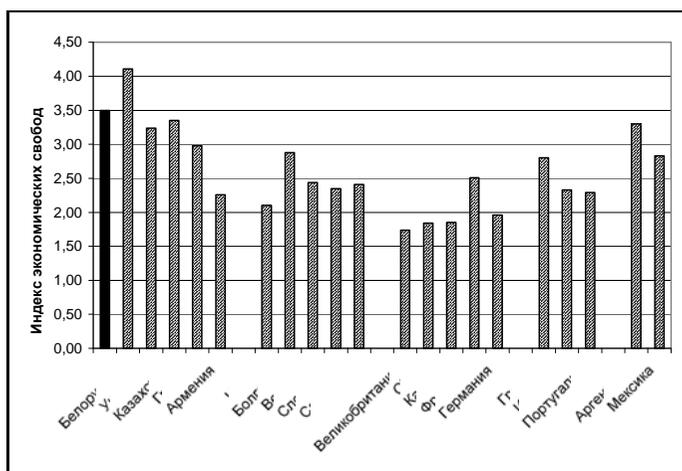

Рис. 3. Индекс экономических свобод Heritage Foundation в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (меньшее значение индекса соответствует большему уровню свободы)

Б. Рейтинг экономических свобод Fraser Institute

Институциональный рейтинг, публикуемый Институтом Фрейзера (www.fraser.org, <http://www.freetheworld.com>), также носит название индекса экономической свободы. Институт является неправительственной организацией и расположен в Канаде. Основная идея индекса состоит в оценке различий в степени предпринимательской свободы и открытости рынков между странами. При анализе экономической свободы основное внимание уделяется таким аспектам как свобода индивидуального выбора, свобода рыночного обмена, свобода входа на рынок и конкуренции, а также эффективность защиты граждан и их собственности. Впервые индекс был опубликован в 1996 г. и охватывал 1975–1995 гг. по пятилетним периодам. Позднее была сделана ретроспективная оценка за 1970 г. и с 2001 г. данные начали публиковаться ежегодно. В отчете, опубликованном в 2007 г., представлены значения индекса для 2005 г. Также как и Heritage Foundation, институт занимает либертарианскую позицию и считает наиболее благоприятными условия с наименьшим государственным вмешательством и эффективно защищенными правами собственности.

Интегральный индекс экономической свободы Института Фрейзера состоит из 5 компонентов:

- Размеры правительства (доля государственных расходов в ВВП, доля трансфертов и субсидий в ВВП).
- Правовая система, спецификация и защита прав собственности.
- Надежность финансовой системы.
- Свобода международной торговли.
- Регулирование кредитования, рынка труда и предпринимательской деятельности.

Каждый из компонентов представляет собой интегральную оценку группы показателей и измеряется по шкале от 1 до 10. Компоненты интегрируются в общий индекс с равными весами. Большая часть исходных данных для индекса собирается из публикаций других организаций (Всемирный Банк, МВФ, Всемирный Экономический Фо-

рум и т.д.). При этом у института Фрейзера есть партнерские исследовательские центры, которые представляют необходимые экспертные заключения и данные, в странах, которым присваиваются рейтинги. В России, к примеру, в качестве такого центра выступает Институт экономического анализа.

Лидирующие позиции в индексе Фрезера в 2005 г. занимали Гонконг (8,9) и Сингапур (8,8), на третьем месте – Новая Зеландия (8,5). Россия в 2005 г. имела значение индекса 5,8 и занимала 112-ю позицию в рейтинге из 141 страны, разделяя ее с Украиной, Бенином, Колумбией и Эквадором. Это является низким значением индекса как в сравнении с другими странами с переходной экономикой (*рис. 4*), так и в сравнении с ключевыми группами стран (*рис. 5*). Для России можно отметить устойчивый положительный тренд в период с 1995 по 2005 гг. При этом Россия, равно как и Украина, имеет значение индекса, которое существенно ниже, чем для стран Балтии и Центральной и Восточной Европы, и сокращение этого разрыва в целом происходит очень медленно. Если в 2000 г. значения индекса для России и Болгарии почти совпадали, то к 2005 г. Болгария опережала Россию более чем на балл по 10-ти бальной шкале. Отметим также, что для всех рассматриваемых стран с переходной экономикой индекс экономических свобод имеет тенденцию к росту в целом за рассматриваемый период (наиболее быстрый рост с 1995 по 2005 гг. имела Болгария).

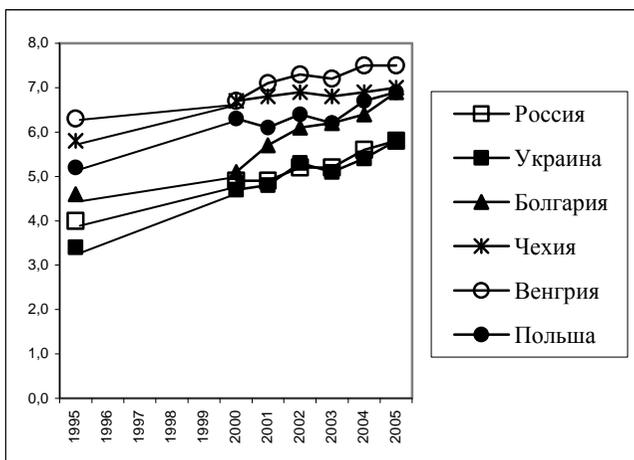

Рис. 4. Индекс экономических свобод Fraser Institute в России и других странах с переходной экономикой в 1995–2005 гг. (большее значение индекса соответствует большему уровню свободы)

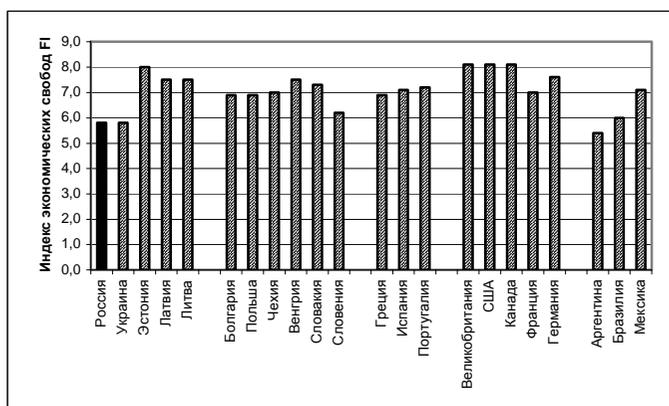

Рис. 5. Индекс экономических свобод Fraser Institute в 2005 году. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует большему уровню свободы)

В. Международный справочник страновых рисков (International country risk guide, ICRG)

Рейтинг ICRG был предложен в 1980 г. редакторами международных отчетов (International Reports), а также широко известных еженедельных информационных бюллетеней по вопросам международных финансов и экономики. Данный рейтинг представляет собой систему индексов, на основе которой измеряются различные типы рисков и проводятся межстрановые сравнения. Система базируется на 22 компонентах, характеризующих три основных группы рисков: политический, финансовый и экономический.

Далее рассмотрим некоторые компоненты, положенные в основу рейтинга политического риска. Оценка политического риска отражает уровень политической стабильности в стране и основана на 12 компонентах (и 15 субкомпонентах). Минимальным значением, которое может быть присвоено каждой из составляющих компонент, является ноль, максимальное – зависит от веса компоненты в итоговом индексе политического риска (максимальная сумма значений всех компонент индекса политического риска равна 100), причем большее значение соответствует меньшей степени риска. Значения присваиваются на основе имеющейся информации о политическом развитии той или иной страны согласно заранее определенному списку вопросов. Кроме того, количественные показатели рисков сопровождаются специальными сопроводительными документами описательного характера. Исследования проводятся на ежемесячной основе для 140 стран, годовые показатели являются средневзвешенными значениями месячных значений.

Индекс антикоррупционного контроля (Corruption)

Данный индекс оценивает уровень коррупции внутри политической системы. Коррупция такого рода негативно влияет на предпочтения иностранных инвесторов, мешает здоровому развитию экономической и финансовой систем, сокращает эффективность государ-

ственного управления и бизнеса, а также подрывает политическую стабильность в государстве.

Индекс антикоррупционного контроля измеряется по шкале от 0 до 6.

Лидером среди стран с переходной экономикой (*рис. 6*) на протяжении всего периода является Венгрия (в 2007 г. значение индекса составило 3,00). Россия в 2007 г. по величине индекса занимала седьмое место в группе вместе с Украиной, Болгарией и рядом других стран (2,00), на последнем месте находится Казахстан (1,50). Отметим, что тенденция изменения индекса антикоррупционного контроля является общей для всех стран (*рис. 6*): с 1993 г. (для Украины и Казахстана с 1998 и 1999 гг. соответственно) значение индекса падает вплоть до 2002 г., а с 2003–2004 гг. наблюдается стабилизация (в России – постепенное увеличение) значения показателя. Наиболее резкое снижение индекса в России начинается с 1996 г., тогда как в остальных странах – только с 1999–2000 гг. Ни для одной из рассматриваемых стран значение индекса не достигло величины 1993 г. (1998 и 1999 гг. соответственно для Украины и Казахстана), и значения индекса за последние годы свидетельствуют о стабилизации показателя, нежели о сохранившейся тенденции к его увеличению.

При сопоставлении России с ключевыми группами стран можно отметить, что Россия имеет низкое значение показателя (2,00). Лидерами являются Германия (5,00) и Канада (5,00). Страны СНГ отличаются самым низким средним показателем среди рассматриваемых групп стран, наименьшими значениями характеризуются Казахстан (1,50) и Армения (1,50). В странах Балтии, Восточной Европы и Латинской Америки значение индекса варьируется от 2,00 до 3,00. Отметим, что ни одна из представленных на *рис. 7* стран не достигла максимального значения показателя.

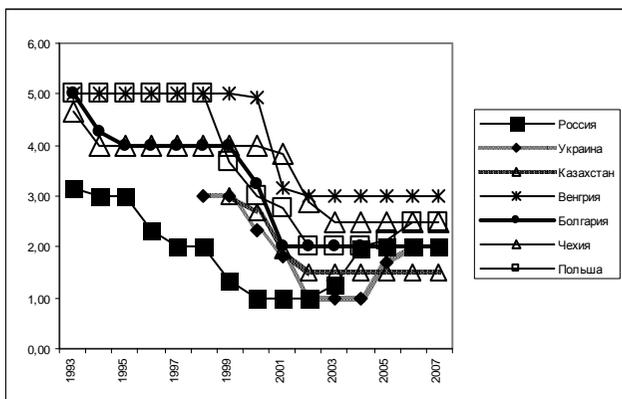

Рис. 6. Индекс антикоррупционного контроля в России и в некоторых странах с переходной экономикой в 1993—2007 гг.⁴¹ (большее значение индекса соответствует меньшей степени риска, связанного с коррупцией внутри политической системы)

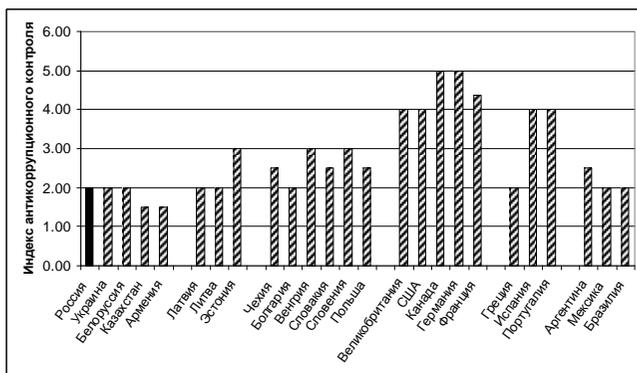

Рис. 7. Индекс антикоррупционного контроля в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует меньшей степени риска, связанного с коррупцией внутри политической системы)

⁴¹ Данные по Украине и Казахстану доступны только с 1998 и 1999 гг. соответственно.

Индекс условий инвестирования (Investment Profile)

Этот показатель оценивает факторы, оказывающие влияние на связанный с инвестиционными вложениями риск, который не характеризуется политическими, экономическими и финансовыми компонентами. Индекс Investment Profile является суммой значений трех подкомпонент, каждая из которых может принимать значение от 0 до 4 (большее значение соответствует более низкой степени риска). Таким образом, рассматриваемый показатель принимает значения в интервале от 0 до 4 включительно.

Составляющие индекса характеризуют:

- Жизнеспособность / вероятность экспроприации контрактов (Contract Viability/Expropriation);
- Репатриацию прибылей (Profits Repatriation);
- Задержки платежей (Payment Delays).

В 2007 г. лидерами (среди рассматриваемых стран с переходной экономикой – *рис. 8*) по данному показателю были Болгария (11,50) и Чехия (11,50), наименьшее значение имела Украина – (8,00), величина индекса для России составила 8,67. Отметим, что на Украине, Чехии, Венгрии и Польше 2000-й г. был ознаменован резким падением индекса, тогда как в Казахстане значение индекса в 2000 г. возросло по сравнению с 1999 г. В России резкое снижение показателя пришлось на 1999 г. В целом, за рассматриваемый период значения индекса условий инвестирования возросли для всех стран группы, за исключением Казахстана, где после увеличения индекса в 2000 г. наметилась тенденция к снижению, сохранявшаяся до 2004 г.

Среди стран СНГ Россия занимает лидирующую позицию, тем не менее, при сравнении с ключевыми группами стран это значение является довольно низким. Максимальные значения индекса (*рис. 9*) имеют страны-лидеры экономического развития, что является положительной характеристикой инвестиционного климата в этих странах. Наименьшие показатели у Белоруссии (5,50) и Аргентины (6,50).

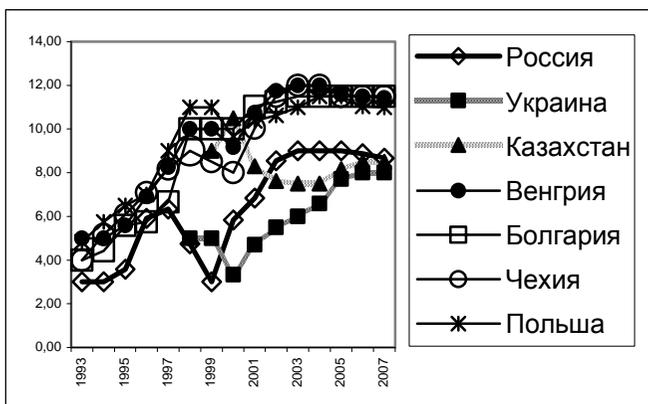

Рис. 8. Динамика индекса условий инвестирования в 1993–2007 гг. в России и некоторых других странах с переходной экономикой (большее значение индекса соответствует меньшей степени риска при осуществлении инвестиций)

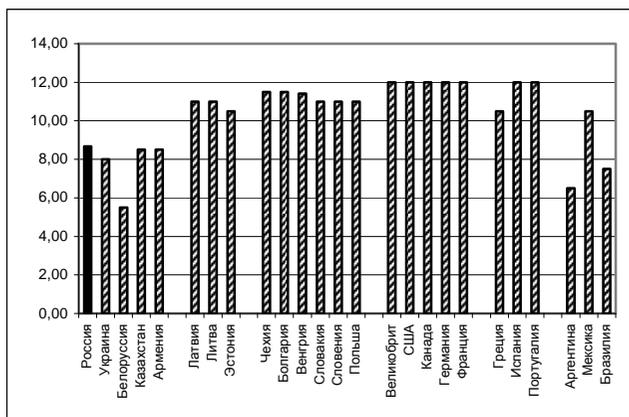

Рис. 9. Индекс условий инвестирования в 2007 году. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует меньшей степени риска при осуществлении инвестиций)

Индекс соблюдения законности и правопорядка (Law and Order)

В данном индексе субкомпоненты «законность» и «правопорядок» оцениваются раздельно по шкале от 0 до 3, и, следовательно, значения самого индекса находятся в интервале [0: 6]. Оценка соблюдения законности предполагает оценивание силы и беспристрастности законодательной системы, в то время как оценка соблюдения правопорядка представляет собой соблюдение обществом законодательных предписаний. Таким образом, может сложиться ситуация, когда стране присваивается высокий рейтинг по качеству законодательной системы, но низкий – по эффективности применения нормативно-правовых актов на практике в случае, если страна характеризуется высоким уровнем преступности, а игнорирование законов не влечет за собой никаких санкций.

Лидером по данному показателю в 2007 г. среди стран с переходной экономикой (*рис. 10*) являлась Чехия (5,00), наименьшее значение индекса наблюдалось у Болгарии, хотя в 1993 г. величины показателя у этих двух стран были одинаковы. В России в 2007 г. значение индекса составило (4,00), такие же значения имели Украина, Казахстан и Венгрия. Заметим, что в 1995–1996 гг. наблюдался рост индекса сразу в трех странах: России (1996 г.), Венгрии (1995–1996 гг.), Болгарии (1996 г.). Падение показателя в России пришлось на 1998 г., но с 2002 г. снова наметилась тенденция к росту, а с 2002 по 2007 г. значение индекса стабилизировалось на уровне 4,00. В период с 1997 по 2000 гг. значение показателя также снижалось в Венгрии, Польше, Болгарии, Чехии. С 2001 г. значения индексов для Венгрии и Чехии стабилизировались на уровне 4,00 и 5,00 соответственно.

Показатель России (4,00) является средним при сопоставлении с ключевыми группами стран (*рис. 11*). Страны Латинской Америки представляют собой группу с наименьшими значениями индекса (среднее значение по группе составляет 2,50). Ведущие позиции в 2007 г. принадлежали странам-лидерам экономического развития, среди которых максимально возможным значением характеризуется Канада. Заметим также, что в странах Восточной Европы значения

индекса лежат в интервале [4: 5], за исключением Болгарии, где величина показателя является минимальной в рассматриваемой группе стран и составляет 2,50.

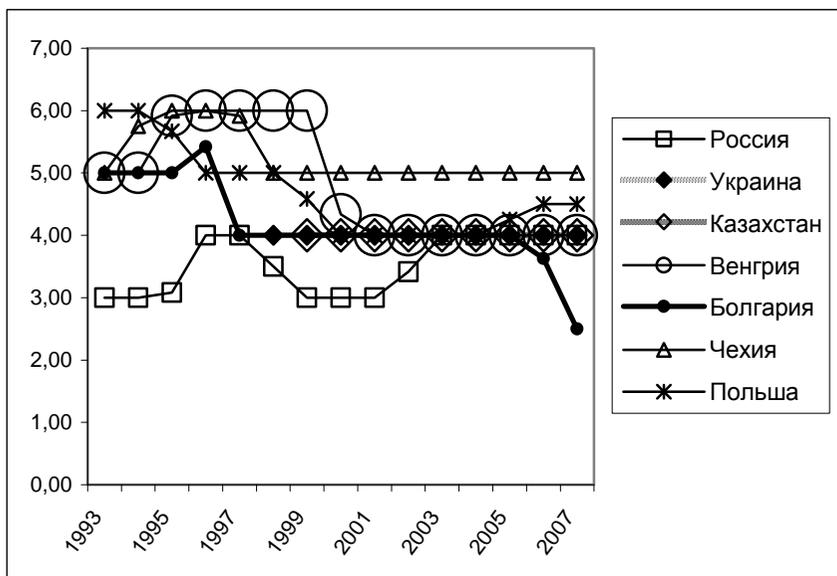

Рис. 10. Динамика индекса соблюдения законности и правопорядка в 1993–2007 гг. в России и некоторых других странах с переходной экономикой (большее значение индекса соответствует меньшей степени риска несоблюдения законности и правопорядка)

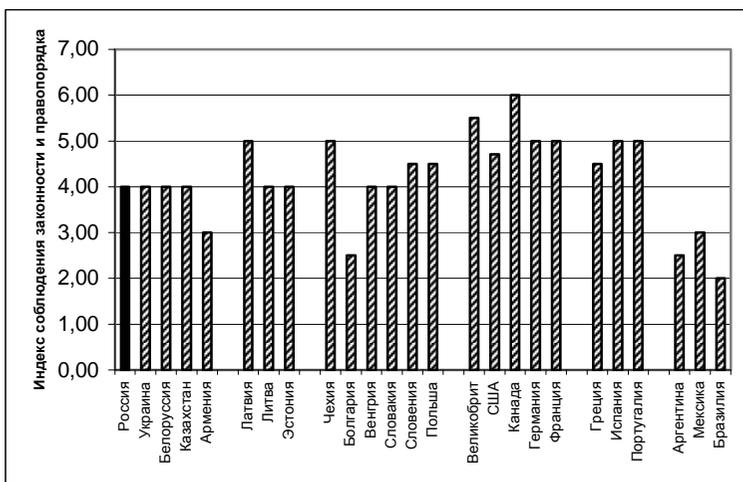

Рис. 11. Индекс соблюдения законности и правопорядка в 2007 году. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует меньшей степени риска несоблюдения законности и правопорядка)

Индекс качества деятельности бюрократического аппарата (Bureaucracy Quality)

Индекс качества деятельности бюрократического аппарата измеряется по шкале от 0 до 4.

Качество институциональной среды и эффективность бюрократического аппарата являются важными показателями стабильности того или иного государства. Поэтому высокие значения индекса присваиваются странам, где бюрократический аппарат обладает достаточными опытом и знаниями для осуществления своей деятельности без резких потрясений и отрицательных эффектов для населения. В таких странах бюрократический аппарат в некотором смысле независим от политического давления, кроме того, он характеризуется отлаженным механизмом набора сотрудников и повышения их профессионального уровня. Странам, где бюрократический

аппарат слабый (т. е. помимо низкой эффективности в выполнении текущих задач, смена правительства, например, может повлечь за собой массу негативных последствий, с которыми бюрократическая структура не в состоянии будет справиться) присваиваются низкие значения индекса.

Лидирующие позиции по индексу качества деятельности бюрократического аппарата занимают Венгрия, Чехия и Польша (4,00) (рис. 12), наименьшими значениями характеризуются Россия и Украина. Примечательно, что этот показатель является относительно стабильным; так в Чехии, Болгарии, Украине и Казахстане он не изменялся на протяжении всего рассматриваемого периода. В Польше и Венгрии с 1995 г. наметилась тенденция к росту индекса, но в конечном итоге величина показателя вернулась к исходному значению (1993 г.) для обеих стран. Что касается России, то величина индекса уменьшилась в два раза и стабилизировалась на уровне 1,00 с 1998 г.

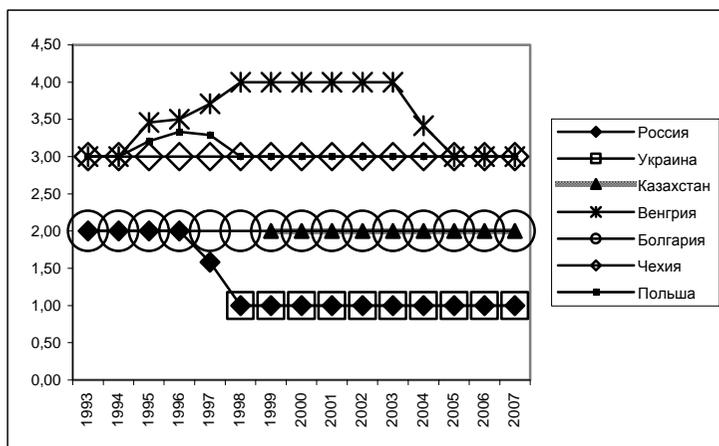

Рис. 12. Динамика индекса качества деятельности бюрократического аппарата в 1993–2007 гг. в России и некоторых других странах с переходной экономикой (большее значение индекса соответствует меньшей степени институционального риска, возникающего в результате неэффективной деятельности бюрократического аппарата)

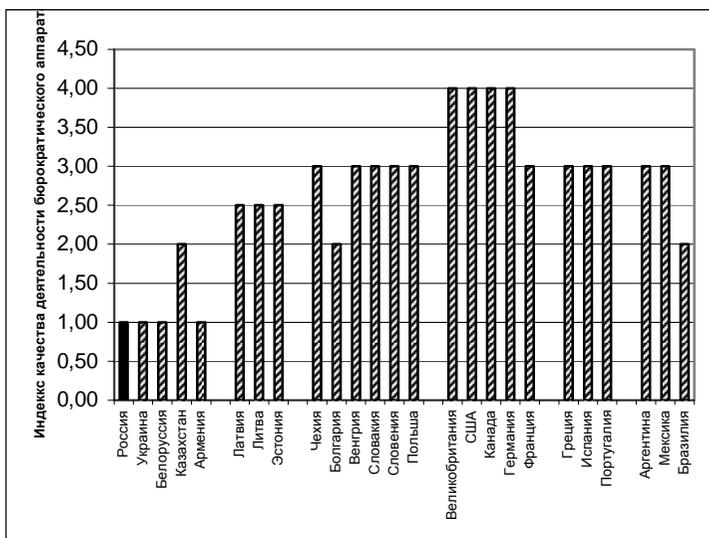

Рис. 13. Индекс качества деятельности бюрократического аппарата в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует меньшей степени институционального риска, возникающего в результате неэффективной деятельности бюрократического аппарата)

Текущее значение индекса качества деятельности бюрократического аппарата для России является крайне низким, особенно при сравнении с ключевыми группами стран (рис. 13). Здесь ведущие позиции, как и в случае с индексом соблюдения законности и правопорядка, занимают страны-лидеры экономического развития (в данной группе почти все страны обладают максимальным значением показателя). Среди стран СНГ значимо выделяется Казахстан, где величина индекса составляет 2,00, тогда как всем остальным странам этой группы присвоено значение 1,00. Невысокие значения показателя отмечаются и у стран Балтии (2,50). Среди стран Восточной Европы, аналогично рассмотрению предыдущего индекса, наименьшим значением характеризуется Болгария (2,00). Таким образом, эффективность бюрократического аппарата России значимо

уступает эффективности бюрократического аппарата рассматриваемых на рис. 8 (на этом рис. – условия инвестирования) стран.

Индекс демократической ответственности (Democratic Accountability)

Данный индекс измеряет степень государственной ответственности перед населением. Чем меньше развита система подотчетности государственных органов, тем менее стабильно государство и тем более вероятен риск возникновения недовольства населения политикой, проводимой государством. Значения индексов располагаются в интервале от 0 до 6 и присваиваются в зависимости от того, какой тип власти характерен для той или иной страны. В системе показателей ICRG выделяются пять форм политической организации общества.

1. Альтернативная демократия (Alternating Democracy):

- Исполнительная власть осуществляет свои полномочия не более двух сроков;
- Свободные и справедливые выборы законодательной и исполнительной власти в соответствии с положениями действующей Конституции;
- Существование и активная деятельность более чем одной партии и наличие активной оппозиции;
- Разделение и сбалансированное взаимодействие трех ветвей власти: исполнительной, законодательной, судебной;
- Независимость судопроизводства;
- Защита прав и свобод личности посредством конституционных и иных правовых гарантий.

2. Доминирующая демократия (Dominated Democracy):

- Исполнительная власть осуществляет свои полномочия более двух сроков;
- Свободные и справедливые выборы законодательной и исполнительной власти в соответствии с положениями действующей Конституции;

- Существование и активная деятельность более чем одной партии;
- Разделение и сбалансированное взаимодействие трех ветвей власти: исполнительной, законодательной, судебной;
- Независимость судопроизводства;
- Защита прав и свобод личности.

3. *Де-факто однопартийное государственное устройство (De facto One-Party State):*

- Исполнительная власть осуществляет свои полномочия более двух сроков или политическая (в том числе избирательная) система устроена таким образом, что большая часть государственных функций осуществляется определенной группой лиц (or where the political/electoral system is designed or distorted to ensure the domination of governance by a particular government/executive);
- Регулярное проведение выборов в соответствии с Конституцией;
- Ограничение деятельности негосударственных политических партий.

4. *Де-юре однопартийное государственное устройство (De jure One-Party State):*

- Наличие одной правящей партии (закреплено Конституцией);
- Отсутствие законодательно признанной политической оппозиции.

5. *Автаркия (Autarchy)*

- Управление осуществляется безусловно доминирующей группой лиц или единолично главой государства, также посредством военной мощи или унаследованного права.

Как правило, более высокое значение индекса присваивается альтернативным демократиям, более низкое – автаркиям.

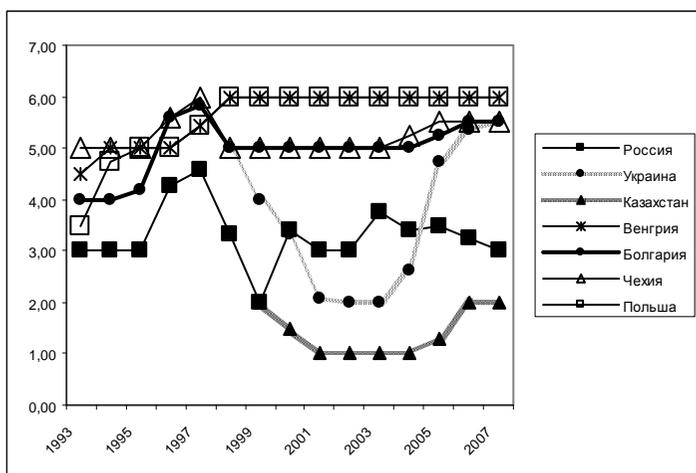

Рис. 14. Динамика индекса демократической ответственности в 1993–2007 гг. в России и некоторых странах с переходной экономикой (большее значение индекса соответствует меньшей степени риска, связанного с политической организацией общества)

Среди стран с переходной экономикой наибольшими значениями индекса в 2007 г. характеризовались Венгрия (6,00) и Польша (6,00), наименьшим – Казахстан (2,00). Для 1995–1997 гг. характерно увеличение значений индекса во всех странах (по которым имеются данные за соответствующий период). Отметим также, за увеличением в России, Чехии и Болгарии следует снижение индексов демократической ответственности (в России до 1999 г., в Чехии и Болгарии до 1998 г.). Значение индекса демократической ответственности для России в 2007 г. было равно 3,00 (рис. 15), то есть изменений по сравнению с 1993 г. не произошло. Но заметим, что за рассматриваемый период российский индекс демократической ответственности претерпевал изменения, амплитуда колебаний которых составила 2,58. Касательно Украины: с 1998 по 2002 гг. наблюдалась устойчивая тенденция к снижению показателя, но, начиная с 2004 г., отмечался уверенный рост индекса, что позволило Украине обогнать Россию и сравняться в 2007 г. с Болгарией и Чехией. Касательно Ка-

захстана можно сказать, что с 1999 г. значение индекса являлось самым низким среди рассматриваемых стран и даже увеличение показателя в 2005 и 2006 гг. не позволило Казахстану улучшить свое положение в группе стран с переходной экономикой.

В странах-лидерах экономического развития и странах Южной Европы значение индекса максимально, что свидетельствует о существовании в этих странах демократии в наиболее развитой форме (альтернативной демократии, согласно приведенной выше классификации). Высокими показателями обладают также страны Восточной Европы. Отметим, что страны СНГ, за исключением Украины, характеризуются очень низкими значениями индекса, минимальное значение показателя среди всех рассматриваемых стран принадлежит Белоруссии (1,00). На Украине же, напротив, значение индекса в 2007 г. было высоким и составило 5,50.

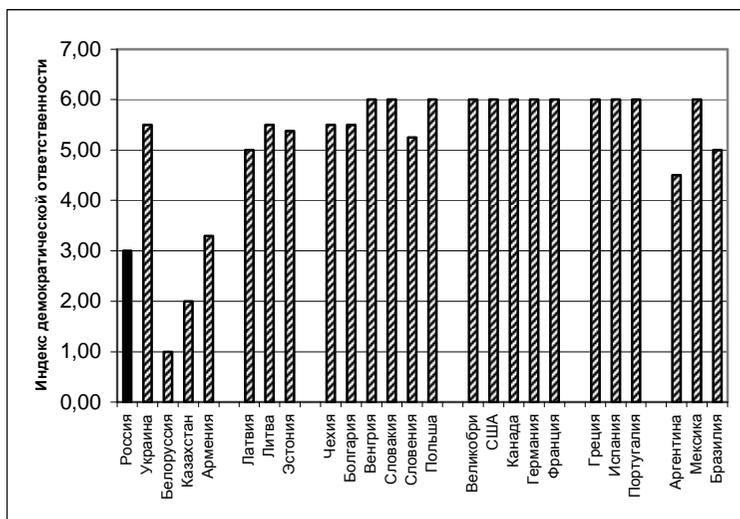

Рис. 15. Индекс демократической ответственности в 2007 году. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует меньшей степени риска, связанного с политической организацией общества)

Г. Индикаторы экономической трансформации (EBRD Transition indicators)

Данный набор индексов был разработан Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) для мониторинга прогресса стран, переходящих от плановой системы к рыночной экономике. Впервые эти индексы были опубликованы в 1994 г. в отчете EBRD Transition Report. В последующие годы система индексов была модифицирована.

Для расчета индексов была выбрана шкала от 1 до 4+, где 1 отражает незначительное или полное отсутствие изменений при переходе от централизованной экономики к рыночной, значением 4+ характеризуются страны с развитой рыночной экономикой. Модификация системы индексов заключается в следующем: показатели «+» и «-» теперь означают прибавление или вычитание к/от соответствующего значения индекса 0,33; дробные значения индексов округляются (например, 2,3 записывается как 2+, а 2,7 как 3-).

Индекс реструктуризации государственного управления и производства (Governance and enterprise restructuring)

Значение индекса 1 присваивается стране при наличии мягких бюджетных ограничений (предоставление льготных кредитов предприятиям и др.), при проведении начальных реформ по реструктуризации в секторе предприятий; 4 – при успешном развитии корпоративного управления, интенсивном осуществлении инвестиций в промышленность; значение 4+ ставится при наличии эффективного корпоративного контроля, осуществляемого посредством внутренних финансовых институтов и рынков, стимулирующего реструктуризацию всей экономики.

В 2007 г. Россия характеризовалась значением индикатора 2,33. Среди стран с переходной экономикой (*рис. 16*) высокими значениями обладали Польша (3,67) и Венгрия (3,67). Все рассматриваемые страны за период 1993–2007 гг. значительно улучшили свои показатели. Отметим также, что 1999 г. был ознаменован для России

падением индикатора реструктуризации государственного управления и производства.

Среди стран СНГ в 2007 г. у России было самое высокое значение индекса (наряду с Грузией и Арменией), наименьшее значение наблюдалось у Белоруссии. У Латвии, Эстонии и стран Восточной Европы значения индексов были выше и достигали уровня 3,67 (Венгрия, Словакия, Польша).

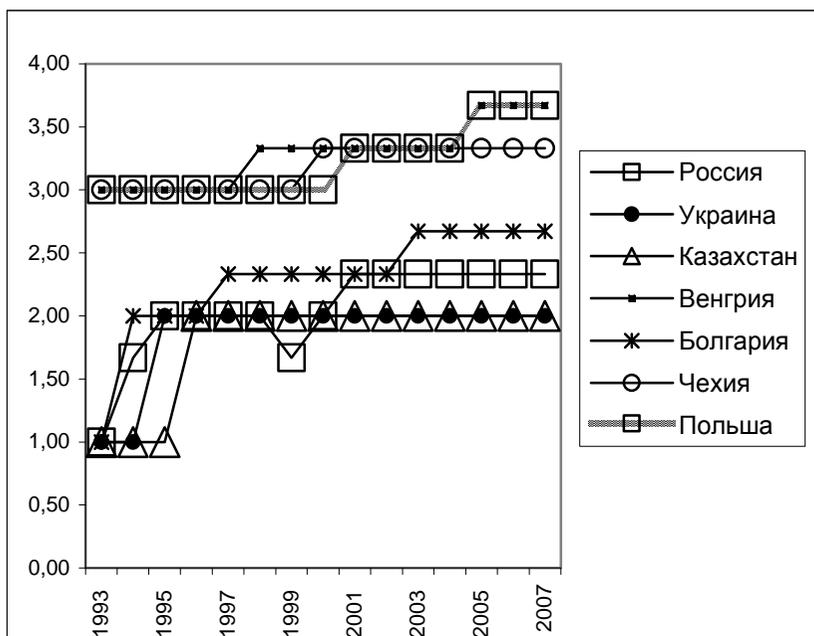

Рис. 16. Индекс реструктуризации государственного управления и производства в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1993-2007 гг. (большее значение индекса соответствует большей степени реструктуризации государственного управления и производства)

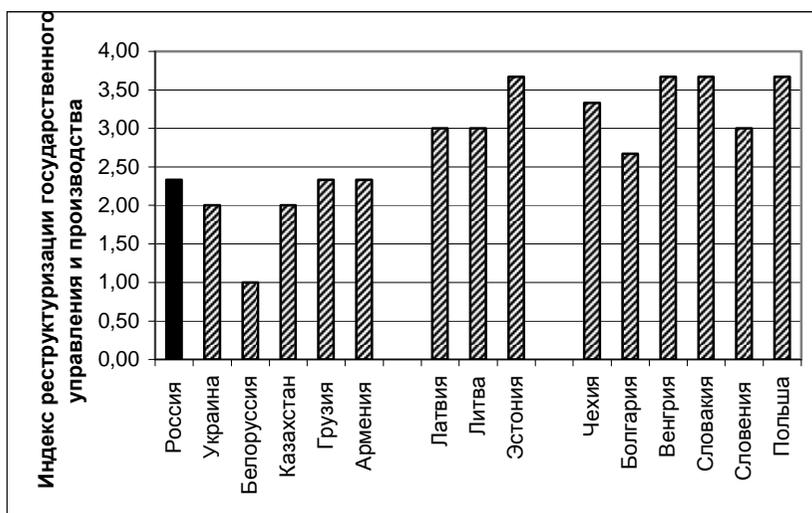

Рис. 17. Индекс реструктуризации государственного управления и производства в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует большей степени реструктуризации государственного управления и производства)

Индекс конкурентной политики (Competition policy)

Значение индекса, равное 1, отражает отсутствие в стране законодательства о конкуренции и соответствующих институтов. Значение, равное 4, характеризует эффективные шаги по созданию конкурентной среды. Величина индикатора, равная 4+, означает эффективную реализацию основных нормативно-правовых актов о конкуренции и беспрепятственный вход на большинство рынков.

В России индекс конкурентной политики в 2007 г. составил 2,33. Все рассматриваемые на *рис. 18* страны с переходной экономикой улучшили свои показатели по сравнению с серединой 90-х годов, лидерами в 2007 г. являлись Венгрия (3,33) и Польша (3,33). Отметим, что наиболее резкий рост показателей продемонстрировали Ка-

захстан и Венгрия. Среднее значение индекса стран СНГ уступает среднему значению индекса у стран Балтии и Восточной Европы, среди которых максимальное значение в 2007 г. наблюдалось у Эстонии (3,67).

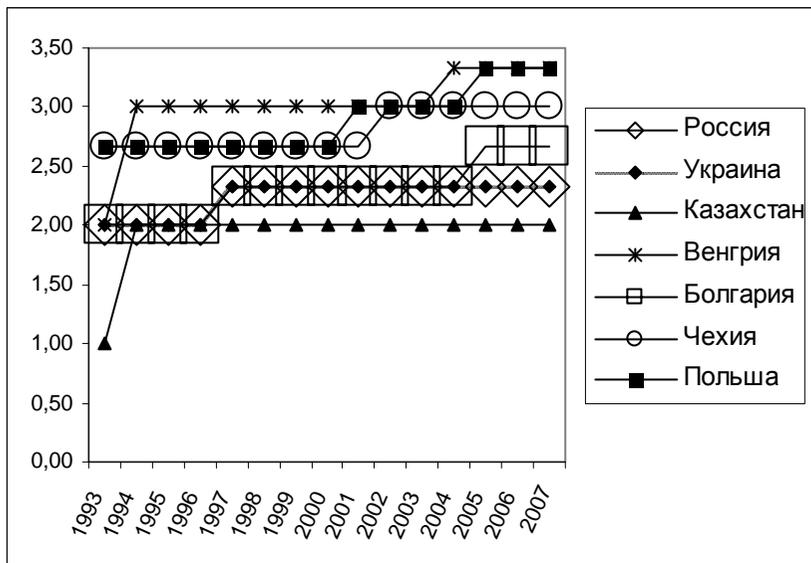

Рис. 18. Индекс конкурентной политики в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1993–2007 гг. (большее значение индекса соответствует большей эффективности конкурентной политики)

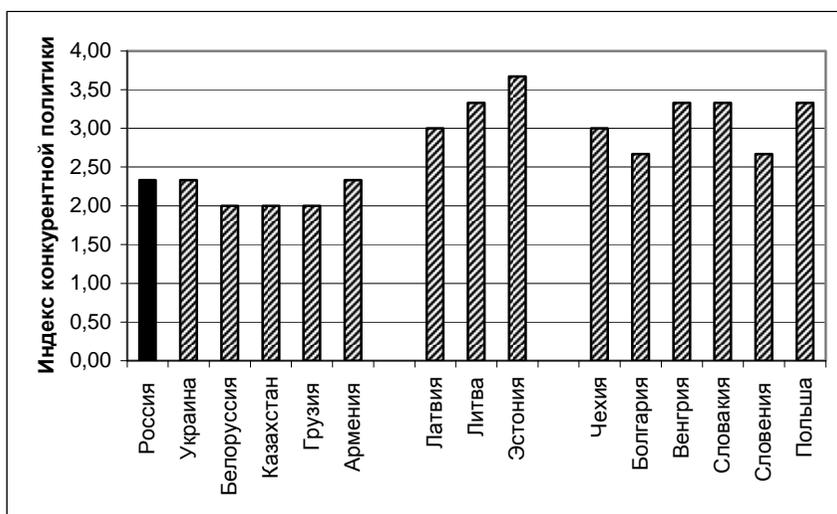

Рис. 19. Индекс конкурентной политики 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует большей эффективности конкурентной политики)

Индекс эффективности банковской реформы и либерализации ставки процента (Banking reform and interest rate liberalisation)

Индекс со значением 1 характеризует наличие небольшого прогресса в реформировании банковской сферы помимо создания двухуровневой банковской системы. Индекс 4 присваивается стране, если банковское законодательство развивается в направлении стандартов БМР (Банка международных расчетов), развита банковская конкуренция и отлажена система эффективного контроля над ней, распространено кредитование частных предприятий на длительные сроки. Значение индекса 4+ отражает полное соответствие банковского законодательства стандартам БМР, обеспечение полного набора конкурентоспособных банковских услуг.

Для всех рассматриваемых на *рис. 20* стран значения индекса повысились по сравнению с 1993 г. Для России значение индекса со-

ставило 2,67, это является одним из самых низких результатов в группе исследуемых стран (рис. 21). В странах Балтии и Восточной Европы значения индикаторов довольно высоки, максимальными значениями (4,00) обладают Латвия, Эстония, Венгрия, Чехия.

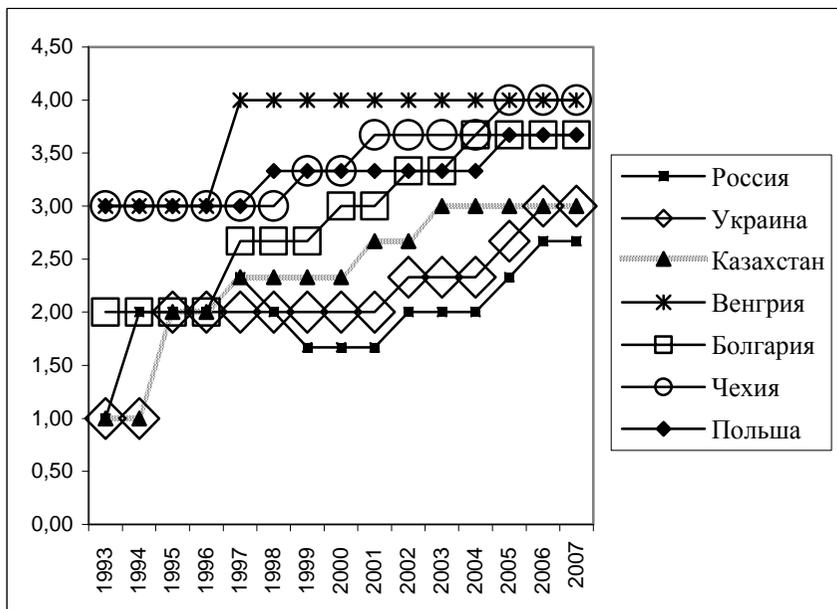

Рис. 20. Индекс эффективности банковской реформы и либерализации ставки процента в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1993–2007 гг. (большее значение индекса соответствует большей эффективности банковской реформы и большей либерализации ставки процента)

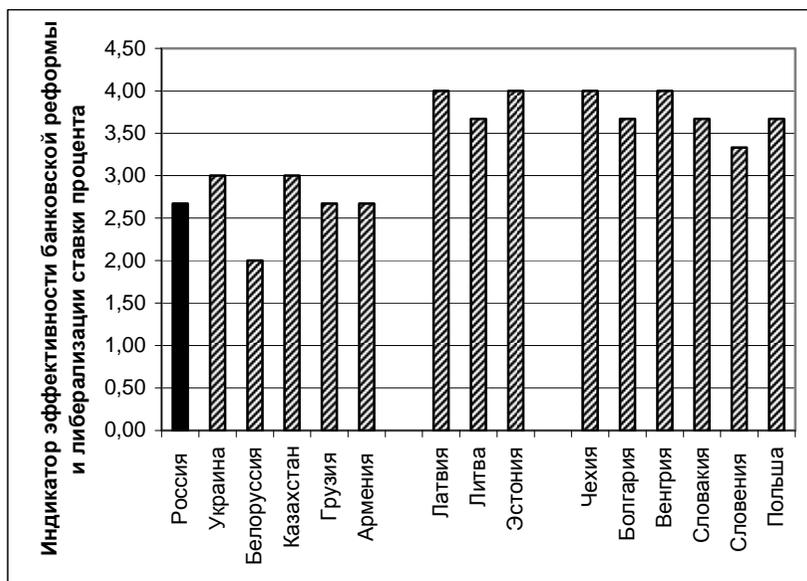

Рис. 21. Индекс эффективности банковской реформы и либерализации ставки процента в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует большей эффективности банковской реформы и большей либерализации ставки процента)

Индекс рынка ценных бумаг и небанковских финансовых институтов (Securities markets and non-bank financial institutions)

Значение 1 присваивается стране при наличии небольшого прогресса в данной области. Величина индекса 4 означает, что законодательство о ценных бумагах развивается в направлении международных стандартов, наблюдается постоянный рост ликвидности и капитализации рынка ценных бумаг, небанковские финансовые институты функционируют стабильно и отлажена система их эффективного регулирования. Значение индекса, равное 4+, говорит о

полном соответствии законодательства стандартам IOSCO и об эффективном сотрудничестве небанковских финансовых институтов.

Лидером по данному индикатору является Венгрия (4,00) (рис. 22), низкими значениями (2,67) характеризуются Украина, Казахстан и Болгария. Россия здесь занимает срединное положение (3,00). Заметим, что динамика индекса для России в период 1993–2007 гг. не являлась устойчивой: за резким ростом в 1996 г. следует резкий спад в 1998 г., стабильная тенденция к росту наблюдается с 2002 г. На фоне стран Балтии и Восточной Европы значение индикатора для России является довольно низким. Кроме Венгрии (4,00), высокие показатели отмечены у Эстонии (3,67), Чехии (3,67) и Польши (3,67).

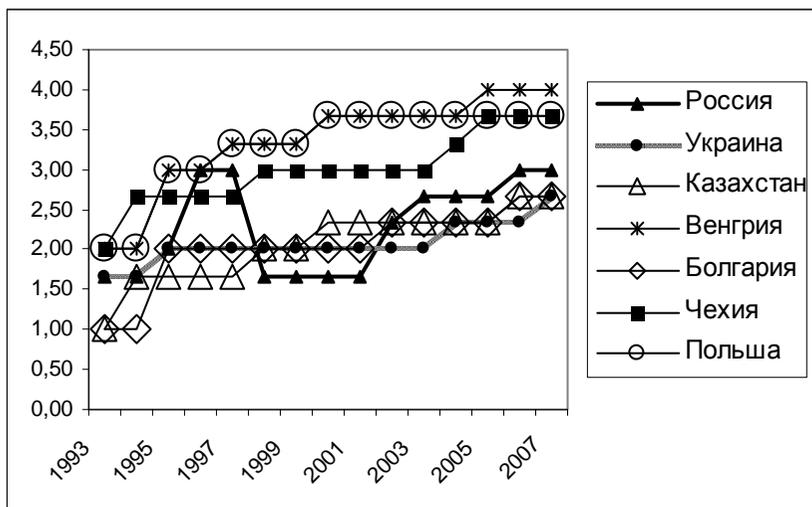

Рис. 22. Индекс рынка ценных бумаг и небанковских финансовых институтов в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1993–2007 гг. (большее значение индекса соответствует большей степени развитости рынка ценных бумаг и более эффективному функционированию финансовых институтов)

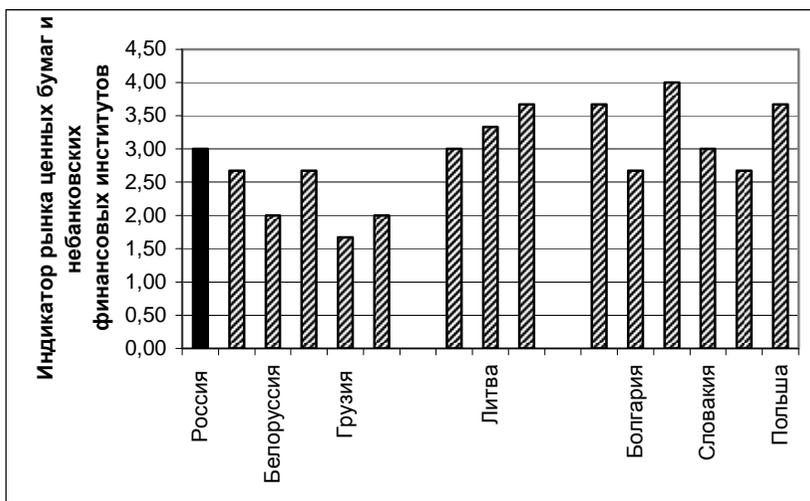

Рис. 23. Индекс рынка ценных бумаг и небанковских финансовых институтов в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует большей степени развитости рынка ценных бумаг и более эффективному функционированию финансовых институтов)

Д. Качество среды для экономического роста (GS GES)

Индекс среды для экономического роста GS GES (Goldman-Sachs Growth Environment Score) был впервые опубликован в 2005 г. в докладе инвестиционного банка Голдман Сакс (Goldman Sachs). Индекс представляет собой совокупную оценку различных характеристик экономик отдельных стран, причем при проведении анализа акцент делается на тех показателях, которые являются определяющими для экономического роста. Оценки по данному индексу были построены для стран БРИК, развивающихся стран группы N-11, а также для некоторых других стран мира.

Основной предпосылкой при расчете индекса являлось то, что наилучшие условия для экономического роста обеспечиваются в стабильной и открытой экономике, с высокими темпами прироста капиталовложений, внедрением и широким использованием технологических новшеств, здоровыми и образованными трудовыми ресурсами, безопасной политической обстановкой, основанной на высоком качестве правовых институтов.

Выбор конкретных переменных для составления итогового индекса GES базировался на детерминантах роста, детально проанализированных в современной экономической литературе. Наибольшее влияние на формирование перечня переменных оказала работа Роберта Барро и Ксавьера Сала-и-Мартина «Экономический рост»⁴². Основным источником страновой информации стала база данных Всемирного банка (World Bank's World Development Indicators database), а также ряд других проведенных ранее исследований⁴³.

Прежде чем перейти к непосредственному описанию методологии расчета индекса, необходимо отметить, что в 2007 г. была дана ретроспективная оценка индекса за десять лет (1997–2006 гг.), что позволило проследить изменения в условиях экономического роста во времени и сделать выводы о наличии (отсутствии) общих трендов. Также в 2007 г. было введено несколько изменений при расчете составляющих совокупного индекса. Первое изменение касается измерения уровня образования населения. Этот показатель с 2007 г. измеряется численностью населения, зарегистрированного в средней школе. Второе нововведение касается широты доступности телефонной связи, которая оценивается числом сотовых телефонов на 1000 человек. Данные изменения не оказали значительного влияния на итоговые показатели, и корреляция между ранее рассчитываемым и обновленным индексами составила более 90%.

Итак, индекс GES рассчитывается на основе 13 переменных, оказывающих активное воздействие на экономический рост. Эти переменные сгруппированы в пять категорий. *Показатели макроэкономической стабильности:*

⁴² Barro, Sala-i-Martin (2004).

⁴³ Например, Barro, Lee (2001), Kaufman et al. (1999a, b, 2005).

- Уровень инфляции;
- Величина бюджетного дефицита (в процентном отношении к ВВП);
- Величина внешнего долга (в процентном отношении к ВВП).

Макроэкономические условия:

- Норма инвестирования (темпы прироста капиталовложений);
- Степень открытости экономики (как доля внешней торговли по отношению к ВВП, с поправкой на численность населения и площадь страны). Крупные страны менее склонны к открытости своих экономик, так как их внутренние рынки являются субститутами международных рынков. Таким образом, степень открытости и размер страны взаимосвязаны. Данный эффект был удален с помощью построения регрессии переменной «открытости» на переменные численности населения и площади страны. Остатки данной регрессии представляют собой «скорректированную» открытость экономики, которая отражает особенности торговой политики страны (тарифы и другие ограничения) в международной торговле, и, следовательно, её влияние на экономический рост.

Уровень использования технологических достижений:

- Доступ к телефонной сети (до 2007 г. оценивалось количество основных операторов связи на 1000 человек);
- Широта использования персональных компьютеров (число ПК на 1000 человек населения);
- Широта использования интернета (число пользователей интернета на 1000 человек населения).

Характеристики человеческого потенциала страны:

- Уровень образования (до 2007 г. – среднее число лет обучения в средней школе);
- Средняя продолжительность жизни.

Индикаторы политических условий:

- Уровень политической стабильности;
- Качество правовых институтов;
- Качество антикоррупционного контроля.

Каждой из 13 переменных присваивается значение от 0 до 10 следующим образом:

$$I = 10 * (OBS - SMIN) / (SMAX - SMIN),$$

где I – значение соответствующей переменной, OBS – наблюдаемое значение переменной (actual observation), $SMIN$ – минимальное значение внутри выборки (sample minimum), $SMAX$ – максимальное значение внутри выборки (sample maximum). Для тех переменных, большее значение которых соответствует худшим условиям для экономического роста (величина внешнего долга, уровень инфляции), шкала измерения меняется таким образом, что большим наблюдаемым значениям в итоге присваиваются меньшие значения по шкале от 0 до 10. Кроме того, для сохранения единой системы измерения для всех переменных были выбраны критические значения *sample maximum* и *sample minimum* (так, например, максимальным критическим значением для внешнего долга было выбрано 120%). Отметим, что данные критические значения применялись только в тех случаях, когда итоговое значение какой-либо из 13-ти переменных находилось за пределами установленной шкалы от 0 до 10.

Совокупный индекс GES является простым средним значений данных 13-ти переменных, то есть его значения также находятся в интервале [0:10], причем наибольшее значение соответствует лучшим условиям для экономического роста. В процессе разработки индекса были опробованы альтернативные способы подсчета показателя (например, переменные доступа к телефонной сети, ПК, интернет агрегировались в одну переменную; применялись различные системы весов), но эти способы не изменяли общей картины. К тому же, использование метода равных весов позволяет избежать риска, связанного с переоценкой того или иного фактора.

В целом, в наиболее развитых странах наблюдаются лучшие условия для экономического роста, и соответственно у них наблюдаются большие значения индекса. Также необходимо отметить, что изменения индекса GES в странах с различными уровнями дохода соответствуют различным темпам экономического роста. Так, на-

пример, изменение индекса на 1 единицу в среднем означает увеличение темпа экономического роста на 1,8% в странах, где доход на душу населения составляет около 500 долларов, и только на 0,5% в странах с душевым доходом в 10000 долларов.

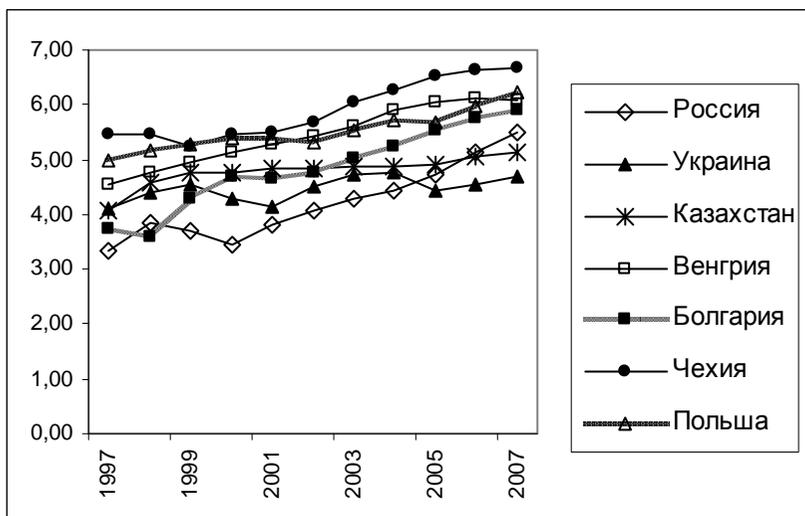

Рис. 24. Индекс условий экономического роста в 1997-2007 гг. в России и некоторых других странах с переходной экономикой (большее значение индекса соответствует более благоприятным условиям для экономического роста)

В 2007 г. лидирующие позиции по индексу условий экономического роста занимали Норвегия (8,66), Швеция (8,53) и Исландия (8,49). Россия, как и Мексика, характеризовалась значением индекса 5,51 и находилась на 65-ом месте в общем рейтинге из 181-й страны. Среди стран с переходной экономикой (рис. 24) в 2007 г. ведущую позицию занимала Чехия (6,65), на последнем месте в этой группе стран находилась Украина (4,71). Заметим, что во всех рассматриваемых странах с переходной экономикой значение индекса возросло по сравнению с 1997 г. Динамика данного показателя для России характеризуется снижением в 1999–2000 гг., а затем, начиная с

2001 г., устойчивым ростом, что позволило России обогнать Украину и Казахстан. Изменения индекса на Украине имеют циклический характер, так как периоды роста показателя сменяются периодами спада (2000–2001 и 2005 гг.), тем не менее, с 2006 г. наблюдается увеличение индекса. В итоге, можно отметить наличие общей для рассматриваемых стран тенденции к возрастанию индекса с течением времени.

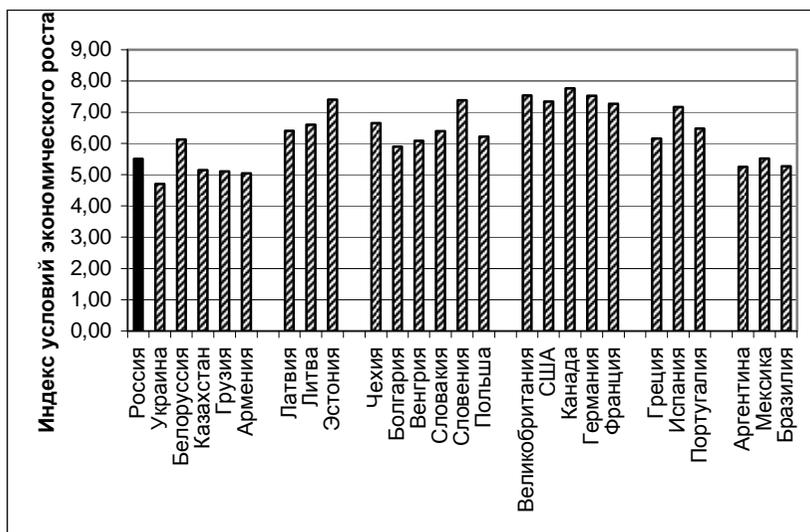

Рис. 25. Индекс условий экономического роста в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более благоприятным условиям для экономического роста)

Значение индекса для России является довольно низким при сопоставлении с ключевыми группами стран. Наиболее высокими показателями характеризуются страны-лидеры экономического развития (рис. 25). Невысокими значениями индекса обладают страны Латинской Америки и СНГ. Отметим также, что среди стран Балтии

и Восточной Европы значимо выделяются Эстония (7,40) и Словения (7,39), а среди стран СНГ – Белоруссия (6,13).

Е. Индекс экономики знаний (World Bank KEI)

Индекс публикуется Всемирным банком в рамках программы «знания для развития» (Knowledge for Development).

Индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index) отображает то, насколько институциональная среда благоприятствует внедрению новых знаний в экономику, и насколько они реально могут быть полезными для экономического развития страны. Индекс рассчитывается как среднее четырех основных компонентов, каждый из которых рассчитывается как среднее трех других показателей:

- Экономические стимулы и институциональный режим (среднее трех показателей: уровень тарифных и нетарифных барьеров во внешней торговле, качество государственного регулирования и качество системы правоприменения);
- Инновации (среднее по трем показателям – число исследователей в области НИОКР, число патентов, зарегистрированных в США, и число статей, опубликованных в научных и технических журналах);
- Уровень образования (среднее по трем показателям: уровень грамотности среди взрослого населения, доля лиц со средним и высшим образованием);
- Технологии информации и связи (среднее показателей: доступность телефонных услуг, распространенность использования компьютеров и доля населения, пользующаяся интернетом).

Данные по этому индексу на регулярной основе не представляются и доступны только для двух лет: 1995 г. и 2007 г. В рамках исследования рассчитывается два отдельных индекса – взвешенный и невзвешенный. Во взвешенном индексе переменные второй группы, описывающей инновации, рассчитываются на 1 жителя страны, в невзвешенном варианте берется их абсолютные значения (последнее, по мнению авторов, позволяет учитывать положительный эффект масштаба в инновационных отраслях). В рамках этой же про-

граммы публикуется индекс знаний (Knowledge Index), который представляет собой, по сути, тот же индекс, но без учета первой группы показателей (экономических стимулов и институционального режима).

По относительному индексу экономики знаний лидируют Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия и Нидерланды. Россия занимала в 2007 г. 47-е место и уверенно опережала другие страны СНГ, несколько превосходила страны Латинской Америки, отставая при этом от стран Центральной и Восточной Европы, а также стран Балтии (*рис. 26*). Однако, если посмотреть на наиболее важную, с точки зрения долгосрочного развития, составляющую индекса – экономические стимулы и институциональный режим, то отставание России от других стран с переходной экономикой и развитых стран оказывается гораздо более существенным (*рис. 27*). Россия имеет 3 балла и находится на сходном с Аргентиной и Казахстаном уровне, тогда как высокоразвитые страны имеют значение этого подиндекса, превышающее 8. Относительно высокое суммарное значение индекса для России во многом определяется сравнительно высоким уровнем образования населения России, что в значительной степени отражает инвестиции в человеческий капитал и систему образования, осуществленные на предыдущих этапах развития страны. Высокий суммарный рейтинг в меньшей степени связан с современным значением институциональных факторов.

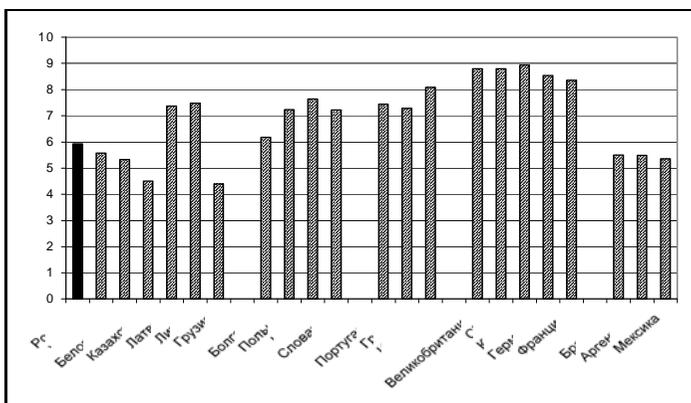

Рис. 26. Индекс экономики знаний Всемирного Банка в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более высокому уровню развития экономики знаний)

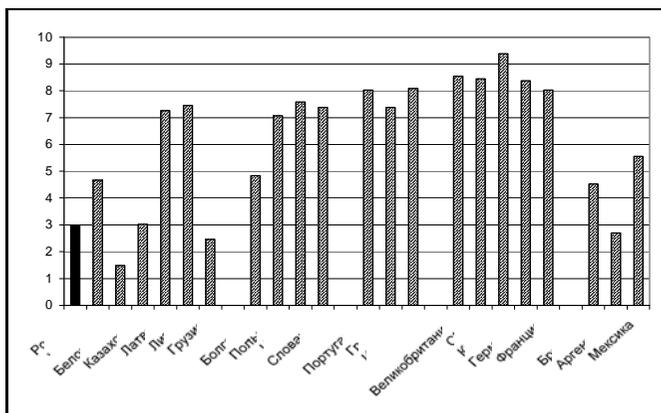

Рис. 27. Экономические стимулы и институциональный режим (составляющая индекса экономики знаний Всемирного Банка) в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более благоприятным институциональным условиям для развития высокотехнологичных и наукоемких отраслей)

Ж. Индекс условий для ведения бизнеса (World Bank Doing Business)

Индекс ведения бизнеса Всемирного банка⁴⁴ отображает весь спектр издержек и рисков, связанных с предпринимательской деятельностью в стране. По последней методологии индекс «простоты ведения бизнеса» складывается из частных индексов, которые отображают транзакционные издержки (затраты времени и средств предпринимателей на преодоление административных барьеров) по следующим направлениям:

- Создание нового бизнеса;
- Лицензирование;
- Найм и увольнение сотрудников;
- Регистрация собственности;
- Доступ к кредитам;
- Защита инвесторов;
- Налоги;
- Внешнеэкономическая деятельность;
- Инфорсмент контрактов;
- Закрытие бизнеса.

Индекс является рангом, показывающим насколько затруднена по совокупности разных факторов предпринимательская активность в стране. Издержки ведения бизнеса оцениваются по выборочным опросам, проводимым Всемирным банком и рассчитываются в процентах к среднему душевому доходу в рассматриваемой стране. Авторами отмечается, что, несмотря на ригидность институтов во многих развивающихся странах, в них порой можно обнаружить случаи крайне низких препятствий для бизнеса по отдельным конкретным сферам деятельности.

По рейтингу 2007 г. Россия занимала 106-е место (из 178), что является средним показателем для стран СНГ. Однако на *рис. 28* видно, что страны Балтии, Центральной и Восточной Европы имеют гораздо более благоприятные показатели, не сильно отличающиеся

⁴⁴Информация публикуется на сайте проекта <http://www.doingbusiness.org>

от уровня развитых стран и стран Южной Европы. Крупные страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика) имеют показатели сходные с российскими.

Неоднородная картина наблюдается по составным частям рейтинга (рис. 29–30). Наибольшие препятствия для ведения бизнеса в России, по мнению экспертов Всемирного банка, наблюдаются в вопросах лицензирования (177-е место, предпоследнее в мире), регулирования внешнеторговой деятельности (155-е место), а также налоговой нагрузки и налогового администрирования (130-е место). Сомнения вызывает аномально высокое (19-е в мире) место России по информсменту контрактов.

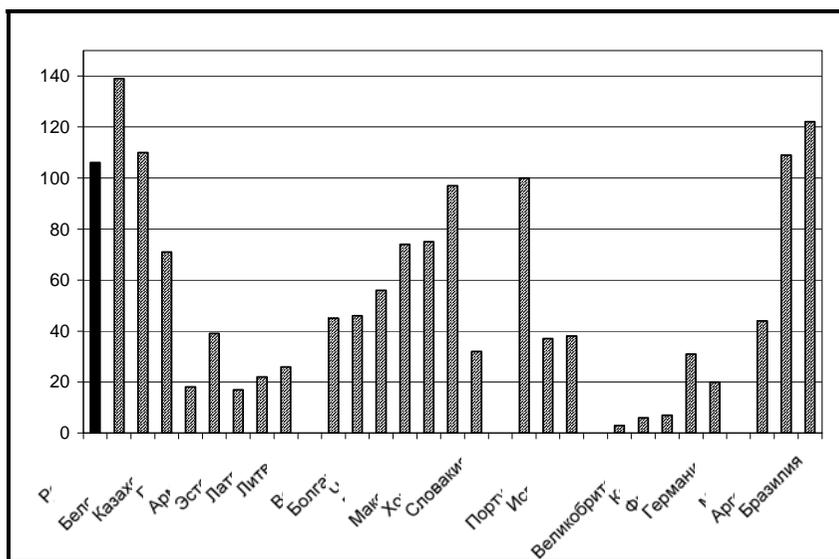

Рис. 28. Doing Business: ранги из исследования 2007 г. (больший ранг соответствует большим препятствиям для создания и ведения бизнеса)

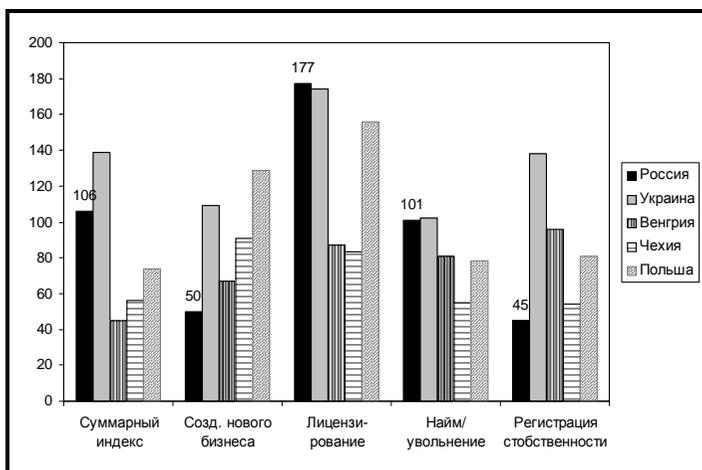

Рис. 29. Составные частные индексы WB Doing Business 2007: Россия в сравнении с другими странами (большее значение ранга соответствует менее пригодным для ведения бизнеса условиям)

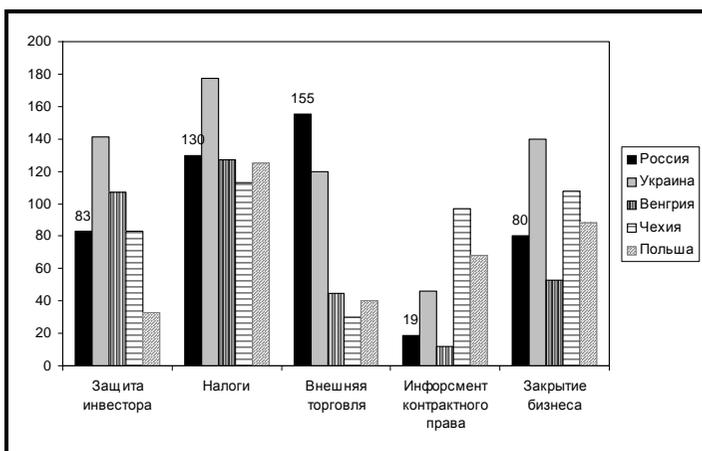

Рис. 30. Составные частные индексы WB Doing Business в 2007 г. (продолжение) (большее значение ранга соответствует менее пригодным для ведения бизнеса условиям)

3. Индекс ограничений для прямых иностранных инвестиций (ОЭСР)

Индекс изначально был разработан ОЭСР и охватывал только страны-члены Организации экономического развития и сотрудничества. Он призван отражать степень различий в условиях осуществления прямых инвестиций иностранными инвесторами относительно условий для национальных инвесторов. В 2005–2006 гг. были опубликованы оценки индекса для ряда стран, не входящих в ОЭСР, в том числе для России.

Сводный индекс ограничений для ПИИ усредняет частные индексы, которые строятся по отдельным отраслям экономики (бизнес услуги, телекоммуникации, строительство, торговля, финансы, гостинично-ресторанный бизнес, транспорт, электроэнергетика, промышленность⁴⁵). Если имеющиеся ограничительные барьеры одинаково распространяются и на внутренние, и на иностранные инвестиции, то такие барьеры в данном индексе не учитываются. Индекс отображает именно неравенство правил игры для национального и иностранного инвестора, а не общее качество институциональной среды.

Суммарный индекс и частные индексы измеряются от 0 до 1 («0» – отсутствие ограничений для иностранного инвестора, «1» – полный запрет иностранных инвестиций). На *рис. 31* видно, что Россия на сегодняшний момент гораздо более закрытая для иностранного инвестора страна, чем другие выбранные для сравнения страны – как развитые, так и восточноевропейские и латиноамериканские. Значение индекса для России в 2006 г. оставалось весьма высоким (0,318), и оно более чем вдвое превышает средний уровень по ОЭСР (0,148). Средний показатель по странам, не являющимся членами ОЭСР, но включенными в выборку, составляет 0,189, что также заметно ниже российского уровня. Важно также отметить наметившееся увеличение разрыва между российскими и средними по ОЭСР

⁴⁵ В исследовании не учитывается сырьевой сектор, поскольку межстрановые различия условий инвестирования в этом секторе очень сильны и сильно зависят от наделенности конкретными видами полезных ископаемых. См. OECD (2006), стр. 5.

показателями: значение индекса по России в 2005 г. (0,283) было ниже. Ухудшение произошло в связи с ростом ограничений на осуществление ПИИ в стратегических отраслях российской экономики.

Если проанализировать значения индекса в разрезе отраслей, то можно сделать вывод, что наиболее закрытые сектора российской экономики – это электроэнергетика, финансы, телекоммуникации и транспорт.

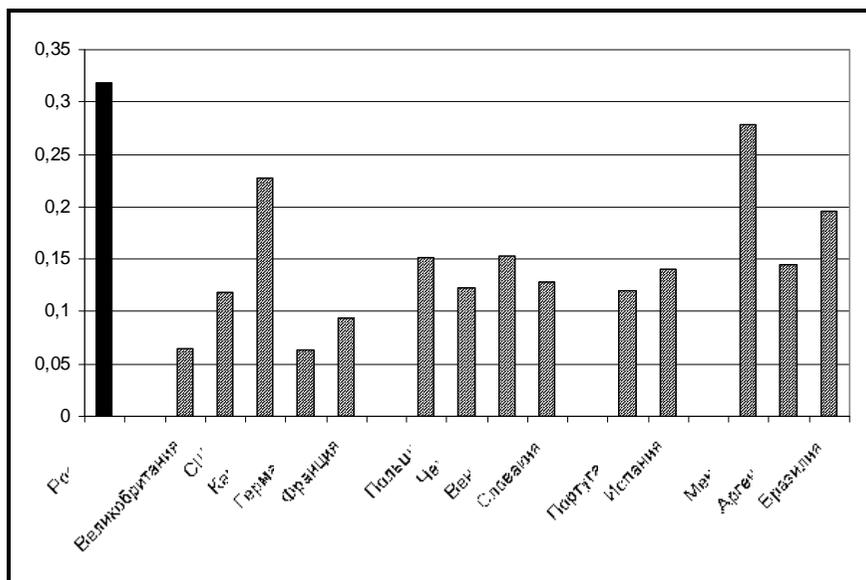

Рис. 31. Индекс ограничений для прямых иностранных инвестиций, 2006 г. (большее значение индекса соответствует большим препятствиям для иностранных инвестиций)

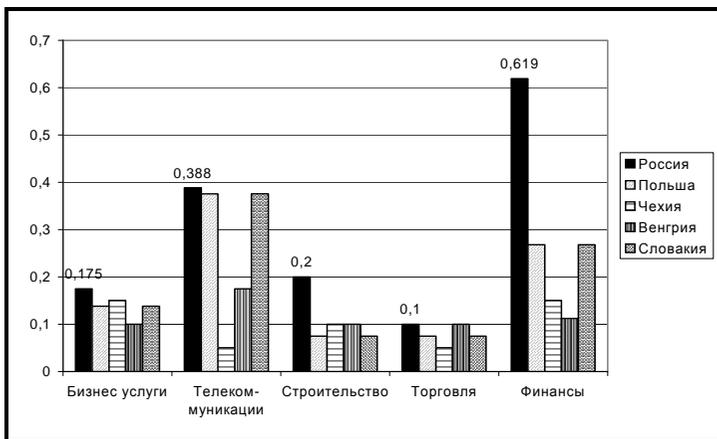

Рис. 32. Индексы ограничений для прямых иностранных инвестиций по отраслям, 2006 г. (большее значение индекса соответствует большим препятствиям для иностранных инвестиций)

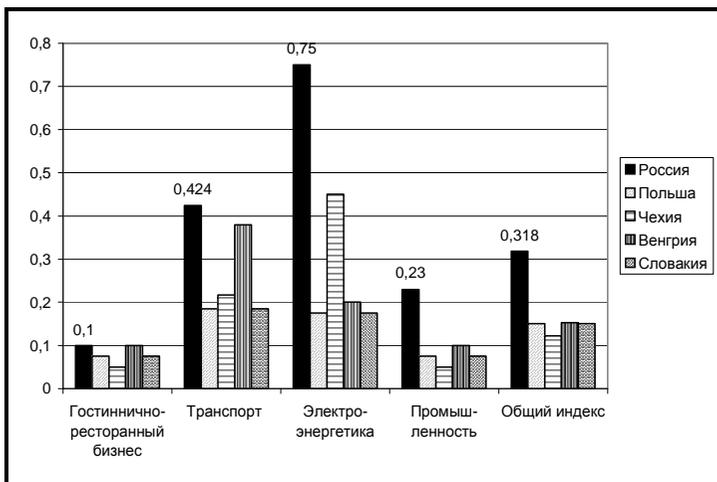

Рис. 33. Индексы ограничений для прямых иностранных инвестиций по отраслям, 2006 г. (продолжение) (большее значение индекса соответствует большим препятствиям для иностранных инвестиций)

И. Глобальный индекс размещения услуг (А. Т. Kearney GSLI)

Индекс публикуется международной компанией А. Т. Kearney⁴⁶ (штаб-квартира расположена в Чикаго), специализирующейся на консалтинге в области стратегического менеджмента, и отражает относительную привлекательность страны для размещения бизнеса.

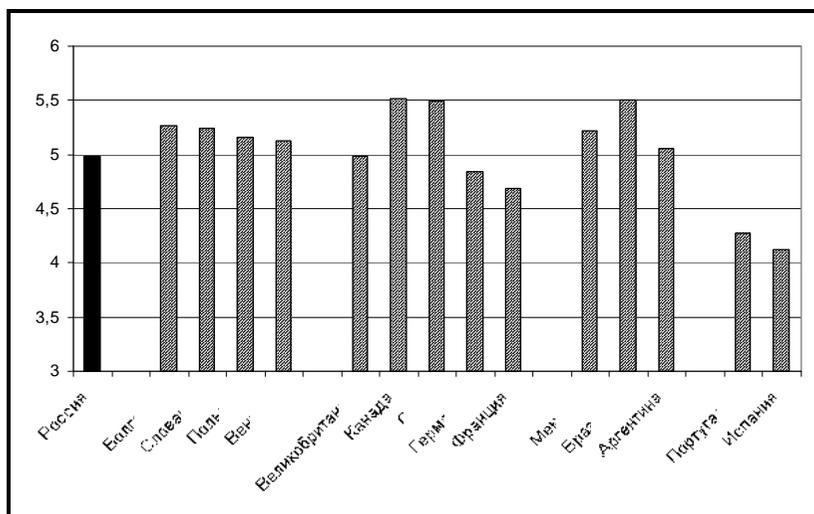
Индекс состоит из трех основных компонентов (веса, с которыми они входят в сводный индекс, приведены в скобках): финансовая привлекательность страны (40%), наличие трудовых ресурсов и их квалификация (30%) и качество бизнес-среды (30%).

Первый компонент (финансовая привлекательность) отражает привлекательность страны с точки зрения стоимости трудовых ресурсов, стоимости пользования инфраструктурой, налоговой нагрузки и дополнительных административных ограничений (в эту же подкатегорию входит фактор коррупции).

Второй компонент (наличие и квалификация трудовых ресурсов) складывается из показателей образования, размера сектора высоких технологий, общей численности экономически активного населения и т.д.

Третий компонент (качество бизнес-среды) складывается из институциональных условий в стране (бремя государственного регулирования и ригидность системы найма и увольнения, риски связанные с безопасностью, поддержка государством высокотехнологичных отраслей), качества инфраструктуры. Также в него входят такие показатели как культурная комплиментарность (индекс личных взаимодействий – компонент индекса глобализации А. Т. Kearney) и эффективность защиты интеллектуальной собственности.

⁴⁶ <http://www.atkearney.com>

*Рис. 34. Глобальный индекс размещения услуг (GSLI) в 2005 г.
(большее значение индекса соответствует более благоприятным условиям)*

Последняя публикация индекса в 2007 г. предоставляет данные для 2005 г. по 40 странам. В этой выборке Россия – единственная страна из СНГ, но при этом хорошо представлена группа стран Центральной и Восточной Европы. По суммарному индексу, представляющему собой арифметическую сумму частных компонентов, Россия занимает 27-е место из рассмотренных 40 стран. Это в принципе неплохой результат, ставящий Россию выше таких стран как Португалия и Испания (*рис. 34*). Однако, если посмотреть на наиболее важный для данного исследования третий компонент (качество бизнес-среды), то Россия оказывается на последнем 40-месте. На *рис. 35* Россия сравнивается по этому показателю со странами Восточной Европы. Относительные преимущества России связаны со вторым компонентом (трудовые ресурсы).

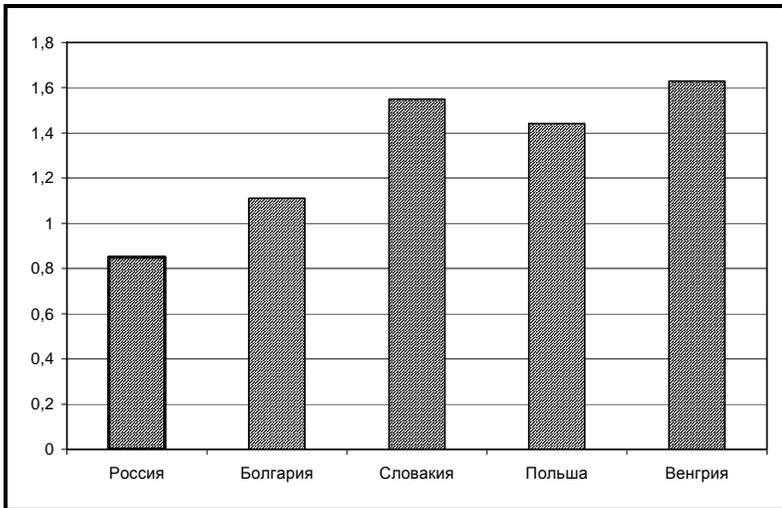

Рис. 35. Качество бизнес-среды в России в сопоставлении со странами Восточной Европы, 2005 г. (большее значение индекса соответствует более благоприятным условиям)

К. Индекс общественной честности (The Public Integrity Index)

Индекс общественной честности (The Public Integrity Index) публикуется Американским центром гражданской ответственности (The Center for Public Integrity). Центр является некоммерческой организацией, которая проводит исследования, касающиеся проблем государственного управления и коррупции во всем мире. Основными объектами изучения выступают существование и эффективность механизмов, препятствующих злоупотреблению властью и стимулирующих подотчетность государственных органов, а также степень участия граждан в общественной жизни. Целью исследований является обеспечение граждан соответствующей информацией о качестве государственного управления. Исследования также являются основой для разработок необходимых реформ и характеризуют инвестиционный климат страны.

В 2004 г. проект Public Integrity охватывал 25 стран, в 2007 г. в исследовании участвовало 55 стран, около 300 человек, 97% из которых находилось в исследуемых странах, остальные 3% – в главном офисе в Вашингтоне. Анализ был проведен на основе более 300 индикаторов, характеризующих подотчетность государственных органов, прозрачность государственного управления и эффективность антикоррупционного контроля.

Касательно проблем коррупции необходимо отметить, что коррупция подрывает доверие населения к правительству, снижает качество функционирования правовых институтов, ослабляет государство и сдерживает экономический рост, снижая стимулы к инвестированию. Большая часть информации о коррупции носит локальный и эпизодический характер, в то время как гражданам необходимы достоверные данные для понимания и соответствующего контроля за органами государственного управления. Коррупция, являясь незаконным видом деятельности, едва ли может быть оценена со всей полнотой и точностью, поэтому при ее оценке используется оценка деятельности институтов, занимающихся данной проблемой (отслеживание, сдерживание, препятствие).

Для анализа используются отчеты стран, составляемые группами журналистов и ученых, занимающихся проблемами общественного сектора (государственного управления). В каждой стране Центром гражданской ответственности создается рабочая группа исследователей (country team), их работа координируется из Вашингтона. Для обеспечения независимости деятельности исследователей и во избежание их взаимного влияния, специалисты различных стран не знают друг друга до опубликования отчетов стран. Обычно такие группы состоят из:

- Ведущего обозревателя (журналиста), специализирующегося на изучении проблем общественного сектора;
- Ведущего специалиста в области общественных наук, составляющего исходные индикаторы;
- Не менее трех или пяти экспертов, как резидентов, так и нерезидентов данной страны, дающих необходимые комментарии, которые также публикуются в итоговом отчете.

Отметим, что с 2007 г. экспертам было предложено давать комментарии на полученные страновые оценки в соответствии с тремя категориями:

1. «Я согласен с оценкой, не имею никаких комментариев».
- 2 «Да, я согласен с оценкой, но хочу внести комментарии, изменения и дать рекомендации».
3. «Нет, я не согласен с оценкой».

В 2007 г. в проекте было задействовано 155 экспертов.

Итак, индексы, составляемые Американским центром гражданской ответственности, оценивают наличие, эффективность и доступ граждан к ключевым механизмам государственного управления и антикоррупционного контроля, то есть анализируются три основных направления:

1. Наличие механизма подотчетности государственных органов, включая законодательно-правовую базу и соответствующие институты, которые стимулируют подотчетность государственной власти и сдерживают коррупцию;
2. Эффективность вышеперечисленных механизмов;
3. Степень доступности для граждан информации о деятельности государственных органов.

Public Integrity Index составляется на основе шести ключевых категорий. Вопросы, посредством которых рассчитываются индексы, делятся на два типа, первый из которых характеризует законодательную базу («in law»), второй – реализацию законодательных принципов на практике («in practice»). С помощью первого набора вопросов дается объективная оценка свода законов, прецедентного права, а также норм и положений. Они предполагают ответы «да» или «нет». Второй набор вопросов определяет степень реализации на практике принятых в стране правовых норм.

Все составляющие индекса Public Integrity ранжируются по шкале от 0 до 100, причем 0 является худшим показателем для страны, а 100 – лучшим (например, меньшее значение индекса соответствует большему уровню коррупции, менее эффективной работе органов государственного управления).

На основе рассчитанных индикаторов составляется совокупный индекс (общественный индекс честности). Сводный индекс и его составляющие являются средневзвешенными значениями своих подкатегорий, причем каждой подкатегории придается одинаковый вес (в своей группе), даже если при их составлении было использовано разное количество вопросов. Каждый шаг при расчете индекса публикуется, поэтому процесс анализа итоговых оценок является открытым для общества. Далее страны распределяются по пяти группам согласно присвоенным им значениям общественного индекса честности:

- Очень сильный: 90–100 (Very strong);
- Сильный: 80–90 (Strong);
- Умеренный: 70–80 (Moderate);
- Слабый: 60–70 (Weak);
- Очень слабый: менее 60 (Very Weak).

Сводный общественный индекс честности (The Public Integrity Index)

Среди рассматриваемых нами стран с переходной экономикой анализ динамики индекса возможен лишь для России и Украины (сравнение значений индекса в 2004 и 2007 гг.). В России наблюдается слабая тенденция к росту показателя, величина которого в 2007 г. составила 64,33 (рис. 36). Несмотря на положительный тренд, Россия отстает от Украины. На Украине изменение показателя незначительно, как в 2004 г., так и в 2007 г. она остается в группе «weak».

В первой рассматриваемой нами группе стран (рис. 37) наименьшее значение индекса в 2007 г. наблюдалось у Армении (58), наибольшее – у Казахстана (73). Высокие показатели отмечаются также у Латвии, Болгарии и США. Мексика имеет то же значение индекса, что и Россия. Наиболее близкими к первой группе стран по значению показателя являются страны Латинской Америки. При сравнении России с рассматриваемыми здесь странами, очевидно, что значение индекса для России является достаточно низким и страна относится к группе «weak».

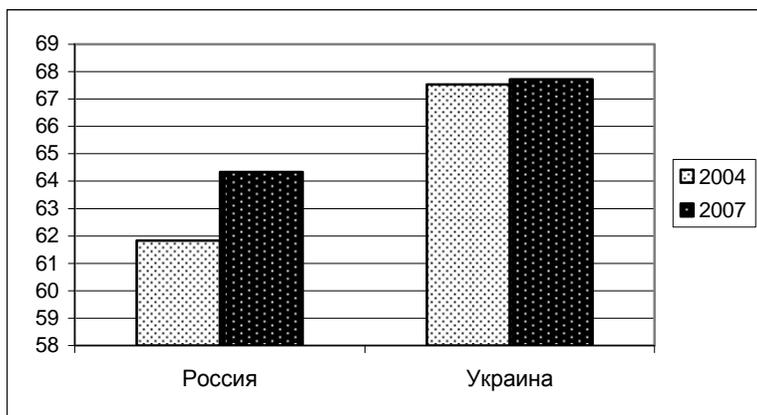

Рис. 36. Общественный индекс честности в 2004 и 2007 гг. (большее значение индекса соответствует большей эффективности органов государственного управления и антикоррупционного контроля)

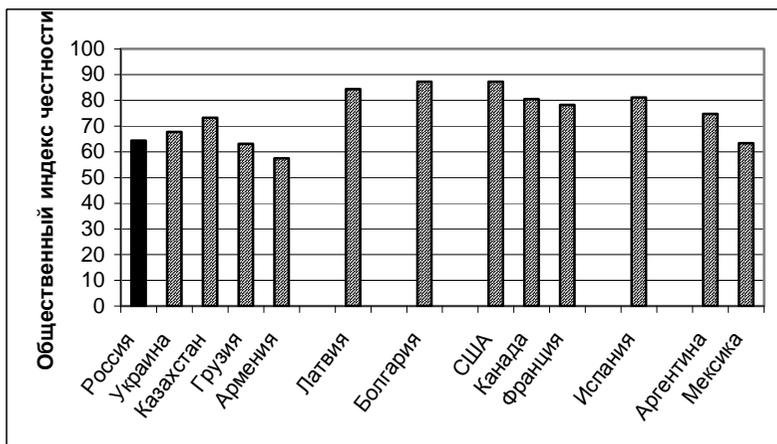

Рис. 37. Общественный индекс честности в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует большей эффективности органов государственного управления и антикоррупционного контроля)

Индекс эффективности государственного контроля (Category Five: Oversight and Regulatory Mechanisms)

Данный индекс является одной из составляющих общественного индекса честности и характеризует эффективность мер контроля, осуществляемых государством. Здесь оцениваются:

1. Деятельность национального омбудсмана;
2. Наличие и эффективность высшего органа аудита;
3. Система налогообложения;
4. Регулирование финансового сектора.

Значение индекса для России снизилось с 85 в 2004 г. до 73 в 2007 г. (рис. 38). Таким образом, по этому показателю Россия перешла из группы «strong» в группу «moderate». Отрицательным изменением индекса характеризуется и Украина, которая также переместилась из группы «strong» (значение индекса 81) в группу «moderate» (значение индекса 76). Отметим, что ухудшение индекса эффективности государственного контроля в 2007 г. по сравнению с 2004 г. в России было более значимым, чем на Украине, что и привело к более низкой позиции России (по сравнению с Украиной) в итоговом рейтинге.

В 2007 г. лидерами среди исследуемых стран (рис. 39) являлись Болгария (90), Испания (89). В первой группе стран наибольшим значением обладает Казахстан (83), наименьшим – Армения (60). Отметим, что при сравнении групп стран между собой, более высокими показателями характеризуются страны-лидеры экономического развития.

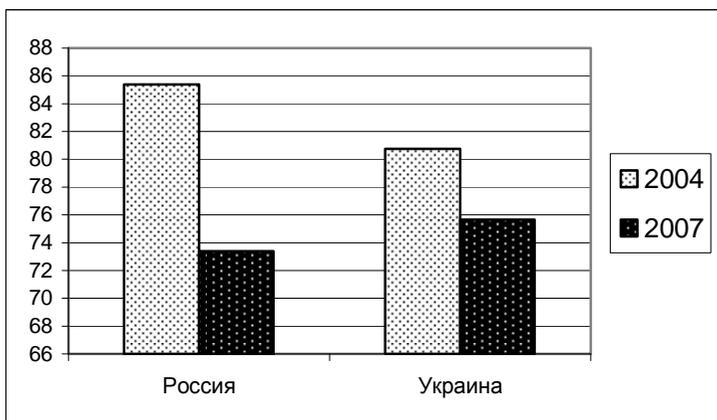

Рис. 38. Индекс эффективности государственного контроля в 2004 и 2007 г. (большее значение индекса соответствует более широкому спектру государственных институтов и более высокой их эффективности)

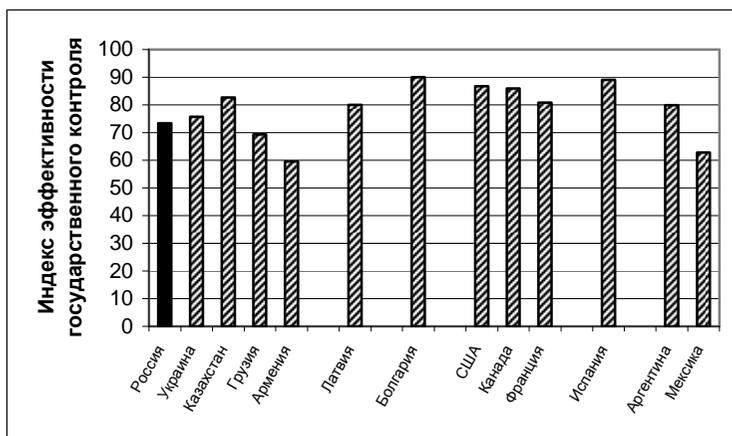

Рис. 39. Индекс эффективности государственного контроля в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более широкому спектру государственных институтов и более высокой их эффективности)

Индекс антикоррупционного контроля и качества правовых институтов (Category Six: Anti-Corruption Mechanisms and Rule of Law)

Данный индекс также как и индекс эффективности государственного контроля является подкатегорией общественного индекса честности. Он рассчитывается на основе четырех индикаторов, оценивающих:

1. Антикоррупционное законодательство;
2. Эффективность институтов, осуществляющих антикоррупционный контроль;
3. Качество правовых норм и применение соответствующего законодательства;
4. Систему охраны правопорядка.

В России и Украине в 2007 г. по сравнению с 2004 г. отмечается положительное изменение индекса (*рис. 40*), что привело к перемещению как России, так и Украины из групп «very weak» и «weak» соответственно, в группу «moderate». Отметим, что темпы роста показателя в обеих странах были примерно одинаковы, поэтому ранжирование стран по величине индекса осталось неизменным (в 2007 г. Украина обгоняла Россию на 5 пунктов по 100-балльной шкале).

При рассмотрении более широкого круга стран в 2007 году (*рис. 41*), заметим, что высокими показателями характеризуются США (93), за ней следуют Болгария (86) и Испания (86), которые разделяют второе место, и Латвия (85). Наименьшие показатели у Грузии (54), Мексики (58) и Армении (59).

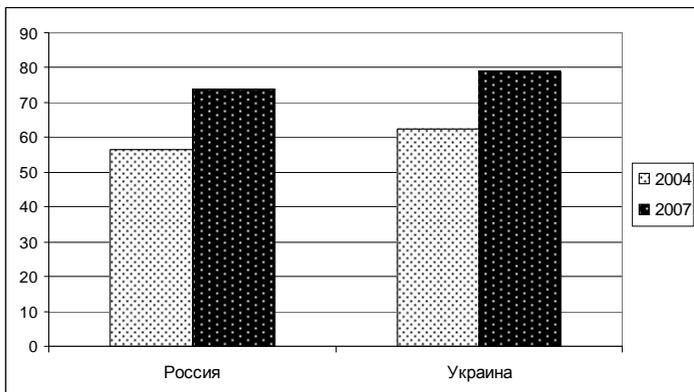

Рис. 40. Индекс антикоррупционного контроля и качества правовых институтов в 2004 и 2007 гг. (большее значение индекса соответствует более эффективному антикоррупционному контролю и более высокому качеству правовых институтов)

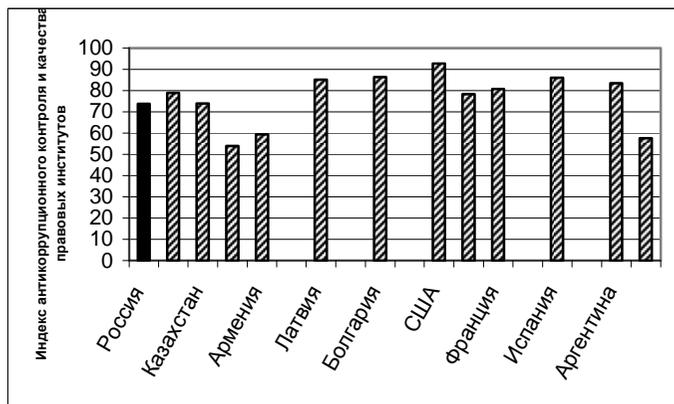

Рис. 41. Индекс антикоррупционного контроля и качества правовых норм в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более эффективному антикоррупционному контролю и более высокому качеству правовых институтов)

Л. Индекс политического устройства Политу (Polity IV)

Проект Polity IV – это исследование характеристик власти различных стран с целью проведения сравнительного анализа. Впервые концепция исследования была разработана под руководством Т. Р. Гурра (Ted Robert Gurr). В настоящее время проект Polity является наиболее широко используемым источником данных для изучения изменений в государственном устройстве и последствий различных типов государственного управления. В Polity IV используются данные вплоть до 2006 г.

Данные Polity IV охватывают все крупные страны (т. е. государства с численностью населения 500 000 и более человек; в настоящее время 162 страны) в период с 1800 по 2006 г. Результаты исследований публикуются ежегодно, кроме того, осуществляется постоянный мониторинг режимов власти и их изменений для отражения политической динамики.

Источники данных для исследований и отчеты стран доступны на сайте Center for Systemic Peace.

Обзор Polity охватывает 3 основные сферы: процесс получения власти (борьбы за власть), ограничения на исполнительные органы власти и политическую конкуренцию. Для каждой из групп существует несколько индикаторов. Ниже мы остановимся более подробно на трех индексах, непосредственно касающихся темы данного обзора.

Индекс политического режима (Polity2)

Данный индекс является характеристикой политического режима в стране. Он представляет собой модифицированный вариант индекса Polity и был создан с целью использования показателей политического устройства стран при статистическом анализе временных рядов. Таким образом, «стандартизированные» индексы политического режима (со значениями –66, –77, –88) обращаются в индексы, значения которых находятся в интервале от –10 до 10. Отметим, что значение –66 присваивалось стране, если развитие её политического устройства «прерывалось» по неким внешним обстоятельствам. Это могло быть связано с оккупацией иностранными войсками во время войны, переустройством политического режима в послевоенное

время и др. Значение -77 присваивалось стране в том случае, если в государстве наблюдалось падение ранее существующей политической власти (до установления новой). В основном, это происходит в период гражданских войн. Значение -88 отражало «переходное» состояние государственного устройства, когда создаются новые институты и законодательная база.

Эти индексы были модифицированы следующим образом: согласно новой шкале значение -66 рассматривалось как «системное упущение» (system missing); значению -77 соответствовало значение 0, то есть политический режим рассматривался как «нейтральный». Покажем на примере, как рассчитываются индексы Polity2, если ранее стране было присвоено значение -88 . Допустим, в некоторой стране значение индекса Polity в 2000 г. было равно (-7) , а в 2004 $(+5)$, при этом в течение всего промежутка времени страна находилась в «переходном» состоянии, т. е. обладала значением -88 . Тогда, так как общее изменение составило 12 пунктов, а интервал времени равен 4 годам, то значение индекса изменяется со скоростью 3 пункта в год, то есть в 2001 г. индекс Polity2 будет равен -4 , в 2002 (-1) , в 2003 $(+2)$, в 2004 $(+5)$.

Среди стран с переходной экономикой (*рис. 42*) лидером по данному показателю практически на протяжении всего периода (с 1993 по 2005 гг.) являлись Чехия и Венгрия, но в 2006 г. максимальное значение показателя наблюдалось уже у Венгрии и Польши. Наименьший показатель у Казахстана, который заметно снизился к 2006 г. по сравнению с 1993 г. Россия имеет довольно низкое значение индекса, но нельзя не отметить, что его значение резко возросло в 2000 г., что позволило России обогнать Украину.

При сопоставлении России с ключевыми группами стран видно, что Россия в 2006 г. имеет довольно хороший показатель (7). Высокие значения индекса отмечаются у стран-лидеров экономического развития и стран Южной Европы. Отрицательными значениямиобладают Белоруссия и Казахстан (-7 и -6 соответственно).

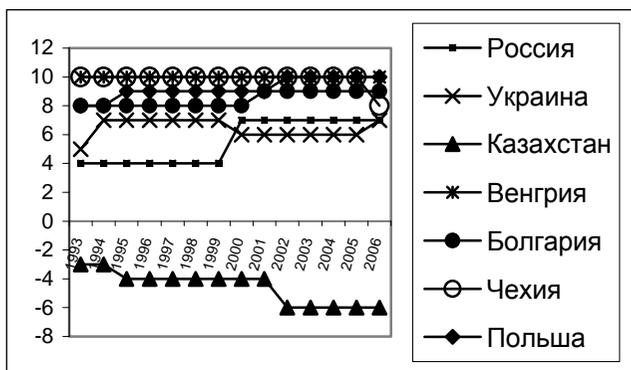

Рис. 42. Индекс политического режима в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1993–2006 гг. (большее значение индекса соответствует более демократическому устройству общества, меньшее – более авторитарному)

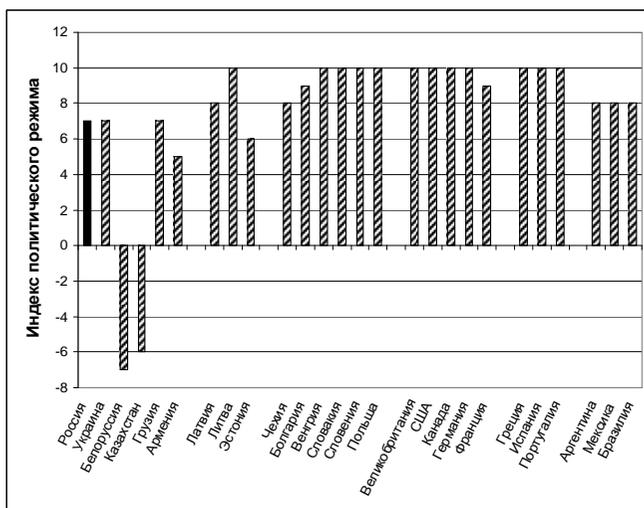

Рис. 43. Индекс политического режима в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более демократическому устройству общества, меньшее – более авторитарному)

Индекс ограничения исполнительной власти (Xconst – Executive constrains)

Данный индекс определяет степень институциональных ограничений, которые накладываются на исполнительную власть при принятии как коллективных, так и индивидуальных решений. В странах западной демократии, например, подобные ограничения налагаются законодательной властью. Таким образом, целью создания индекса является исследование распределения полномочий между различными государственными органами власти в процессе принятия решений.

При построении индекса используется специальная шкала, минимальное значение которой 1, максимальное – 7. Значение 1 присваивается стране в случае, если государство обладает неограниченной властью (управление осуществляется посредством директив, законодательная власть не вправе выступать в качестве инициатора законопроектов и не может запретить нормативно-правовых актов главы государства, конституция часто пересматривается по инициативе главы государства и т.д.). Значение 7 присваивается стране, если прочие органы исполнительной власти обладают равными или большими полномочиями, чем глава государства (наличие надлежущей субординации между государственными органами, законодательная и исполнительная ветви власти иницируют большинство нормативно-правовых актов, глава государства зависим от поддержки парламента и т.д.). Таким образом, чем больше значение индекса, тем меньше власти сосредоточено в руках главы государства и тем более эффективно её распределение между различными государственными органами.

Лидерами по данному показателю среди стран с переходной экономикой (*рис. 44*) являются Венгрия, Болгария, Чехия и Польша, причем Венгрия, Болгария и Польша сохраняли максимальное значение индекса в течение всего периода с 1993 по 2006 г. Россия в 2000 г. улучшила свой показатель на два пункта, достигнув значения, равного пяти, и догнав тем самым Украину. Наименьшее значение индекса имеет Казахстан.

В 2006 г. Россия имела относительно высокое значение индекса среди стран СНГ, но при сопоставлении с ключевыми группами стран это значение (5) является низким, так как меньшими показателями характеризуются только Белоруссия и Казахстан (рис. 45). Максимальные значения в 2006 г. были присвоены странам Балтии, странам Южной и Восточной Европы.

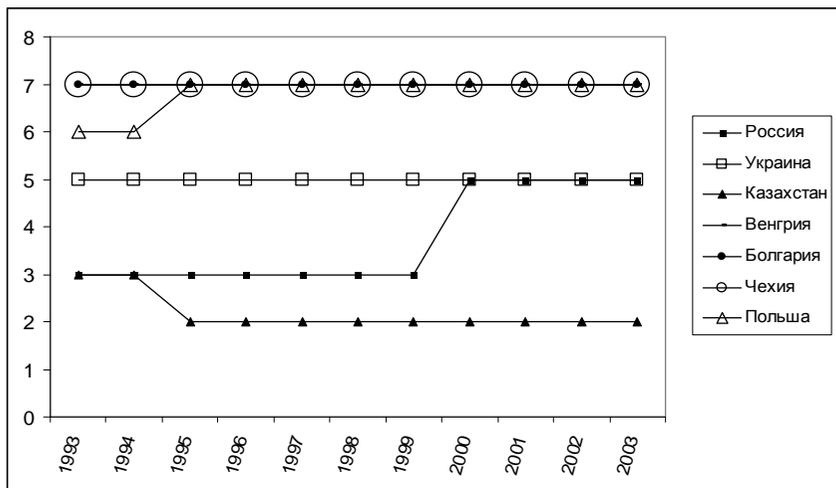

Рис. 44. Индекс ограничения исполнительной власти в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1993–2006 гг. (большее значение индекса соответствует большему распределению власти между государственными органами)

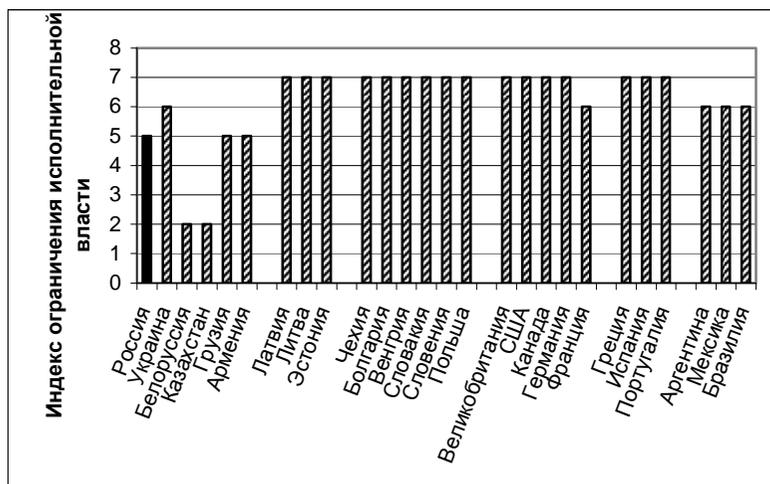

Рис. 45. Индекс ограничения исполнительной власти в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует большему распределению власти между государственными органами)

Индекс конкуренции политических организаций (Parcomp – The Competitiveness of Participation)

Данный индекс характеризует степень свободы возникновения и функционирования различных политических организаций, альтернативных существующей в стране власти. Для построения индекса используется шкала, максимальное значение которой равно 5. Основные значения индекса находятся в интервале [1: 5]; в то же время отдельным странам ставится в соответствие значение, равное нулю (используются для стран, которые рассматриваются как «нерегулируемые», то есть в государстве отсутствуют устойчивые политические организации и систематический контроль над политической активностью, число относительно значимых политических организаций постоянно изменяется). Значение, равное 1, присваивается странам, где не существует ни одной значимой политической оппозиции действующему режиму. Данное значение индекса присваивается в основном странам с тоталитарным, авторитарным режимами и деспотическим монархиям.

Значение 5 получают страны, в которых существуют устойчивые и долговременные политические образования, которые на постоянной основе борются за политическую власть на национальной арене.

В России индекс конкуренции политических организаций не изменялся за период с 1993 по 2006 г., оставаясь на уровне, равном 4. Касательно стран с переходной экономикой (рис. 46) можно отметить, что Венгрия на протяжении рассматриваемого периода сохраняла максимальное значение индекса. Величина индекса для Чехии резко снизилась к 2006 г. с максимальной отметки до 3. Улучшили свои результаты Болгария (до 4), Польша (до 5), ухудшили – Украина (до 3), Казахстан (до 2).

Максимальными значениями индекса обладают страны ОЭСР и страны Южной Европы (рис. 47), минимальными – Белоруссия и Казахстан.

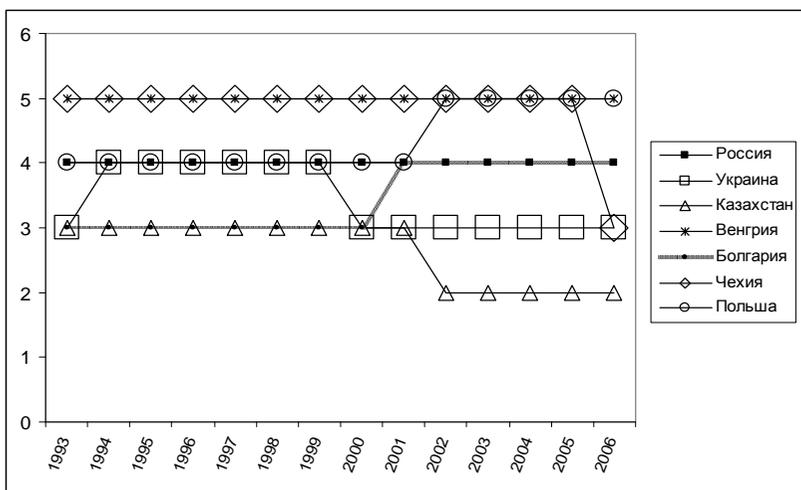

Рис. 46. Индекс конкуренции политических организаций в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1993–2006 гг. (большее значение индекса соответствует более свободной конкуренции политических организаций)

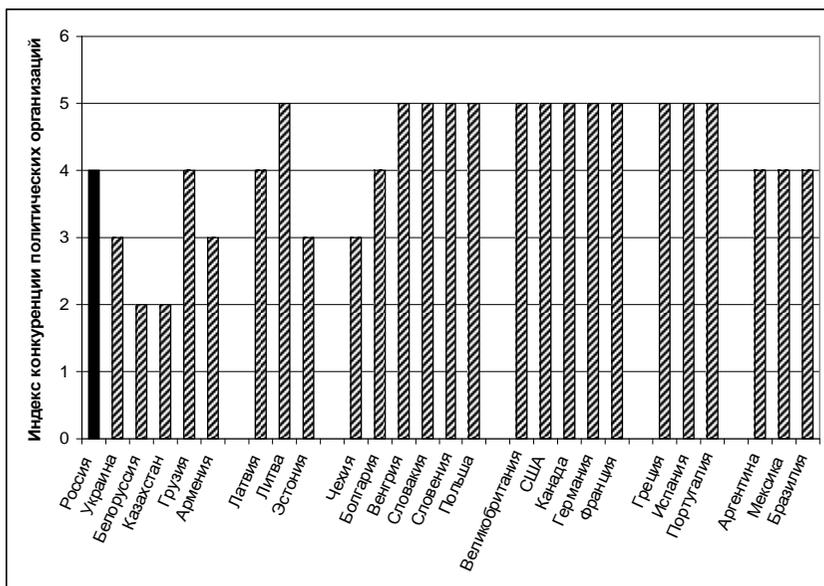

Рис. 47. Индекс конкуренции политических организаций в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более свободной конкуренции политических организаций)

M. Свобода в мире (Freedom House. Freedom in the World)

Впервые отчеты организации Freedom House были опубликованы в 1950-е годы и назывались *Balance Sheet of Freedom*. В настоящее время подобный отчет носит название Freedom in the World (Свобода в мире). В 2007 г. анализ включал 193 страны.

Freedom in the World 2007 охватывает развитие стран в период с 1-ого декабря 2005 г. по 31 декабря 2006 г. Ранее исследование проводилось за 12 календарных месяцев (например, с 1 декабря 2004 г. по 30 ноября 2005 г.). В 2007 г. также было добавлено несколько подпунктов к вопросам для проведения исследования.

Для данного исследования используется широкий спектр источников информации: отчеты государственных и негосударственных организаций, научных, исследовательских центров, а также визиты и индивидуальные контакты специалистов исследовательской группы в регионах. Информация о показателях уровня свободы и методологии доступны на сайте [www. freedomhouse. org](http://www.freedomhouse.org).

Методология исследования основана на стандартах политических прав (Political Rights) и гражданских свобод (Civil Liberties), которые в значительной степени вытекают из Международной декларации прав человека. Эти стандарты относятся ко всем странам и территориям независимо от географического положения, этнической и религиозной принадлежности или уровня экономического развития.

Политические права дают людям возможность свободно участвовать в политическом процессе, они включают в себя право выбора из различных альтернатив на легитимных выборах, вступать в политические партии и организации. Необходимо отметить, что каждое право должно быть не только закреплено в нормативно-правовых актах, но и реально осуществляться гражданами той или иной страны.

Итак, показатели политических прав и гражданских свобод рассчитываются на основе определенного перечня вопросов, каждый из которых содержит набор конкретизирующих подвопросов. На основе этого составляются сводные рейтинги, которые принимают значения от 1 до 7. Рейтинг 1 означает максимальную степень свободы, 7 – минимальную. Затем данные рейтинги обобщаются и определяется общий уровень свобод в стране. Если агрегированный индекс находится в интервале 1,0–2,5, то страна считается «свободной» (Free), при значении индекса 3,0–5,0 страна рассматривается как «частично свободная» (Partly Free), значения в интервале 5,5–7,0 свидетельствуют о том, что страна «несвободная» (Not Free).

Рейтинги политических прав и гражданских свобод тесно взаимосвязаны друг с другом: без развитого гражданского общества практически невозможно обеспечение гражданских прав.

В данном разделе будет проведен сравнительный анализ значений двух основных индексов (Political Rights и Civil Liberties) для России и основных групп стран.

Индикатор политических прав (Political Rights)

Основными составляющими данного показателя являются следующие категории:

- (А) Процедура выборов (Electoral Process);
- (В) Политический плюрализм и участие граждан в политической жизни общества (Political Pluralism and Participation);
- (С) Функционирование правительства (Functioning of Government).

За период с 2002 по 2007 г. рассматриваемый индекс для России возрос с 5 до 6 (*рис. 48*), что свидетельствует о сужении спектра предоставляемых гражданам политических прав. Позиции Казахстана остались неизменными, на Украине показатель уменьшился до 3 единиц. Венгрия, Болгария и Чехия сохранили свои позиции на самой низкой отметке (максимальный набор прав).

При сопоставлении России с другими странами (*рис. 49*), можно отметить, что индекс политических свобод России является одним из самых высоких (максимальное значение у Белоруссии). При сравнении величин отдельных составляющих индикатора России и стран Восточной Европы также наблюдается недостаточная эффективность функционирования институтов политических прав в России (*рис. 50*).

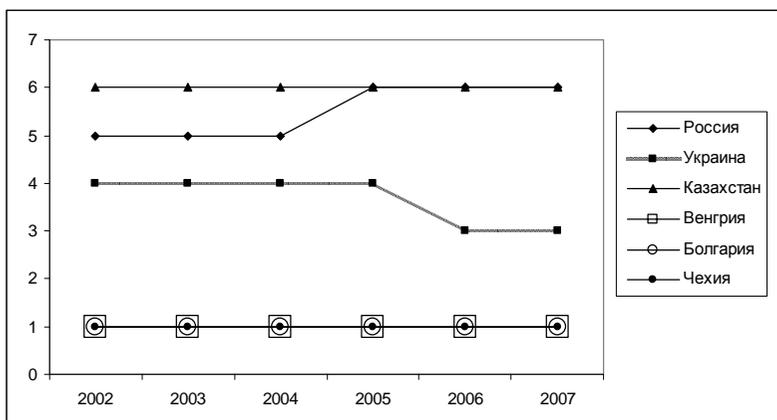

Рис. 48. Индекс политических прав в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 2002-2007 гг. (большее значение индекса соответствует меньшему спектру политических прав)

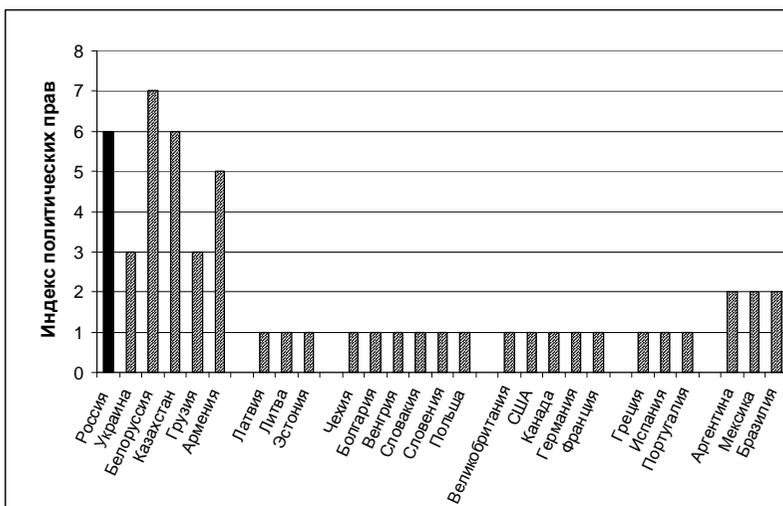

Рис. 49. Индекс политических прав в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует меньшему спектру политических прав)

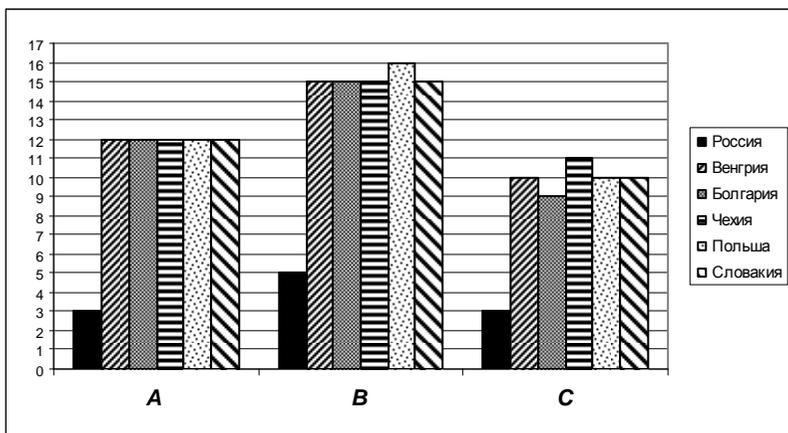

Рис. 50. Составляющие индекса политических прав по результатам Freedom in the World в 2007. Сопоставление России и стран Восточной Европы (чем больше величина составляющего индекса, тем лучше функционируют институты политических прав)

Индикатор гражданских свобод (Civil Liberties)

Основными составляющими данного показателя являются следующие категории:

- (D) Свобода самовыражения и исповедания (Freedom of Expression and Belief);
- (E) Свобода создания и ассоциаций и организаций и участия в них (Associational and Organizational Rights);
- (F) Качество правовых институтов (Rule of Law);
- (G) Свобода личности и защита частных прав (Personal Autonomy and Individual Rights).

В 2007 г. лидирующее положение среди стран с переходной экономикой (рис. 51) занимали Венгрия и Чехия, которые на протяжении рассматриваемого периода улучшили свои показатели на один пункт. Также улучшила свои показатели Украина, достигнув в 2002 г. отметки 2. Болгария, Россия и Казахстан сохранили свои позиции, при этом значение индекса для России составляет 5, что является

низким результатом по сравнению с другими странами с переходной экономикой. Среди рассматриваемых стран СНГ (рис. 52) максимальный показатель у Белоруссии, за которой следуют Россия и Казахстан. Лучшие показатели отмечаются у стран-лидеров экономического развития и стран Восточной Европы. Столь значимые различия между Россией и, например, странами Восточной Европы, характерны и для отдельных подиндексов, образующих агрегированный показатель (рис. 53).

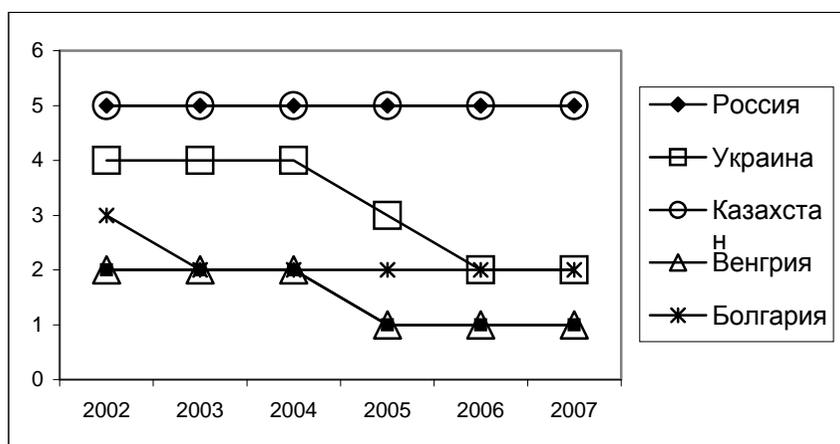

Рис. 51. Индекс гражданских свобод в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 2002-2007 гг. (большее значение индекса соответствует меньшему спектру гражданских свобод)

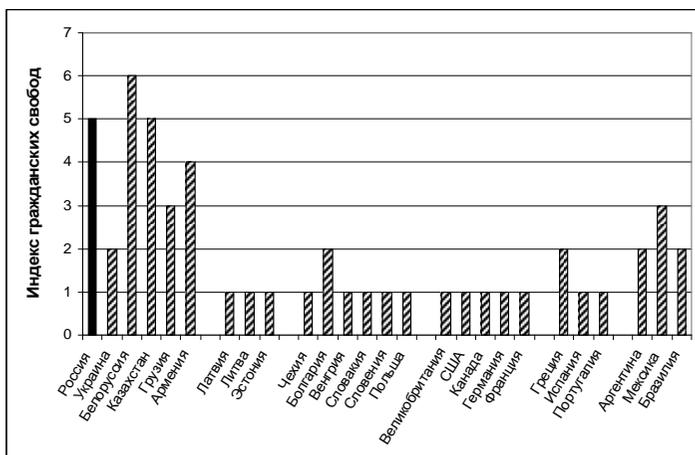

Рис. 52. Индекс гражданских свобод в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует меньшему спектру гражданских свобод)

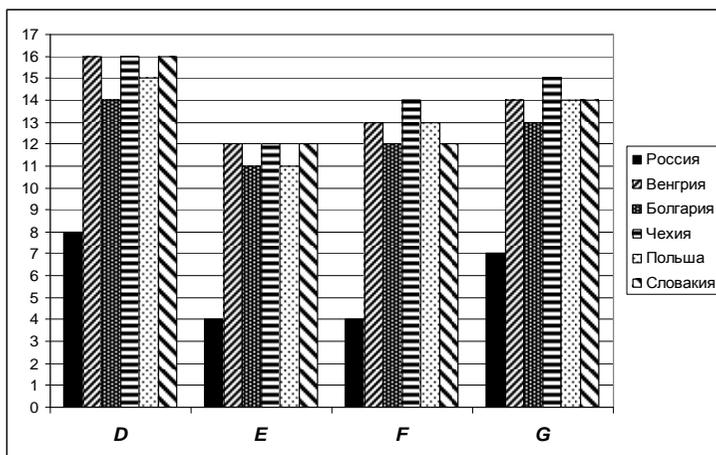

Рис. 53. Составляющие индекса гражданских свобод по результатам *Freedom in the World* в 2007. Сопоставление России и стран Восточной Европы (чем больше величина составляющего индекса, тем лучше функционируют институты гражданских свобод)

Индикатор качества правовых институтов (Rule of Law)

Данный индекс является составной частью индекса гражданских свобод. Он составляется на основе 4 основных вопросов; кроме того, имеется ряд более конкретных вопросов, дополняющих основные. Вопросы предполагают ответ «да» или «нет» или же являются альтернативными, то есть варианты ответа заложены в самом вопросе. Данные вопросы касаются справедливости судопроизводства, равенства всех граждан перед законом, отношения к оппозиции в вопросах государственного устройства, защиты от политического террора и др.

Методология расчета показателя заключается в следующем: каждому из основных вопросов присваивается рейтинг от 0 до 4 в зависимости от полученных ответов, затем полученные по каждому из вопросов рейтинги суммируются. Таким образом, максимальное значение индекса в 2007 г. могло составлять 16.

Проведем сравнение динамики индикатора качества правовых институтов России с некоторыми странами с переходной экономикой (*рис. 54*). Рассматриваемый период ограничивается для рассматриваемых стран 2006 и 2007 г. Россия имеет самый низкий показатель в данном перечне стран, который в 2006–2007 гг. не менялся. Лидером в 2006 г. была Чехия, которая в 2007 г. уступила свои позиции Венгрии, где значение показателя увеличилось на один пункт. Увеличение индекса в 2007 г. наблюдается также в Болгарии. В остальных странах значение показателя не меняется. Проводя сравнение с основными группами стран (*рис. 55*), можно отметить, что Россия имеет одно из самых низких значений показателя наряду с Белоруссией и Казахстаном. Максимальными значениями характеризуются страны-лидеры экономического развития.

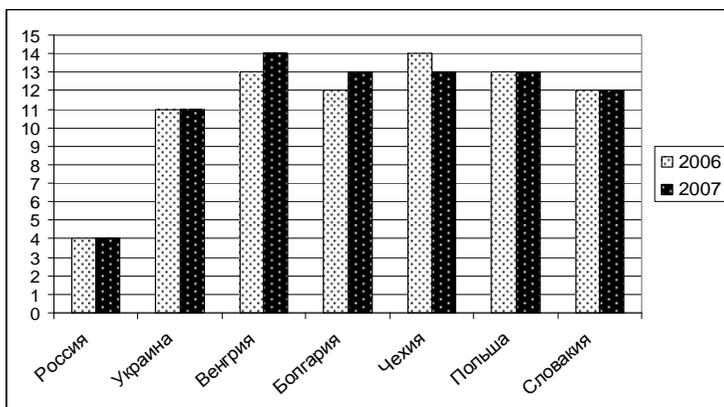

Рис. 54. Индекс качества правовых институтов в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 2006–2007 гг. (увеличение индекса соответствует большему развитию правовых норм в области гражданских свобод)

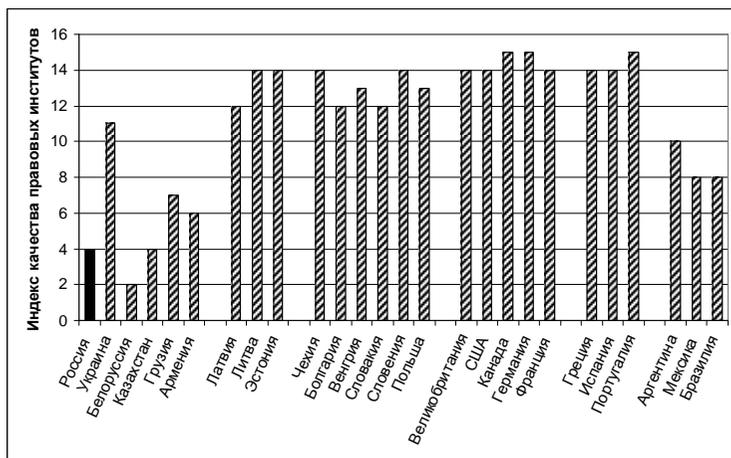

Рис. 55. Индекс качества правовых институтов в 2007 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует большему развитию правовых норм в области гражданских свобод)

Н. Доля кредитов частному сектору в ВВП

Доля кредитов частному сектору является одним из важнейших показателей, характеризующих развитие финансового сектора. В ряде эмпирических работ показан высокий уровень корреляции этого показателя с темпами экономического роста. Для расчета данного показателя использовался отчет Международного валютного фонда International Financial Statistics (IFS). База данных IFS издается с января 1948 г. (обновляется ежемесячно) и содержит количественные характеристики (финансовые аспекты) экономик мира. Отметим, что набор индикаторов не является одинаковым для всех стран.

В России в 2006 г. доля кредитов частному сектору в ВВП составляла 30,8%, и на протяжении 1993–2006 гг. отмечалась тенденция к увеличению показателя (*рис. 56*). Положительными трендами характеризуются также Украина и Казахстан, при этом темпы роста индекса там превышают темпы роста показателя в России (в итоге в 2007 г., у России последнее место в группе стран, по которым доступны данные). Заметим, что значение индекса для Казахстана резко снижалось в 1994–1995 гг. (с 51,39% до 5,39%), но с 1998 г. наблюдается устойчивая тенденция к росту. В Чехии значение показателя стабильно падало вплоть до 2002 г., после чего индекс начал расти медленными темпами, которые не позволили Чехии вернуть лидерство (3-е место среди рассматриваемых стран в 2006 г.).

Проводя сравнение с ключевыми группами стран можно отметить, что доля кредитов частному сектору в ВВП для России является низкой, особенно при сравнении со странами-членами ОЭСР (например, Великобритания – 174,23%, Канада – 139,25%). Отметим, что в первой группе стран лидером является Казахстан (48,24%), наименьшее значение показателя у Армении (8,83%). Низкими значениями индекса характеризуются также страны Латинской Америки.

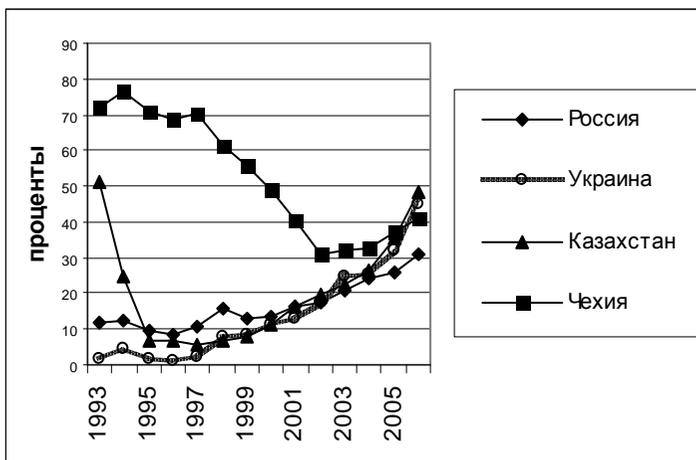

Рис. 56. Доля кредитов частному сектору в ВВП в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1993–2006 гг.

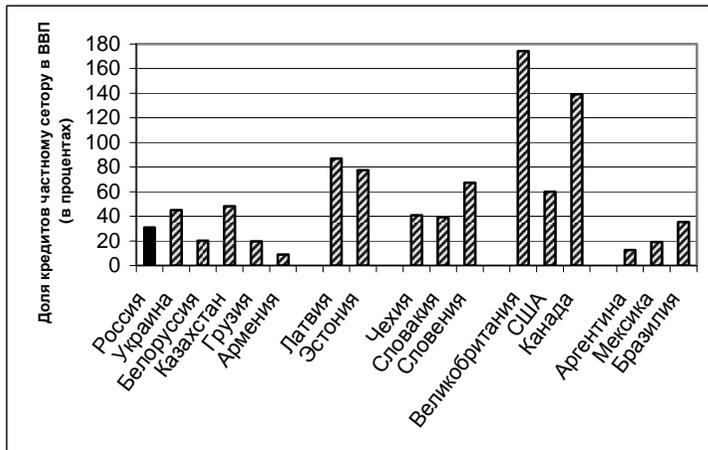

Рис. 57. Доля кредитов частному сектору в ВВП в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран

Приложение 2. Коды стран, включенных в модельные расчеты

Код	Название страны
1	2
ABW	Аруба
ADO	Андорра
AFG	Афганистан
AGO	Ангола
ALB	Албания
ANT	Нидерландские Антильские острова
ARE	ОАЭ
ARG	Аргентина
ARM	Армения
ASM	Американское Самоа
ATG	Антигуа и Барбуда
AUS	Австралия
AUT	Австрия
AZE	Азербайджан
BDI	Бурунди
BEL	Бельгия
BEN	Бенин
BFA	Буркина Фасо
BGD	Бангладеш
BGR	Болгария
BHR	Бахрейн
BHS	Багамы
BIH	Босния и Герцеговина
BLR	Беларусь
BLZ	Белиз
BMU	Бермуды
BOL	Боливия
BRA	Бразилия
BRB	Барбадос

Продолжение таблицы

1	2
BRN	Бруней
BTN	Бутан
BWA	Ботсвана
CAF	Центральноафриканская Республика
CAN	Канада
CHE	Швейцария
CHL	Чили
CHN	Китай
CIV	Кот-д'Ивуар
CMR	Камерун
COG	Конго
COL	Колумбия
COM	Коморские Острова
CPV	Кабо-Верде
CRI	Коста Рика
CUB	Куба
CYM	Каймановы Острова
CYP	Кипр
CZE	Чехия
DEU	Германия
DJI	Джибути
DMA	Доминика
DNK	Дания
DOM	Доминиканская Республика
DZA	Алжир
ECU	Эквадор
EGY	Египет
ERI	Эритрея
ESP	Испания
EST	Эстония
ETH	Эфиопия
FIN	Финляндия
FJI	Фиджи

Продолжение таблицы

1	2
FRA	Франция
FSM	Микронезия
GAB	Габон
GBR	Великобритания
GEO	Грузия
GHA	Гана
GIN	Гвинея
GMB	Гамбия
GNB	Гвинея-Бисау
GNQ	Экваториальная Гвинея
GRC	Греция
GRD	Гренада
GTM	Гватемала
GUM	Гуам
GUY	Гайана
HKG	Гонконг
HND	Гондурас
HRV	Хорватия
HTI	Гаити
HUN	Венгрия
IDN	Индонезия
IND	Индия
IRL	Ирландия
IRN	Иран
IRQ	Ирак
ISL	Исландия
ISR	Израиль
ITA	Италия
JAM	Ямайка
JOR	Иордания
JPN	Япония
KAZ	Казахстан
KEN	Кения

Продолжение таблицы

1	2
KGZ	Киргизия
KHM	Камбоджа
KIR	Кирибати
KNA	Сент-Китс и Невис
KOR	Корея
KWT	Кувейт
LAO	Лаос
LBN	Ливан
LBR	Либерия
LBY	Ливия
LCA	Сент-Люсия
LIE	Лихтенштейн
LKA	Шри-Ланка
LSO	Лесото
LTU	Литва
LUX	Люксембург
LVA	Латвия
MAC	Макао
MAR	Марокко
MCO	Монако
MDA	Молдавия
MDG	Мадагаскар
MDV	Мальдивы
MEX	Мексика
MHL	Маршалловы Острова
MKD	Македония
MLI	Мали
MLT	Мальта
MMR	Мьянма
MNE	Черногория
MNG	Монголия
MNP	Северные Марианские острова
MOZ	Мозамбик

Продолжение таблицы

1	2
MRT	Мавритания
MUS	Маврикий
MWI	Малави
MYS	Малайзия
NAM	Намибия
NCL	Новая Каледония
NER	Нигер
NGA	Нигерия
NIC	Никарагуа
NLD	Нидерланды
NOR	Норвегия
NPL	Непал
NZL	Новая Зеландия
OMN	Оман
PAK	Пакистан
PAN	Панама
PER	Перу
PHL	Филиппины
PLW	Палау
PNG	Папуа-Новая Гвинея
POL	Польша
PRI	Пуэрто Рико
PRK	КНДР
PRT	Португалия
PRY	Парагвай
QAT	Катар
ROM	Румыния
RUS	Россия
RWA	Руанда
SAU	Саудовская Аравия
SDN	Судан
SEN	Сенегал
SGP	Сингапур

Продолжение таблицы

1	2
SLB	Соломоновы Острова
SLE	Сьерра Леоне
SLV	Сальвадор
SMR	Сан-Марино
SOM	Сомали
SRB	Сербия
STP	Сан-Томе и Принсипи
SUR	Суринам
SVK	Словакия
SVN	Словения
SWE	Швеция
SWZ	Свазиленд
SYC	Сейшельские Острова
SYR	Сирия
TCD	Чад
TGO	Того
THA	Таиланд
TJK	Таджикистан
TKM	Туркменистан
TMP	Тимор-Лешти
TON	Тонга
TTO	Тринидад и Тобаго
TUN	Тунис
TUR	Турция
TZA	Танзания
UGA	Уганда
UKR	Украина
URY	Уругвай
USA	США
UZB	Узбекистан
VCT	Сент-Винсент и Гренадины
VEN	Венесуэла
VIR	Виргинские Острова

Продолжение таблицы

1	2
VNM	Вьетнам
VUT	Вануату
WBG	Сектор Газа
WSM	Самоа
YEM	Йемен
YUG	Сербия
ZAF	ЮАР
ZAR	Конго, Дем. Респ.
ZMB	Замбия

Приложение 3. Результаты оценки модели по данным за отдельные годы

Таблица 3.1

Результаты оценки минимальной модели. Отдельные годы

	1996		1998		2000		2002	
	WGI4_A	WGI6_A	WGI4_A	WGI6_A	WGI4_A	WGI6_A	WGI4_A	WGI6_A
GDPc ratio	0,900*** (67,97)	0,953*** (62,56)	0,960*** (84,77)	1,042*** (77,20)	0,981*** (88,62)	1,071*** (82,40)	0,988*** (84,36)	1,060*** (78,06)
dist weight	0,050*** (3,11)	0,082*** (4,67)	0,007 (0,48)	0,024 (1,44)	0,017 (1,15)	0,035*** (2,10)	0,044*** (2,84)	0,067*** (3,87)
_cons	0,779*** (5,76)	0,999*** (6,76)	0,943*** (7,53)	1,251*** (8,86)	0,824*** (6,47)	1,126*** (7,91)	0,646*** (4,91)	0,961*** (6,55)
R2	0,388	0,374	0,438	0,421	R2	0,440	R2	0,414
R2_a	0,387	0,374	0,438	0,421	R2_a	0,440	R2_a	0,414
N	6973	6973	7896	7857	N	7996	N	8047
F	2489,17	2111,82	3774,28	3114,79	F	4125,61	F	3791,57
p	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	p	0,0000	p	0,0000

	2003		2004		2005		2006	
	WG14_A	WG16_A	WG14_A	WG16_A	WG14_A	WG16_A	WG14_A	WG16_A
GDPc ratio	0,988*** (81,54)	1,044*** (75,37)	0,997*** (80,08)	1,067*** (75,03)	0,955*** (76,94)	1,019*** (70,97)	0,956*** (73,69)	1,026*** (70,38)
dist weight	0,064*** (3,98)	0,094*** (5,37)	0,079*** (4,93)	0,095*** (5,42)	0,090*** (5,78)	0,105*** (6,15)	0,069*** (4,15)	0,082*** (4,60)
_cons	0,491*** (3,66)	0,768*** (5,22)	0,340** (2,54)	0,693*** (4,72)	0,287** (2,21)	0,657*** (4,56)	0,485*** (3,49)	0,883*** (5,89)
R2	0,426	0,409	0,424	0,409	R2	0,389	0,386	0,383
R2_a	0,426	0,409	0,424	0,409	R2_a	0,389	0,386	0,383
N	7820	7786	8002	7964	N	8064	7488	7450
F	3615,10	3077,30	3533,32	3073,73	F	3251,25	2983,95	2690,33
p	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	p	0,0000	0,0000	0,0000

Примечание. В таблице приведены значения коэффициентов, под ними в скобках приведены значения t-статистики. Звёздочками обозначены уровни значимости: * – p-значение < 0,1, ** – p-значение < 0,05, *** – p-значение < 0,01. Расшифровка обозначений приведена в разделе 3.

Таблица 3.2

Результаты оценки расширенной модели. Отдельные годы (окончание)

	2003			2004			2005			2006		
	1			2			3			4		
	WGI4_A	WGI6_A	WGI16_A	WGI4_A	WGI6_A	WGI16_A	WGI4_A	WGI6_A	WGI16_A	WGI4_A	WGI6_A	WGI16_A
GDPc ratio	0,960*** (73,81)	1,018*** (68,72)	1,024*** (62,19)	0,963*** (67,18)	1,024*** (62,19)	0,932*** (60,97)	0,911*** (55,65)	0,911*** (55,65)	0,917*** (35,01)	0,870*** (37,20)	0,870*** (37,20)	0,917*** (35,01)
dist weight	-0,017 (-0,90)	0,008 (0,37)	-0,009 (-0,42)	-0,015 (-0,77)	-0,009 (-0,42)	-0,002 (-0,12)	0,003 (0,16)	0,003 (0,16)	-0,061** (-2,41)	-0,094*** (-4,00)	-0,094*** (-4,00)	-0,061** (-2,41)
common bord	-0,255*** (-3,15)	-0,300*** (-3,32)	-0,329*** (-3,36)	-0,241*** (-2,78)	-0,329*** (-3,36)	-0,278*** (-2,97)	-0,340*** (-3,24)	-0,340*** (-3,24)	-0,473*** (-3,91)	-0,404*** (-3,66)	-0,404*** (-3,66)	-0,473*** (-3,91)
common lang	-0,174*** (-4,29)	-0,239*** (-5,29)	-0,227*** (-4,72)	-0,183*** (-4,16)	-0,227*** (-4,72)	-0,178*** (-4,08)	-0,233*** (-4,85)	-0,233*** (-4,85)	-0,397*** (-6,41)	-0,336*** (-6,00)	-0,336*** (-6,00)	-0,397*** (-6,41)
trade open	0,002*** (9,90)	0,002*** (8,40)	0,002*** (9,59)	0,003*** (11,16)	0,002*** (9,59)	0,002*** (9,73)	0,002*** (8,46)	0,002*** (8,46)	0,003*** (10,64)	0,003*** (11,55)	0,003*** (11,55)	0,003*** (10,64)
raw exp	0,003*** (4,49)	0,006*** (8,96)	0,005*** (6,58)	0,002*** (3,45)	0,005*** (6,58)	0,003*** (4,87)	0,006*** (7,88)	0,006*** (7,88)	0,010*** (10,48)	0,008*** (9,04)	0,008*** (9,04)	0,010*** (10,48)
_cons	1,014*** (6,22)	1,272*** (7,21)	1,401*** (7,72)	1,011*** (6,07)	1,401*** (7,72)	0,941*** (5,78)	1,325*** (7,42)	1,325*** (7,42)	1,854*** (8,74)	1,676*** (8,48)	1,676*** (8,48)	1,854*** (8,74)
R2	0,428	0,419	0,394	0,410	0,394	0,397	0,381	0,381	0,340	0,340	0,340	0,335

Продолжение таблицы 3.2

	1			2			3			4		
	R2_a	0,428	0,418	R2_a	0,409	0,393	R2_a	0,396	0,381	R2_a	0,339	0,334
N	6331	6297	N	5900	5900	N	5576	5576	N	3461	3461	3461
F	1087,64	913,08	F	927,86	766,84	F	746,93	606,64	F	341,58	298,06	298,06
P	0,0000	0,0000	P	0,0000	0,0000	P	0,0000	0,0000	P	0,0000	0,0000	0,0000

Таблица 3.3

Результаты оценки полной модели. Отдельные годы (начало)

	1996			1998			2000		
	1			2			3		
	WGI4_A	WGI6_A	WGI6_A	WGI4_A	WGI6_A	WGI6_A	WGI4_A	WGI6_A	WGI6_A
GDPc ratio	0,792*** (45,97)	0,814*** (41,47)	0,871*** (60,75)	0,930*** (55,01)	0,919*** (70,97)	0,980*** (64,21)	0,919*** (70,97)	0,980*** (64,21)	0,980*** (64,21)
dist weight	-0,042* (-1,87)	-0,059** (-2,42)	-0,094*** (-4,38)	-0,106*** (-4,52)	dist weight (-0,086*** (-4,29)	dist weight (-0,090*** (-4,09)	-0,086*** (-4,29)	-0,090*** (-4,09)	-0,090*** (-4,09)
common bord	-0,189** (-2,36)	-0,215** (-2,47)	-0,107 (-1,38)	-0,140 (-1,64)	common bord (-0,134* (-1,82)	common bord (-0,158* (-1,96)	-0,134* (-1,82)	-0,158* (-1,96)	-0,158* (-1,96)
common lang	0,037 (0,72)	0,001 (0,02)	(0,069)	-0,093* (-1,90)	common lang (-0,034 (-0,82)	common lang (-0,074 (-1,59)	-0,034 (-0,82)	-0,074 (-1,59)	-0,074 (-1,59)
trade open	-0,001*** (-3,65)	-0,001*** (-3,10)	0,0004 (1,14)	0,001* (1,72)	trade open (0,001*** (3,02)	trade open (0,001*** (2,73)	0,001*** (3,02)	0,001*** (2,73)	0,001*** (2,73)

Продолжение таблицы 3.3

	1		2		3	
	raw exp		raw exp		raw exp	
OECD	0,002*** (3,12)	0,006*** (7,59)	0,003*** (4,98)	0,005*** (6,77)	0,003*** (4,71)	0,005*** (8,36)
EE	-0,195*** (-3,06)	-0,432*** (-5,55)	0,007 (0,11)	-0,214*** (-2,85)	-0,042 (-0,73)	-0,313*** (-4,70)
CIS	-0,268*** (-3,07)	-0,500*** (-5,38)	-0,331*** (-3,65)	-0,464*** (-4,19)	EE	-0,352*** (-3,83)
LAC	-1,186*** (-8,30)	-1,314*** (-10,30)	-0,922*** (-7,13)	-1,023*** (-7,65)	CIS	-1,102*** (-9,81)
EA	-0,373*** (-5,47)	-0,544*** (-7,25)	-0,279*** (-3,98)	-0,424*** (-5,55)	LAC	-1,151** (-2,13)
SA	-0,600*** (-5,53)	-0,633*** (-5,26)	-0,581*** (-7,17)	-0,537*** (-4,40)	EA	-0,522*** (-5,07)
MENA	-0,806*** (-4,75)	-0,997*** (-6,54)	-0,730*** (-3,07)	-0,860*** (-3,93)	SA	-0,612** (-2,48)
SSA	-0,899*** (-7,54)	-0,792*** (-4,99)	-0,384*** (-3,53)	-0,371*** (-2,77)	MENA	-0,493*** (-4,69)
_cons	-0,600*** (-7,29)	-0,669*** (-6,91)	-0,617*** (-9,34)	-0,592*** (-7,14)	SSA	-0,694*** (-11,94)
	1,719*** (8,52)	2,293*** (10,71)	1,841*** (9,74)	2,374*** (11,49)	_cons	1,673*** (10,93)

Продолжение таблицы 3.3

	1		2		3	
	R2	R2_a	R2	R2_a	R2	R2_a
R2	0,365	0,359	0,406	0,397	0,450	0,440
R2_a	0,363	0,357	0,405	0,395	0,449	0,439
N	4896	4896	5812	5812	6499	6499
F	232,37	210,42	356,23	301,52	512,57	418,11
p	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Таблица 3.3
Результаты оценки расширенной модели. Отдельные годы (продолжение)

	2002		2003		2004	
	1	2	1	2	1	2
GDPc ratio	0,959*** (72,73)	1,013*** (65,69)	0,937*** (68,64)	0,978*** (62,93)	0,942*** (62,80)	0,985*** (57,16)
dist weight	-0,070*** (-3,39)	-0,074*** (-3,28)	-0,079*** (-3,74)	-0,073*** (-3,23)	-0,076*** (-3,51)	-0,089*** (-3,83)
common bord	-0,113 (-1,44)	-0,165* (-1,89)	-0,133* (-1,70)	-0,167* (-1,94)	-0,12 (-1,42)	-0,184* (-1,94)
common lang	-0,007 (-0,17)	-0,038 (-0,80)	-0,059 (-1,36)	-0,115** (-2,39)	-0,061 (-1,30)	-0,093* (-1,83)

Продолжение таблицы 3.3

	1		2		3	
	trade open	raw exp	trade open	raw exp	trade open	raw exp
trade open	0,002*** (7,83)	0,002*** (7,15)	0,002*** (9,08)	0,002*** (7,51)	0,002*** (10,33)	0,002*** (8,71)
raw exp	0,003*** (3,98)	0,005*** (7,52)	0,003*** (4,77)	0,006*** (8,70)	0,003*** (3,88)	0,005*** (6,59)
OECD	-0,065 (-1,11)	-0,369*** (-5,64)	-0,109* (-1,85)	-0,396*** (-6,19)	-0,056 (-0,91)	-0,312*** (-4,70)
EE	-0,310*** (-3,41)	-0,524*** (-4,27)	-0,231*** (-2,51)	-0,438*** (-3,72)	-0,354*** (-4,32)	-0,550*** (-5,26)
CIS	-1,098*** (-9,44)	-1,247*** (-9,96)	-1,148*** (-9,41)	-1,276*** (-9,41)	-1,142*** (-10,20)	-1,416*** (-11,77)
LAC	-0,147* (-1,76)	-0,222** (-2,35)	-0,171*** (-2,11)	-0,288*** (-3,13)	-0,243*** (-2,95)	-0,375*** (-4,06)
EA	-0,279*** (-3,18)	-0,365*** (-3,25)	-0,315*** (-3,46)	-0,291*** (-2,80)	-0,296*** (-3,07)	-0,284*** (-2,90)
SA	-0,469** (-2,01)	-0,523* (-1,92)	-0,632*** (-3,72)	-0,748*** (-3,57)	-0,380 (-1,54)	-0,503 (-1,62)
MENA	-0,609*** (-6,33)	-0,675*** (-5,37)	-0,657*** (-6,37)	-0,694*** (-5,27)	-0,679*** (-5,95)	-0,702*** (-5,01)
SSA	-0,688*** (-11,05)	-0,680*** (-8,92)	-0,743*** (-11,59)	-0,772*** (-10,14)	-0,799*** (-10,83)	-0,851*** (-9,34)

Продолжение таблицы 3.3

	1		2		3			
_cons	1,521*** (8,28)	2,047*** (10,23)	_cons	1,623*** (8,68)	2,101*** (10,51)	_cons	1,600*** (8,39)	2,215*** (10,76)
R2	0,455	0,446	R2	0,439	0,430	R2	0,420	0,405
R2_a	0,454	0,444	R2_a	0,437	0,429	R2_a	0,418	0,404
N	6400	6364	N	6331	6297	N	5900	5900
F	543,56	452,58	F	510,37	429,47	F	442,20	367,29

Таблица 3.3

Результаты оценки расширенной модели. Отдельные годы (окончание)

	2005		2006	
	1		2	
	WG14_A	WG16_A	WG14_A	WG16_A
GDPc ratio	0,909*** (56,90)	0,949*** (51,12)	GDPc ratio	0,857*** (35,94)
dist weight	-0,061*** (-2,89)	-0,078*** (-3,39)	dist weight	-0,152*** (-5,63)
common bord	-0,175* (-1,96)	-0,220** (-2,20)	common bord	-0,304*** (-2,91)
				0,886*** (33,20)
				-0,150*** (-5,23)
				-0,366*** (-3,20)

Продолжение таблицы 3.3

1		2			
common lang	-0,061 (-1,31)	-0,100** (-2,00)	common lang	-0,237*** (-3,87)	-0,279*** (-4,13)
trade open	0,002*** (9,04)	0,002*** (7,68)	trade open	0,003*** (10,95)	0,003*** (10,04)
raw exp	0,004*** (5,17)	0,006*** (7,73)	raw exp	0,009*** (9,55)	0,011*** (10,80)
OECD	-0,146** (-2,40)	-0,411*** (-6,27)	OECD	-0,028 (-0,30)	-0,288*** (-2,85)
EE	-0,343*** (-4,35)	-0,599*** (-5,94)	EE	-0,561*** (-6,86)	-0,840*** (-8,73)
CIS	-1,157*** (-9,60)	-1,361*** (-9,85)	CIS	-1,237*** (-8,95)	-1,367*** (-8,96)
LAC	-0,277*** (-3,34)	-0,428*** (-4,61)	LAC	-0,166* (-1,74)	-0,319*** (-3,02)
EA	-0,313*** (-3,00)	-0,217** (-2,24)	EA	-0,361*** (-2,74)	-0,259* (-1,85)
SA	-0,391 (-0,98)	-0,313 (-0,64)	SA	(dropped)	(dropped)
MENA	-0,598*** (-4,81)	-0,707*** (-4,75)	MENA	-0,366* (-1,68)	-0,348 (-1,26)

Продолжение таблицы 3.3

	1		2	
SSA	-0,752*** (-8,99)	-0,726*** (-6,70)	SSA	-0,860*** (-6,46)
_cons	1,519*** (8,19)	2,156*** (10,71)	_cons	2,227*** (9,39)
R2	0,407	0,393	R2	0,354
R2_a	0,405	0,391	R2_a	0,352
N	5576	5576	N	3461
F	352,88	292,11	F	183,37
p	0,0000	0,0000	p	0,0000
				-0,895*** (-5,38)
				2,721*** (10,79)
				0,350
				0,348
				3461
				164,14
				0,0000

*Институтом экономики переходного периода с 1996 года
издается серия "Научные труды". К настоящему времени
в этой серии вышло в свет более 100 работ.*

**Последние опубликованные работы
в серии "Научные труды"**

№ 125Р С. Шишкин, Л. Попович *Анализ перспектив развития частного финансирования здравоохранения. 2009.*

№ 124Р И. Дежина, В. Киселева *Тенденции развития научных школ в современной России. 2009.*

№ 123Р Г. Идрисов, Л. Фрейнкман *Гистерезис в динамике структуры банковских вкладов: исследование для стран СНГ. 2009.*

№ 122Р Трунин П., Каменских М., Муфтяхетдинова М. *Исламская финансовая система: современное состояние и перспективы развития. 2009.*

№ 121Р Коллектив авторов. *Реализация реформы местного самоуправления в Хабаровском крае. 2008.*

№ 120Р Славгородская М., Летунова Т., Хрусталев А. *Анализ финансовых аспектов реализации реформы местного самоуправления. 2008.*

№ 119Р Стародубровская И.В. *Бюджетирование, ориентированное на результат, на региональном и муниципальном уровнях: подходы и рекомендации. 2008.*

№ 118Р Бондарев А.А. *Оценивание функций спроса для групп продовольственных товаров в российской экономике за 1999–2004 гг. 2008.*

Для заметок

Фрейнкман Лев Маркович
Дашкеев Владимир Владимирович
Муфтяхетдинова Маргарита Рашитовна

Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой

Редакторы: Н. Главацкая
Корректор: Н. Андрианова
Компьютерный дизайн: В. Юдичев

Подписано в печать 13.02.09
Тираж 300 экз.

125993, Москва, Газетный пер., 5

Тел. (495) 629–6736
Факс (495) 697–8816
www.iet.ru
E-mail: info@iet.ru